

Александр РАСКАЗОВ

**ЛЕТОПИСИ
Страны Арии**

ХАРЬКОВ
2010

Исследование технологии строения мегалитических сооружений Египта, Мексики и Перу доказывает факт существования древней высокоразвитой цивилизации, уровень знаний которой значительно превосходил достижения современного человечества. В легендах и сказаниях многих народов встречаются упоминания о богах из северной страны, которые зовут себя ариями. В 1554 году Герард Меркатор опубликовал карту северного полюса, на которой изображён разделённый на четыре части материк. По предположению учёных, этот материк и есть родина народа ариев. Но кем были арии, для науки оставалось загадкой... до появления этой книги.

«Летописи страны Арии» — необыкновенная книга. Она написана с помощью способности Человека ясно Видеть прошлое. Изначально, летопись была написана на бересте волхвом Владимиром Вещим около 1600 лет назад. К сожалению, рукопись не сохранилась до наших дней, но благодаря открывшейся Памяти Рода, Александр Рассказов восстановил её текст, и теперь вы лично можете прикоснуться к тайнам далёкого прошлого, которое берёт своё начало около 40000 лет назад.

Эта книга раскроет вам множество тайн, а её живой язык поможет погрузиться в далёкое прошлое и каждой клеточкой тела ощутить описанные события.

Александр Рассказов.

Летописи страны Арии. Книга 1

Предисловие

Вы держите в руках удивительную книгу, повествующую о далёких событиях прошлого наших предков. вдохновение, с которым она написана, передаётся читателю, и с первых строк он погружается в существовавший когда-то мир. То был мир невероятных для сегодняшнего человека возможностей. Мир путешествий между звёздами и волшебных деяний с помощью силы мысли. Мир цивилизаций, что зародились на разных планетах в разное время.

Эта книга не только об истории человечества и его былом величии, но и о силе любви. С её помощью герои преодолевали самые сложные препятствия, сеяли добро на Землях нашей Галактики и сохраняли основу жизни, благодаря которой мы существуем сейчас.

Летописи Страны Арии — это прикосновение к Знаниям наших древних предков, возможность узнать больше о своих пра-прапрародителях. Они распространяли Светлое Знание среди всех народов нашей планеты и за её пределами. Уровень их цивилизации кажется фантастическим и может не укладываться в воображении читателя, но всё, что описано в книге, является былью — тем, что было на самом деле. Подтверждением тому являются артефакты, разбросанные по всей нашей Земле. И это лишь малые частицы их бывшего могущества. Нашим предкам подвластны были силы Природы и тонких энергий. Они во благо своих народов, силой мысли, подчиняли стихии и движения планет. Именно Знания дали им возможность создать настолько высокоразвитую цивилизацию.

Отдельно хочется сказать о языке, которым написана эта книга. Он — живой. Сила книги и вдохновение посещают каждого Человека с чистым сердцем, пожелавшего прочитать её. Книга интересна и ребёнку и взрослому. Повествование одновременно является и увлекательным приключением, и учебником по истории, и книгой Знаний. Такой учебник не оставил бы равнодушным ни одного ученика в современной школе. Поэтому Летописи Страны Арии являются хорошим примером того, как лучше передавать Знания детям.

В книге Вы встретите много образов из русских народных сказок и это не случайность. Сказки сохранили в себе часть событий прошлого и Знания наших мудрых предков. В них что-то зашифровано и с этим согласны многие современники. Даже религиозное наследие других народов описывает похожие эпизоды далёкого прошлого.

Чтобы полноценно передать Дух тех времён, в книге используются образные иносказательные описания. Они помогают вдохновить читателя, а также понять то, что не присуще теперешнему сознанию Человека. Ведь главная цель Летописей не в том, чтобы составить датировку событий, а в том, чтобы сохранить Древнюю Культуру и перенести мировоззрение наших предков через века и тысячелетия. Именно в этом состоит ценность Наследия.

Имена и события в книге являются достоверными. Откуда это известно? В этом, пожалуй, состоит главная особенность Летописей по сравнению с другими трудами по истории.

Книга написана благодаря способности Человека проникать Мыслью в Прошлое. Развивая свои способности, Человек может научиться наблюдать события Прошлого так же ясно, как и Настоящего. Это можно назвать ясновидением, можно назвать прозрением, Интуитивным Знанием, а можно — Памятью Рода (генетической памятью). Это информация из нашего подсознания, энергоинформационного поля Вселенной^[1].

Чтобы научиться видеть сквозь время, нужно жить чистыми помыслами и с добрым сердцем стремиться познать Мир. Ещё недавно об этом говорилось только в сказках, но настала пора современному Человеку узнать о том Образе Жизни, благодаря которому раскрываются пред ним великие Знания Вселенной.

Книге не страшны скептики, потому что во многих уже просыпается Память Рода. Лишь тот Человек может объективно оценить достоверность описанных событий, кто смог открыть в себе эту способность и лично заглянуть в тайны прошлого.

Люди начинают стремиться к Знаниям спустя много лет после того, как в мире появилось рабство. До сих пор Человечество пребывает в мороке — сознание людей замутнено отрицательными программами, из-за которых на Земле распространялось зло и разрушение. Появление такой книги говорит о приходе светлых времён. Мир очищается с помощью Доброты, Любви и Света Знаний.

Также хочется сказать несколько слов о том, как и когда была написана книга. Изначально она была записана волхвом Владимиром Вещим на бересте около 1600 лет назад. Часть её хранилась в библиотеке Ивана Грозного, но сгорела со всеми другими документами в спланированном тёмными людьми пожаре. Но уже в наше время Александр рассказов, благодаря открывшимся способностям, восстановил текст этой книги. Некоторые слова были заменены на современные для того, чтобы упростить восприятие информации и сделать книгу доступной каждому.

Это лишь первая книга серии Летописей Страны Арии, описывающая события прошлого от 40 000 лет назад, но даже её одной достаточно, чтобы по-

сеять в людях стремление ко всему Доброму и Светлому. Желаем Вам испытать всю полноту ощущений от прочтения книги. Совершить множество путешествий в прошлое вместе с её героями. И главное, желаем, чтобы осталась в Вас Искра, которая рано или поздно разожжет Светоч Души, направив Вас на Путь целостного развития.

Павел Светлый

Автор книги «Образ Родины Счастливой»^{2}

Падал снег крупными хлопьями. За окном бело. За сотни вёрст ни души. Я сидел тихо, глядя на потрескивающиеся поленья в печи, выложенной из белого камня. Мой посох стоял у двери, окованный булатным перстом, который поблёскивал, как бы играя, с пламенем огня. Роженица родила сына без мук и тихо спала на печи, прижав дитя к своей груди. Супруг её хлопотал на дворе, запрягая сани. Сына назвали Егором. Взглянув на ихнего отпрыска, я точно знал — быть ему волхвом.

Пламя пробуждало в моей душе картины далёкого прошлого и я, сидя словно в забытии, видел перед собой наших могучих предков, и видения складывались в стройные образы...

Светомир

Создатель сайта «Возрождение Славяно-Арийской Ведической Культуры»^{3}

Летопись об отцах наших, славных героях и воинах, берёт своё начало за много вёрст от селе. Всё началось так, а вернее закончилось, ибо конец чего-то всегда является началом.

Волхв Владимир Вещий

Два силуэта тихо стояли на выжженной *ярилами*^[1], потрескавшейся, сухой почве. Ветер то и дело окатывал горячим клубом пыли. Лишь глаза блестели с неподдельной чистотой и силой. Один из воинов был облачён во золото. Средней длины космы вились по ветру. Губы слегка потрескались и пересохли. Другой же, супротив него, жалкий на вид малый, таил в больших чёрных очах силу тьмы. Когда-то и он походил на своего противника, но это было очень давно. Его дух изменился за те лета, проведённые во тьме.

Витязи, *не молвя ни слова, ни полслова*^[2], мгновенно понимали друг друга. Светловолосого звали Яром, тёмный же был Кожан. Когда-то там, за много жизней до сих пор, они были брат и сестра, но это было тогда.

Постояв ещё немного, Яр развернув голову, зашагал прочь к *железной птице*^[3] и ко своим сотоварищам, поджидавшим его в чреве той птицы. Им предстоял долгий путь во *Земли*^[4] иные.

Кожан тихо просопел и *растаял*^[5] с дуновением пыльного ветра. Битва закончилась, не успев начаться.

Вдалеке загорелась и упала *Полынь-звезда*^[6] и железная птица, хлопнув крыльями, чуть помедля, вспорхнула ввысь, отражая от себя два ярила — *зелёное и красное*^[7].

Посмотрев в малое оконце изо чрева той птицы, Яр знал — *Оре-Земле*^[8] погибель скорая грядёт. Полыхнуло зарево да великий пожар занялся и окутал Ору-Землю. Не желая выдавать печаль, Яр смахнул со щеки сбежавшую слезу. То был конец Оре-Земле — Родине его. И грусть-тоска заполонила шибко сердца сидевших во чреве железной птицы.

Долго ли, коротко ли — скоро сказ сказывается, да не скоро дело делается. Летела та птица железная, отпуская *детей малых*^[9] своих по Землям тёмным и светлым, возжигая звезду полярную во небе без конца и края. Народу набилось в чреве той птицы немало — и стар и млад, красны девицы и добры молодцы. И на выглед были они кровей разных и цвета кожи разного.

Яр с сотоварищами совет держал — во какие земли им податься. И выбор пал на *Мирград-Землю*^[10], что за *много вёрст*^[11] от мест тех, где они прибывали, укывшись от беды великой и сил тёмных.

Поддержал народ мысль светлую, и *впорхнула птица железная в оконце тёмное, да вышла по другую сторону — в оконце светлое*^[12]. То было *три Земли и ярило красное — Мирград-Земля, Инград-Земля*^[13] и *Живград-Земля*^[14].

Выпустила птица детей своих малых со племенами разными во чревах.

Живград-Земля была самой малой и укрылось там *племя цвета красного*^[15]. Моря и горы были на той Земле и всякие растения диковинные в количестве огромном. И взяли они с собой *народа морского*^[16] во те моря, и зажили счастливо во Земле новой.

Инград-Земля приняла *людей с жёлтым цветом кожи*^[17]. И было множество дерев и лесов со плодами сочными на ней, и текли ручьи со живой водой. И зажил народ этот счастливо во землях новых.

Яра с сотоварищами и с народом^[18], да *асов веее племя*^[19], что птицей той железной управляли и детьми её малыми, приняла Мирград-Земля во свои объятия. И привели они с собой на Землю-матушку *народ тёмный, цветом кожи чёрной*^[20], который спасли от смерти лютой на *Инве-Земле*^[21] во краях дальних.

То был первый год во Земле новой, во Мирград-Земле. А были берега там, где нынче пучина морская. А были тёплые края там, где теперь вьюга и метель бушуют.

Яр и народ с ним, в числе несметном, посреде поля да в чистом лесу поставили хоромы^[22], да в срок малый^[23], без камня и дерева и без трудов великих.

Был там остров без конца и края, и нарекли его — страна Ария^[24].

Племя же тёмного цвета кожи пожелало уединиться в лесах дремучих, от народов Арии подалее, восхвалять богов своих от чужого глаза в стороне. Не противился Яр воле народа чужеродного, и разбрелись люди те по Земле-матушке, народу Арии благодарствуя, песни воспевая и сказы сказывая. И зажили счастливо на Мирград-Земле.

И племя асов вщее перешло за горы великие, возжелая друзьями быть с народом Арии. Жить своею жизнью и детей растить, да лелеять птенцов малых, да парить по-над пропастью во птицах железных.

И созвал тогда совет, Яр, народа Арии — вече по нашему. Пришли все — стар и млад на то светище^[25].

Во то время в тех берегах ярило колобродило, да вокруг всё кружилось светлое^[26]. День стоял на земле время долгое. Ночь потом была время длинное, да сияла чудесная радуга^[27] и в полнеба, цветами играючи, как и нонче^[28] в местах лютых северных.

На собрании том людей толпища. Каждый сделал себе избу ладную. И тепла была речка-матушка^[29], что в четыре стороны пораскинулась — поперёк, да вдоль того острова.

Порешили люди согласиём, посадили Яра на вотчину^[30], чтоб беречь родну Землю-матушку от кощеев^[31] и ихслужителей^[32], что проведали о Мирград-Земле и пришли забрать во свои ряды людей с кожей цвета тёмного.

Люди тёмные воспротивились, не желали быть рабами более.

Кожан был главой над кощеями и пролил он, гад, много кровушки. И хотел покорить племя чёрное и забрал к себе духом слабых дев и добрых молодцев. Были те, что по воле своей шли, но числом они были малые. Не горел огонь у них духа чистого^[33], беспредельного.

Во те времена над Мирград-Землёй две луны было в чистом небушке. Вела звали одну луну, а вторая Луной^[34] называлась. Восходили они посреди ночи, освещая яриловым отражением земли светлые страны Арии и заморских краёв земли дивные.

Вот собрали кощеи войско числом великое и давай топтать-разорять Земли ближние. На Инград-Земле и Земле Живград поднялося зарево^[35] — далеко видать. И народ совладать не мог никак со кошеевой тёмною мыслью^[36].

И пошли они во Мирград-Землю по горам, по долам лютой вьюгою, привели с собой гром и молнию^[37].

Лишь над Арией землёй светит солнышко, не смогли они подойти туда ни во птице железной, ни с ненастьями^[38].

Народ асов, друзья арийские, злым кощеям тогда воспротивились, и вспорхнула во чисто небушко птиц железных вереница длинная.

Яр, собрав, ополчил добрых молодцев. Полетел высоко он мыслью^[39] по-над небом, по-над светом ярила красного во чертоги^[40] кощея Кожана, что на Веле тогда гнездились, насылая в Мирград ненастья, рассыпая погоду лютую, да моря народ за напраслину^[41], вознося богам своим почести^[42].

Полетели птицы железные на Инград-Землю и Живград-Землю, во края чужие, но светлые, выручать своею подмогою и народу неся избавление от кощейских затей безрадостных.

Яр и два его сотоварища, Мер и Лель, величать по имени, пробрались во чертоги кощеёвы и над Велой парили соколом, зоркий взгляд свой держа во бремени и высоко витая мыслью.

На Инград-Земле и Живград-Земле поднялася смута великая. Не щадили кощеи ни стар, ни млад, обретая всех на погибель лютую.

Асов птицы тем часом железные разбрелися по двум тем Землюшкам. Кто глядел на кощеев с трепетом, тех они во тех землях оставили. Непокорных же, да и стар и млад, на железной птице отправили, повернув назад на Мирград-Землю.

Занялась Инград-Земля огнём-пламенем, кто остался — пропал с кощеями и нашёл себе там пристанище.

Отпустила птица железная изо чрева своего птенца малого. Не сидел внутрях добрый молодец, не сидела там красна девица^[43]. Полетел птенец в море бурное, взбушевалося оно непогодю и впустило его в объятия. Тут Инград-Земля всколыхнулася, и открылось оконце тёмное, да Инград-Земля закружилася, да из глаз долой вовсе сгинула^[44].

Прослыхали тогда кощеевы силы тёмные о народе с Инград-Земли, что вышел на волюшку. Разбросали

они *семя тёмное*^[45] на Живград-Земле — и по морюшку, и по землюшке. Всё, что вверх росло, — к земле тянется, да все звери в лесах тотчас сгнули, и людей пропало немеряно. Да кощеи с Живград-Земли ушли.

Но успели прийти помочь асов племени птицы светлые и собрали, кто был живой, да во чрево птицы отправили. Асы, с теми другими народами, восояси тотчас направили своих птиц железные головы.

А на Веле тогда Кожан сидел со кощеями и ихними слугами. Всё хотели ариев страну забрать, победить её непокорную.

Яр и двое друзей его прибывали мыслью вещю во чертогах оных кощеевых. И прознали кощеев замысел, и решили унести Велу со свету — погубить кощеёво племюшко.

Тит тогда был при Яре писарем, он вошёл во хоромы светлые, что стояли во Мирград-Землюшке, глядь — *а Яра уж нет с сотоварищами*^[46]. Подивился тогда чуду дивному, дописал всё в книгу железную^[47].

Лель и Яр принесли два деревца, посадили в кощеёвом логове. Ну а Мер им принёс живой воды да смешал её с *водой мёртвою*^[48], и полил деревца те обильно он.

Взялись за руки други верные, *прошептали слова заветные*^[49]. Ночь укрыла — в глазах их черно. Воротились на Мирград в мгновенье одно.

Деревца те корни пустили враз. Обвили те корни Велу-луну, и давай крошить и давай давить её.

Кожан ведал о том и исчез тотчас, а другие кощеи все сгнули.

Буря сильная поднялась тогда^[50] — на Мирград-Земле волны плещутся. И волна, хлыстнув о земь арийскую, оторвала край того острова. Да все люди, что были там, тотчас сгнули во пучине моря великого.

Яр позвал тогда асов племюшко — горевали те по Веле-луне. Порешили они с Земель чужих привести ину малу Землюшку.

Короба набив пустотой великою^[511], заблестели птицы железные. Полетели за тридцать^[521] Земель добывать луну малу Землюшку.

Не успело ярило и раз обойти-обернуться навколо Мирград-Земли^[531], воротились две птицы железные и ведут меж собой луну новую. Пуще прежнего она вся блестит и ярило в себе отражает.

Нарекли её Радой на радостях. Льдом она была вся припорошена и сияла, словно каменья дивные.

Растопило ярило тогда тот лёд, поднялись в малый срок дерева и дубравушки. Порешили стеречь её пуще сокола, поселили на стражу воинов. Терема на Раде поставили.

Зажилось веселей на Мирград-Земле, кто погиб уж полно оплакивать. Ожидает людей время новое.

Восхваляют великих воинов во былинах да в песнях радостных.

О спасении Мирград-Земли много разного тараторили. С той поры Спас Великий праздновать порешили тогда они.

Так бежало время без устали. Не тужили ни стар, ни млад на Мирград-Земле — Земле-матушке.

Племена тогда все спасённые разбрелись во четыре стороны.

Племя красное отыскало брег да по праву руку раскинулось от земли от Арии.

Племя жёлтое не велело ждать и ушло во степи просторные, да по леву руку от острова.

Да морского народу племюшко расселилось в морях, что теплы были.

Племя чёрное, горемычное, схоронило своих сородичей, что погибли в войне несправедной, да осталось в своих поселениях, да поныне там прибывается.

Племя асов, друзья арийские, воротились в свои места, да зажили там ладно, здорово.

В одно лето^[54] на Раду-луну тогда прилетела птица железная. Та несла в себе храбрых воинов, чтоб беречь-сторожить Землю-матушку.

Пожелали те витязи славные жить-поживать на Раде-луне и детей растить, да на нивах зорьку встречать.

А на вотчине во Мирград-Земле, в арийских землях светлых, были люди все счастья полны и воздвигли хоромы новые Яру и его сотоварищам.

Был у Яра сын — Ерем звать, Ерёма по-нашему. Ерем был годов двадцать от роду и умел он делать дела дивные. Потешал народ да отраду нёс степенную добрым своим родителям.

Бывало встанет посреди двора, стукнет три раза о землю посохом малым, да шепнёт слова, одному ему известные, да пропадёт с глаз долой — дивится народ. А опосля, через срок малый, вернётся с вещами заморскими, да такими, что в землях арийских не видывали и слыхом не слыхивали. И давай его люди добрые пытаться, где ж добыл те вещицы диковинные? А он и отвечает:

— Был я за морем во земле чужой, люди там ходят хворые. Излечил я их, уберёг от беды и горюшка. Благодарствуют люди лекаря, так назвали меня в тех земляшках. Кто парчу принесёт красивую, кто из злата цепь с самоцветами. Я ж домой поспешаю с подарками.

А в то время болезней не знал никто^[55], и не ведал никто горькой старости во землях во арийских солнечных. Все во здравии ходили крепкими, да не ели вообще скоромного. Да все пили водицу студёную да отвары из трав целебные — были травы те вкуса дивного.

Мясо вовсе не ел народ тогда, ни в земле что гулял, ни по морюшку. Все коренья ели да плоды с дерев многоцветные. Да плоды были те особые. Если съест его добрый молодец — будет сытым ходить время долгое. Если съест его красна девица — будет вовсе сытнее сытого. И ни жажды не будет чувствовать, и ни голода. Да и силу в себе найдёт всегда, кто отведал плоды те сочные. Будет *светоч*^[56] дарить и молодость людям всем, себя окружающим.

И было озеро бело посреди земли Арии, да вода была тепла там всегда, потому как во недра Мирград-Земли она уходила, кои грели светом Земли изнутри то озеро. И звали край тот *Белозёрье*^[57].

Кто окунётся в то озеро будет жить вечно, переживя тело бренное мыслью своей.

Люди из племён других не ведали, как устроена суть человеческая, и приходили на поклон во землю Арию. Да кто приходил уж, не хотел оставлять землю арийскую. И народ арийский собирал творения умельцев диковинные и дарил их один раз в срок малый всем, кто желал. И письма в железной книге, выкрапленные узорами диковинными, подносил народам тем; и селил сынов и дочерей своих во края чужие, дабы поведать и оповестить их о грамоте, от ихнего рода отличной.

Да вот какая оказия чудная в те поры была:

Когда тело бренное человека покидало Мирград-Землю, его придавали огню и отпускали по воде, а не хоронили во земле сырой. Дух умершего находил пристанище во землях иных до поры, и *коды*^[58] рождался ребёнок во семье, где тело огню предали, — во момент зачатия Дух переходил в утробу матери.

Когда же дитё на свет божий являлось, не помнило оно о жизни своей былой до поры, а вершками малыми, в отрочестве да в юности вспоминало и приумножало опыт предков своих великих; и во зрелости вспоминало полностью все жизни свои былые.

Вот такая круговерть великая вершилась день за днём, год за годом. Кто ж во зрелости не желал жить памятью прошлого, мог избрать себе путь новый.

Вада-луна была в аккурат на том круге, где предшественница её опальная. И вот кружилась она над Мирград-Землёй, ярила свет отражаячи. И прошло сорок годов по времени нашему.

Жил народ Арии, народ асов и немного других народов на той Раде-луне в количестве малом. И была почва благодатная на ней, и росли травы диковинные, коих на Мирград-Земле не сыскать. Но случилась одна оказия.

Души кощеев *неуспоенные*^[59], Кожаном ведомые, что сохранил плоть свою брнную, просочились по капельке во тела добрых воинов и затаились там до поры, да никто об этом не ведывал.

И начал одолевать в тот год дух тёмный тех, кто волею слаб был. Заполнил душу оных корыстью и злобою.

И жили волхвы в те поры на луне, что Луной называется. Жили они лета долгие, нам неведомые, и не стояли они ни за силой светлою, ни за силой тёмною. Лишь смотрели вниз на Мирград-Землю и думу думали.

Величали тех волхвов именами разными. Опосля люди думать начали, что боги они; но были не боги то, а душа человечесья, что узрела свет дивный.

И не могла та душа принять ничью сторону, но могла принимать разные облики. То девицею обернётся красною, то обернётся добрым молодцем, а то и вовсе волком серым — и думает думу волчью.

Был и Яр из рода того светлого, да возжелал остаться во Мирград-Земле — убересть людей добрых от горяшка.

Долго ли, коротко ли — по Мирград-Земле люди с Рады-луны рассеялись. Да не знали, не ведали тёмной силушки, что во плоти у них хоронится.

И по сей день кощеи прячутся — то их души, как копоть тёмные, всё сидят до поры, до времечка.

Так шли года чередою длинною на Мирград-Земле, на Земле-матушке.

Вот в один день, порешил Яр собрать добрых молодцев и красных девиц, да со всей Мирград-Земли и с уголков её дальних. И кто возжелал, тому дарил он светоч знания мудрого.

Были средь людей оных и те, что кощевым душам упокой дали. Ведал о том Яр, но всё ж решил, что смогут они одолеть семя тёмное, что кощеи засеяли.

Были такие, что одолели, но были и такие, что затаили до поры да приумножали род свой, о том не ведая.

Вот прошло пять сроков малых, и все кто возжелал, знания эти получил; да мог унести с собой книгу железную и дарить всё, что в той книге, любому, кто вопрошал. Не дано было кощеям познать той книги. Не дано было достичь высот тех светлых. Но всё ж смогли они, вцепившись пиявкою в душу светлую, открыть себе часть знания вещего.

Но то было впереди, а пока собрались люди добрые и пошли по Мирград-Земле, неся книгу железную. И было то счастливое время — всяк кто жаждал знания, обретал его.

И были те знания полны чудес разных. Кто волею и духом силён был, мог ветром в чистом поле обернуться. Мог дождём иль снегом стать, иль волной морскою. Мог землицей-матушкой воплотиться и рожать урожаи дивные по пять раз за срок малый.

И была у Яра *книга другая малая*^[60], но хранилась та книга ни в хоромах светлых, ни во чертогах тёмных; а была она знанием рода, что обитал на луне, что Луной называется. И не имела та книга плоти ни железной, ни берестяной. Мог прочесть её только тот, кто волхвом стал. Были и такие на Мирград-Земле-матушке.

В те поры и веселились люди во землях Арии на славу, и свята их были от наших отличные. Всё же были и схожие, такие, как кулачный бой. Да сорековались и удалью блистали не только добры молодцы, но и девки, и люди постарше.

Бились в шутку, без доспехов и без лат — гурьба на гурьбу али один на один. Тот, кто послабее волею был — тотчас проигрывал.

Возводили помост, да был он из чего-то невиданного — твёрдый, да мягок, словно перина, коли падёшь на него.

И Яр, да сын его Ерем, любили те забавы.

Раз в светлый день собралось народу тьма-тьмушая. Да были там купцы заезжие из мест дальних. Были и друзья страны Арии — асы, что тех купцов возили во птицах железных.

Да знамо дело, средь купцов были и воины с тех стран дальних. А воевода тех воинов любил в кулачном бою позабавиться — удалой был молодец и силы немеряной.

Вот вышел он на помост и стал вопрошать сильнейшего бойца — а в те поры много было воинов крепких во земле Арии. Да так случилось, вышла дочь Мера — Всела, Василиса по-нашему.

Тут увидел её Ерем и воспыало сердце его страстью жгучей.

Вот начался бой. Всела всё кругом того воина ходит да бровью не ведёт. Смех и злоба разбирает воеводу — в ихних землях бабы не воуют, но всё ж решил потешиться, да куда уж там.

Бросился было кулачищами размахивать, да она словно тень — скользнёт и нет её — вот за спиной стоит. Уморился воевода чужеземный да навзничь лёг. А она так гордо стала да ножкой его подпират — смеётся народ, а чужестранец и шевельнуться боится, словно опутали его тяжёлыми оковами.

С тех пор запала Всела в сердце Ерема и стали они к друг дружке бегать — дело молодое.

Долго ли, коротко ли — раз пришло ночное время, радуга в полнеба засияла. Вот ведёт Ерем свою *любаву*^[61] к отцу её Меру, просить значит руки по-нашему у отца ейного.

Знал про то Мер уж наперёд, да был рад этому безмерно. Яр же выбору сына противился, да не хотел обижать друга — думал, может всё обойдётся; да *картины тёмные шли на ум*^[62] и сердце тревожили. Всё же решил он уважить сына и дал благословение, наперекор сердцу своему.

Тем часом было всё мирно и тихо во Мирград- Земле. А во Землях далёких, да за столько вёрст, за сколе око не может увидеть, а только мыслею человек знающий и ведающий может узреть, Кожан собирал новое войско.

То тело, в котором его душа обитала, он создал себе сам, и оно воплотило сущность его. Умел он также, без труда великого, покидать тело своё полностью или частями. Мог волком серым стать, мог птицею, что парит в небе высоко. Мог и красной девицей, и добрым молодцем обернуться, если хотел. Мог и к твари любой, живущей во вселенной, пристроиться тихой сапой, да опосля, душу его родную выдворить из тела бренного.

Места далёкие, Земли малые и великие, где он пребывал, были дикие — на самых задворках. Люди и твари, что обитали там, были просты душой и телом, и доверились они ему тёмному — думали, что пред ними Бог, да величали его именами разными. Да не в именах суть, а суть в том, что поддались они на обман великий.

Кожан приблизил к себе троих и осветил их силой знания, чтоб могли народом и тварями править и ответ пред ним держать. Да *стал мастерить врата мыслею*^[63], чтоб без труда войско его новоиспеченное добралось до Мирград-Земли.

Сделать те ворота было не так-то просто, да и были такие, что мешали замыслам его тёмным — имя того народа Уры.

В замыслах своих, в глубине сердца своего, уры хотели сами попасть на Мирград-Землю да стать её хозяевами, но не желали влачить бремя кощеево на плечах своих.

Те Уры были по сложению тела отличные — ростом вдвое больше человеческого; и могли под водой жить, как народ морской, время долгое; и на суше могли быть, словно люди обычные.

Да было всё у них ладно собрано — и хоромы, и *кони быстрые*^[64]. Да желали они всем естеством своим получить книгу знаний малую от народа, что проживал на луне, которая Луной называется.

На Мирград-Земле всё было тихо и светло.

Народы жили во согласии и вели торги меж собой. Ничто не тревожило людей. Плескались тихо моря синие и было так время долгое. И стали жить Ерем с Вселой вместе. Люди добрые справили им избу славную во земле Арии; и родилась у них дочь, и родился сын. И были все веселы и горя не знали.

Долго ли, коротко ли — прошло время долгое. Уж дочь у Ерема подрастает, было ей восемнадцать годков по-нашему, да время в те поры по-другому мерили. Дочь они Орой назвали в честь Земли Оры, что осталась позади во времени безмерном. Была Ора на мать похожа как две капли воды, и как Всела любила в кулачном бою состязаться.

Вот в один день светлый дала она себе зарок: коли найдётся добрый молодец, что её в бою одолеет — быть ей ему женой верной.

В те поры жил один купец иноземный во земле Арии и был у него сын Мар, ладный и лицом, и телом. Да вот беда — мать его, Нима, сама того не ведая, одарила его душою тёмною, семенем кощеевым. Было то время доброе, и никто не *воспрошал за душу чистую*^[65] ни у красных девиц, ни у добрых молодцев.

Вот решил Мар на состязание кулачное податься — скуку развеять. Взошёл на помост, а супротив его — Оры глаза большие, словно озёра бирюзой блестят. Она была девицей духом крепкой, но всё ж Мар сумел одолеть её, и пришлась она по нраву ему. Решили жить-поживать они вместе.

Далеко-далече, во землях чужих, разлилась река, берегами своими крутыми подпирая неба стать. Шли по одному берегу два воина. Один был в одёжах рваных да неказистый — кощеев слуга. Другой шёл позади него в ладной кольчуге. Был он высок и крепок и вёл врага своего во земли родные — то был ур.

Времени истекло, с тех пор, как Кожан объявился в тех краях, немеряно.

Уры решили Яра позвать во свои края и союз великий заключить меж народами. А в знак дружбы будущей изловили одного из служек кощеевых, что близок к Кожану был, дабы постичь мысли их тёмные. Но как не пытали, как не *стращали*^[66] его вещицами своими диковинными — ничего путного он не сказал. Порешили ждать Яра.

И Яр знал о мыслях нечистых урских и был готов к беседе длинной. Перешёл он во края далёкие по дороге, мыслью проторенной. Был один.

Уры же встретили его с почестями, ако царя. И повели к ихнему князю урскому, что во всех землях ихних слово держал.

Был он для ура на редкость невысокого роста, чем-то походил на сына человеческого, лишь очи его сияли жёлтым цветом.

И Яр слушал речи его сладкие и видел суть его сокрытую. И видел прошедшее и будущность. И знал, что потерял ур тот супругу свою верную и чадо, и что погибель принесли им кощеи. Но смотрел на всё без трепета в душе, и видел суть беседы до того, как начал оную.

Князя урского звали Морей. Просил он, чтобы Яр растолковал ему книгу железную и сулил ему дары диковинные, и предлагал дружбу крепкую.

Не принял Яр даров, и от богатств несметных и вещей диковинных глаза отвёл. Пожелал лишь посмотреть на служку кощея Кожана.

Не по нраву пришлась Морею воля Ярова, затаил он злобу да стал стращать его, да позвал двух слуг своих верных. Те, не долго думая, решили силушкой с Яром померяться. Да только подняли свои кулачища на него — тотчас развернулись к Морею и давай лупить его, что есть мочи.

Слуги те были не из простых уров — силы в них было немеряно. Взмолился Морей. Яр лишь ухмыльнулся, бросил свои очи на воинов, и те побрели прочь да тотчас воротились, и служку кощеева с собой тянут.

А был он не пойми кто — на лицо человек, а душа чёрная, как у зверя дикого. Провёл Яр рукой по макушке его, и расплылось лицо служки в кривой улыбке, — узнал тогда где Кожан прибывает. Окинул взглядом хоромы урские в последний раз, и как сквозь землю провалился.

Разгневался тогда Морей на слуг своих, да ничего делать не стал, всё же знал, что Яр волю ихнюю отнял. Но не заметил и не мог заметить, что у одного из них *глаза заблестели*^[67] как-то по чудному. Порешил служку Кожана отправить в темницу.

Позвал Морей лекаря, что при нём в палатах жил, и велел залечить раны на теле, что свои же воины наделали.

Яр тем временем был уж во Мирград-Земле, но всё знал, что у уров деется, так как часть духа своего посеял в теле урском. И каждую ночь представлял пред ним и выспрашивал у его души, что произошло за день.

Кожан же пребывал в те поры во недрах одной Землюшки, что была далека от тех мест, и ведал о всех делах, что уры замыслили. Да служка его перестал ему весточки носить опосля того, как с Яром повстречался. Мыслил Кожан как бы засеять смуту во сердцах людей светлых.

Занялась алой лентой багряно, на перепутье двух миров, война. Народы земель, что Кожану были подвластны, кинулись гурьбой во владения урские.

Морей не заставил ждать себя долго с ответом — пронёс отряды со земель своих мечём огненным и пролил кровушки кощеевых опричников.

Кожан только того и ждал. В том был замысел его коварный, дабы внимание Ярово занять войной в мирах далёких. Обернулся он птицей ночной и на Мирград-Землю подался, да не в землю Арию, а во края, где асы обитали.

Долго ли, коротко ли — прошло уж два срока малых, как уры с кощеями воевали. Кожан же днём, притаившись, дремал во лесах дремучих, а ночью покоя лишал тех, что кощево семя в душе своей носили. Да исподволь смуту сеял в сердцах асов, друзей земли Арии.

Проведал о том Яр, да Кожана уж след простыл. Что ж делать — опосля драки кулаками не машут.

Средь асов нашлись такие, что возгордились, али зависть съедала изнутри души их светлые. Всё ж они в количестве малом, со своими семьями и скарбом, порешили найти места новые во Мирград-Земле да жить отдельно от друзей и братьев своих.

Пытался Яр помочь им, да видно всё понапрасну — побрели они во края новые, да все, кто возжелал, с ними отправились.

То был остров средь моря бескрайнего, имя тому острову — Буян. Там и порешили они жить и создавать племя новое. Да остров был невелик.

Были с ними всё же и волхвы, что могли стихиями повелевать, да подняли они со дна морского часть суши великую, и стал он размерами в пять крат больше.

Прошло время долгое.

На острове Буяне, те, что прибыли, уж детей народили, а те — своих завели. И всяк, кому не по душе было во Мирград-Земле в своём племени жить-поживать, туда подался. Да всё ж мало было там людей из земли Арии.

Уры тем часом победу одержали над кощеевыми землями. И многие, кто там жил, на службу к ним подались.

То было Морею на руку. Уры были видом своим приметные, да те, что жили во мирах кощеевых, в аккурат на людей походили. Вот и слал он лазутчиков во Мирград-Землю, да только все они путь свой завершали на острове Буяне, потому как корыстью и злобой были полны сердца их и души.

Знал об этом и Кожан да на всё со стороны глядел.

Видел и Яр, что быть беде, и что люди с Буяна буянить будут. Стал он тогда думу думать — как уберечь людей сердцем чистых от мыслей тёмных.

Вот собрал он во земле Арии совет из племён разных и стали они вместе решать, как быть дальше. Да и порешили по воле доброй остров Буян оставить; да кто провинился или украл что или убил, а было таких не много во Мирград-Земле, но всё же были, — быть тому на века заточенным на острове Буяне. И воздвигли они усилием мысли преграду, глазу невидимую, вокруг острова того Буяна — всякий кто попал туда, уж дороги назад не знал.

Так шли годы чередою. У Ор ы с Маром детишки народились, да вот глядишь — уж Мар и внуков нянчит.

Старшему внуку его было отроду 12 годков, и звали его Кир. Да умел он делать чудеса необыкновенные, даже люди бывалые из страны Арии дивились тому.

Мог он запросто одолеть в кулачном бою людей зрелых и более опытных.

Во море плавал, словно был из народа морского и дружбу с ними водил. Мог в любую тварь, что во Мирград-Земле обитала, обратиться — то вспорхнёт, словно сокол, далеко в небо; то уйдёт в пучину морскую, будто рыба.

Знал Яр об этом и сам наставления давал потомку своему, да строго настрого запретил на острове Буяне появляться.

Знал и Кожан о парубке том да имел свои мысли тёмные.

На Буяне тем часом жили себе люди поживали. Тварей, что в лесах обитали али в море синем, — они в пищу употребляли. И ели всегда от пуза — много и сытно. Так длилось время долгое.

Зеленью утопая, на холме высоко, стоял терем расписной. Да были края того терема золотом отделаны червоным. Да фигуры воинов золотые с камнями самоцветными окружали его.

Были то не простые фигуры. Коли кто замыслил недоброе — обращались они в витязей из крови и плоти и ответ держали за владыку ихнего, что в тереме жил-поживал.

И стоял тот терем на острове на Буяне, но был от мирской суеты в стороне. А хозяином был Лель, закадычный друг Яра в делах его светлых.

Долгое время назад уж они порешили, чтоб Лель отбыл на Буян да приглядывал за движением тел небесных. Да на острове был опорой всем, кто не по своей воле туда попал.

Лель был старцем с седой бородой, но мог и парубком обернуться, коль нужно было.

Знал Яр, что однажды Кир, потомок его, послушавшись, забредёт на Буян — так и случилось.

День в тех краях короткий был как нонче, не то что во земле Арии, да всё ж было тепло и светло. И ярило глаз радовало. Травы росли там буйные и леса дремучие.

Вот светлым днём Кир во княжестве пребывал, что было соседним с островом Буяном. Был он тогда двадцати годков отроду по-нашему. Парнем он был видным, но всё ж любви у него не было — всё грезил мыслями о красавице, что во снах к нему приходила. Да то наваждение ему Кожан насылал, пытаясь раздор посеять и уныние во Мирград-Земле.

Вот утром ранним ярило поднялось над островом Буяном, и заблестели светом ярким купола хором там возведённых. Ярче всех сиял терем Леля.

У Яра в те поры были заботы поважнее острова Буяна. Направился он во чертоги рода своего — на луну, что Луной называется. И был в том смысл великий — *пришёл он на поклон ко сородичам своим бесплотным*^[68]. Те явились пред ним в образе трёх старцев и стали вопрошать, зачем пожаловал.

Спросил Яр позволения поделиться с народом Мирград-Земли последним знанием. То было знание, что ни в одной книге не упрячешь железной — ни в большой, ни в малой. То знание было в каждом, кто на Мирград-Земле обитал, да путь к нему, во глубины души неизведанной, мог открыть только свет.

Многие были близки к ответу, и не одна жизнь во плоти проходила, прежде чем мог человек узреть истинное предназначение души своей. Но, как ни странно, многие, народившись вновь и вспомнив тяготы и лишения жизней пройденных, решали начать с нуля, то бишь сызнава. Воспрепятствовать этому решению могла лишь воля, а озарить её мог только луч знания светлого из рода Ярова. Но ушёл ни с чем Яр от своих сородичей. Не велели они выпускать знания за пределы рода своего. Всё ж печаль-тоска тревожила Яра, знал он — ждут Мирград-Землю годы тяжкие. Да ничего не поделаешь, смирился он с ответом, ему данным до поры, и воротился во Мирград-Землю, страну Арию, во хоромы свои, что стояли на Белом Озере.

Долго ли, коротко ли — на другом краю света тёмного^[69] уры замыслили недоброе, да сослали лазутчиков своих во Мирград-Землю, на остров Буян. То были люди по виду, что Кожану подчинялись прежде.

Наделил Морей их вещицами хитрыми да разными чудными и диковинными предметами. Да обучил, как те предметы творить.

Служки те урские были с виду на купцов заезжих похожи, только птицы их железные не походили на птиц асов, но были сотворены ладно — без сучка и задоринки.

И прошло совсем немного времени, как стали те купцы людьми важными на Буяне. Всяк, и стар и млад, отдавал им почести, будто князьям. Была в том хитрость Морей великая.

На Буяне только Лель знал о хитрости той, да и не суп- ротивился, лишь ждал часа верного, как с Яром было уговорено.

Неподалёку от тех мест, от земель больших вдалеке, посреди моря синего, был остров, где Кир нашёл себе пристанище. Да всё грезил той лю- бавой изо снов своих.

Прошло не более половины срока малого, и Кир, воле своего предка могучего воспротивившись, направился на остров Буян.

И Кожан тут как тут, всё видел. Узр ел он слабое место в сердце того отрока и путь его направлял.

Знали об этом и Яр и Лель, но ничего делать не стали. Решили лишь, взирая со стороны глядеть, как всё произойдёт.

Вот зажмурил Кир очи свои, прошептал слова заветные, и тотчас очутился среди большого града на острове Буяне пред палатами княжескими. Златые врата пред ним растворились и ветер всколыхнул локоны волос.

Шагнул Кир во палаты местного правителя Атия, что был жесток и несправедлив к собратьям своим и подданным, и обманом, время долгое назад, заманил к себе в жёны красавицу Эдэю из племени асов.

Народилась дочь у них, нарекли её Лира. И был взгляд её весел и в то же время печален. Всяк, кто видел её, оставлял в своём сердце навсегда.

Была Лира красоты неопикуемой. Кир в тот час узнал её — то была дева из снов его, что Кожан насылал.

Обрадовался он тому безмерно и пожелал приблизиться к любаве. Но, в мгновение ока, стража в числе великом окружила плотным кольцом юношу.

Не стал причинять боли Кир стражникам усердным, лишь обратился водою ключевою. разлетелись брызги в стороны по хоромам княжеским, лишь одна капелька попала на одёжи красавицы. Подивились чуду стражники, да никто не заметил в том умысла.

Удалилась красна девица во покои свои да чуть погода затянула песню голосом звонким. Да прослышав ту песню, за окном цветы распускались, а птицы щебетали вторя ей.

Кир, недолго ожидая, обернулся вдруг добрым молодцем и предстал пред любавой.

Та уж допела песнь свою и хотела было стражу кликнуть. Открывает рот, а слова, словно комом в горле застряли, вымолвить не может.

Страсть жгучая одолела её. Тотчас Кир позвал её с собой во земли арийские.

Недолго собирались в путь-дорожку. Обернулись двумя голубками сизыми и выпорхнули в оконце.

Знали уж Яр и Ерем, что отпрыск ихний забрал царевну с Буяна, да не противились этому.

Но всё ж велели ему оставаться от земель арийских в стороне.

Недолго думая, Кир с Лирой, царевной чужеземной, приметил лес дремучий на холме высоком, в аккурат неподалёку от земель асов — друзей арийских.

Возвёл он на горе той хоромы царские да разослал весточки во все концы по Мирград-Земле, что всяк, кто по доброй воле желает, может жить-поживать в его княжестве.

И пришли люди из племён разных, да были те, что мысли его разделяли. И стали жить-поживать в стране новой. И назвали ту страну Ирия.

Хватился было дочери правитель буянский, да ничего сделать не смог — было ему заказано^[70] покидать пределы острова. Да один из волхвов нашептал ему, что есть, мол, терем золочёный на Буяне, и живёт в том тереме мудрый старец, да никто его доселе не видывал.

И решил князь буянский к Лелю на поклон отправиться — попросить позволения покинуть пределы острова. Кожан и был тем волхвом, что нашептал ему мысль дерзкую.

Что ж, замысел Кожана удался коварный.

И расцвёл сад с плодами дивными во стране новой Ирии, и потянулись люди со всех уголков Мирград-Земли туда, поглядеть на места диковинные. Да всяк, кто попадал в сад — тотчас забывал об истном своём предназначении.

Молва средь народов разных ходила, будто кто отведаёт плоды из того сада — быть тому князем в землях своих.

Отведав плодов же из сада того, люди ворочались во земли родные и смуту меж собой имели великую и каждый хотел князем быть.

Знал Яр о замысле том, да не велели волхвы ему мешать силам тёмным — в том был их умысел мудрый.

Так шли годы длинные. Коль не был чист человек сердцем и душой, то в Белозёрье была дорога ему заказана.

Кир и Лира же сотворили во Мирград-Земле смуту великую, сами того не ведая.

Возгордился Кир, стали называть его народы иные царём царей.

И взрастил он войнов удалых, и шествовали они по Мирград-Земле да оброк собирали — золото да каменья, и дев чистых в рабство свозили.

Оградил тогда Яр морем студёным да цепью гор высоких землю Арию, да оставил лишь тропинку тонкую для людей, что сердцем были чистые.

Асов племя светлое возжелало подняться по той тропиночке, но были и такие, что с Киrom остались.

На Буяне тем часом шёл совет, как Кира одолеть. То были купцы урские, что стали вельможами да толкали князя буянского супротив дочери его войска повернуть. Да не могли покинуть они Буян — всё ж крепко Яр заколдовал его.

Тем часом, в землях далёких урских Морей собирал в дорогу и учил людей, что были из миров и земель им побеждённых — не жалел ни злата, ни вещиц диковинных.

Прибывали они в количестве несметном на Мирград- Землю да на острове Буяне хоронились.

Но не смогли до сей поры разбить преграды и покинуть остров.

Знал о том Яр и не спешил их остановить, лишь жаль ему было людей добрых, что не по воле своей оказались пленниками на Буяне али во земле ирийской.

Прошло уж немало годков. У Кира и Лиры дочь народилась. Взрастили её, и воительницей она стала, каких мало — дерзкой и строгой. И захаживала во земли разные разорять и жечь селения мирные, как учил её отец.

Кожан в те поры обитал во земле Ирии в облике старца седовласого. Уж много лет обхаживал он сады ирийские и возвращал плоды, пропитывая их духом своим нечистым. Люди во землях тех за волхва его почитали. Знал о том и Яр, да всё ждал до поры.

В Белозёрье тем часом жили все мирно и счастливо. Да всё ж изредка наведывались к ним волхвы со племён и земель разных, пройдя сквозь снега и холод лютый, — вопрошали знания светлого из рук чистых.

Всяк, кто мог достичь чертогов арийских, был одарён знанием. Ежели был человек не чист сердцем своим и душою — мог сгинуть, не дойдя до белого озера на пути своём. В том был смысл великий.

В те поры Лель открыл врата во хоромы свои, и всяк, кто желал на Буяне знания светлого али хвор был, о помощи прося, — мог прийти к нему. Шли люди вереницей в дом его светлый. Смотрел на них Лель и видел — кто кривдой дышит, а кто и впрямь знания желает; и помогал всем, кто хворый был, без разбора.

Очистив душу от скверны, ворочались люди во селения свои, и молва о дивном старце-лекаре разнеслась по всему Буяну.

В один день светлый сам князь буянский к нему в гости пожаловал со стражниками своими смелыми.

Отыскал князь буянский терем Леля, что на холме стоял, да дело было то нехитрое — всяк слово молвил о нём на Буяне. Ворвался он в палаты чистые и при нём двое волхвов.

Стали те волхвы напускать злобу лютую, всё стучали посохами своими по плитам каменным. Да не сдюжили взгляд Леля светлого, развернулись оба и давай бежать прочь, только их и видели.

Тут приказал князь стражникам *попалить огнём пламени синего, что был в ихних стрелах*^[71]. И всяк, в кого угодила та стрела, в пустое место превращался.

Недолго думая, взялись стражники исполнять приказ своего повелителя. Глядь — и впрямь Лель исчез. А вот уж позади них стоит и ухмыляется, целёхонек. Вот уж подле князя стоит.

Взял он его руками своими за одёжи богато вышитые и усадил на лавку, да что-то приговаривал. Стражники так руки и опустили, видя, что правитель их замешкался.

Не серчал Лель на душу его тёмную, лишь взглянул ему в очи и пронзил волю его, словно иглой протыкают парчу.

Опомнился было князь и стал воздавать хвалы волхву, великому Лелю, и прощения просить. Тотчас кликнул казначея, что при нём пребывал, и велел одарить волхва золотом и камнями самоцветными.

Вот летит птица железная по-над островом Буяном и везёт Лелю подарки. Не противился он подаркам с плеча княжеского, а всё раздарил людям добрым, что к нему приходили. И стали жить те люди здраво и счастливо. И князь боле не стращал никого и в темницу не сажал за напраслину.

То не по нраву пришлось купцам урским. И собрали они вокруг себя людей в количестве немалом, да решили погибель князю принести и Лелю старцу, что жил в тереме золочёном.

Тут Лель ведал про всё это. Шепнул он слова волшебные и воины, что терем его окружали из золота червонного, живыми обернулись. Да было их всего три десятка. Ожидали они в порядке ровном слов от своего владыки.

Трепетно заголосили птицы во садах и лесах во Мир-град-Земле.

Воины в доспехах из злата чистого числом малым направились, ополчась, во чертоги купцов урских. И Кир с Лирой знали о том да не спешили, а всё со стороны глядели. Да Кожан Киру на ухо нашептывал, как повести себя.

Яр во земле арийской собрал совет малый, и был Мер на том совете, друг его верный.

Да Мер всё в бой рвался, так и норовил отправиться помогать Лелю, другу их закадычному. Только не было в том нужды — воинов в доспехах золотых мог одолеть лишь человек с мыслью сильною. И ни диковина вещица, и ни птица железная, не могла принести вреда, так как были то духи воинов, падших в былых сражениях, а Лель с ними договор имел, ведь *не находили они места себе в теле новом*^[72] на Мирград-Земле.

Долго ли, коротко ли — началась смута на Буяне и продолжалась два срока малых.

Морей, князь урский, всё засылал новых и новых воинов на Буян, но не могли они одолеть Лелевых бойцов.

Как-то ночью окликнул Леля голос. Повернул он свою голову, а перед ним Яр стоит с Мером. Решили они положить конец войне на Буяне и уступить Морю с его войском наёмным — в том был замысел великий.

Кожан же время долгое уж пытался разбить оковы, что остров Буян окружали, да не под силу видно то было ему. Могли уж воины ирийские попасть на Буян, да смерть лютая там всех ожидала. Знал о том Кожан, знал Кир, да всё ждали времечка верного.

Порешили Яр с сотоварищами опустить преграды, глазу невидимые. И всяк, кто желал, мог с тех пор покинуть Буян по морю али по небу во птице железной, али мыслью.

Вернулись воины Леля верные на своё место вокруг терема и вновь стали изваяниями.

Поведал Яр друзьям своим замысел мудрёный и порешили — так тому и быть.

Сидя во саду ирийском, Кожан всё твердил Киру и Лире речи сладкие, да на войну с Буяном науськивал.

Собрал Кир войско несметное и направил его на родную землю своей супруги, и была она рада тому решению.

Лель и Мер, недолго думая, облетели остров весь мыслью, и собрав людей, сердцем чистых, в количестве немало, *укрыли в тереме золочёном*^[73]. И был среди них князь буянский.

Да так хитро обернули терем, что стал он на лес густой походить, будто его и не было.

Стражников, что за хозяина ответ держали, обернули в глыбы каменные и разбросали вокруг того леса. Да всяк, кто в лес войдёт, если душой и сердцем не чист был — тотчас камнем обращался.

Яр же направился во чертоги рода своего светлого помочь сынам со Мирград-Земли, и шибко вопрошал позволения поделиться с людьми добрыми знанием чистым, что ни в одной книге не писано. Да род не велел ему раздавать ту науку, и вернулся Яр в Белозёрье несолоно хлебавши.

Тем часом твердь Мирград-Земли содрогнулась — были то воины из земли ирийской, что пробрались на Буян.

И слились две тёмные силы в бою кровавом. То было светопреставление, кровью плоти запятнавшее род Яра.

Купцы урские в числе великом собрались в ответ на землю Ирии с огнём и мечём.

Был в те поры у них за князя служка бывший кощеев, которого в темницу упрятали после Ярова пребывания в гостях у Морея. Верно он службу нёс новому хозяину, да сам того не ведая, оставил во глубинах души своей след Кожана.

Знал о том Яр да позвал к себе Ерема, да растолковал ему, как Кожану погибель принести. Нителу его бренному, а душе его тёмной.

Собрался тогда Ерем в путь-дорожку.

Ерему велено было отправляться в одну Землюшку, что за *Великим Пределом*^[74] хоронилась. Было там темным-темно, и не падал свет от ярил, и не согревал её.

Оседдал он с двумя асами, добрыми товарищами, птицу железную, распрощался с женой и отправился в путь далёкий. Должен был в два срока малых обернуться да принести пепла из недров Землицы той.

Да было то дело не простое — охранял ту Землюшку *Дракон Огненный*^[75]. И нельзя было нести ему погибель, а лишь пустить его тёмной кровушки да с собой принести.

Немедля отправился Ерем в дорогу.

Яр тем часом прыгнул в пучину вод и позвал к себе царя народа морского.

Был то старец с длинной седой бородой. Звали его *Ненм*^[76]. Говорил с ним долго — порешили вместе дело важное вершить.

Две сотни воинов народа морского отправились вместе с Яром на Буян, чтоб с моря-океана пробраться и похитить плод из сада княжеского, что на деревце рос; и давало то деревце урожай лишь раз в десять сроков малых.

Плод походил на яблоко наше, но никто не смел к нему прикоснуться. Молва ходила, будто кто отведаст это яблочко — в зверя дикого превратится и потеряет рассудок человеческий.

Лишь одно семечко Яру было нужно из плода того, да не мог он сам даже *перстом*^[77] прикоснуться к тому дереву.

Дерево то было урами привезено и досталось Киру с Лирой. Берегли они его как зеницу ока — в том был смысл тайный.

Вот доплыли воины до Буяна. Обратил их Яр в обличья человекьи.

Сильны были и храбры люди из народа морского. Растворили по утру врата в сад дивный, да не нашли деревце заветное.

А было оно за семью печатями^[78]. И лишь князь урский и его наместники во Мирград-Земле знали, как достать то деревце. Да Яр был готов к тому.

Порешил Яр служку урского сам привести к запечатанным дверям заповедным и мыслею направился во земли ирийские, где тот с войском своим прибывал.

Не успел никто и глазом моргнуть, как вернулись они на Буян. Да пленник Яра не был оковами опутанный, а просто делал всё, что тот ему велел.

И открыл он печати заветные — семь дверей отворились. И спустились они в подземелье, где под куполом золочёным росло то дерево, и плод на нём висел.

Тем часом Кир и Лира, и все их служки придворные в палатах находились, да не могли видеть ничего, — время для них остановилось.

Сорвал Яр плод с того дерева, разломил пополам и достал лишь два семечка, и тотчас зажал в ладони. Прошептал что-то, придав в тот миг огню дерево и плод разломленный. Одно семечко проглотил он немедля. На второе лишь шепнул три раза и платком обернул белым, да за пояс заткнул.

Служку же урского восвояси отправил. Да не помнил тот ничего, где был — не ведал. И уснул сном глубоким.

Заподозрил Кир неладное и решил взглянуть посередке времени, что застыло для всех, ако кол осиновый. Да увидел он людей из народа морского. Понял тут, что хитрость над ним чинит кто-то силы большой, немереной. Да он Яра признать не мог, не сумел одолеть его силушку. И прилёг он на плитах каменных и уснул сном беспокойным, неправедным.

Яр народ морской отпустил во чертоги свои подводные. Непту был благодарен до сердца за подмогу его великую. Одарил он его светлой силушкой, что была доселе неведома во просторах подводных, красочных.

И спешил он в землю арийскую рассказать друзьям и товарищам, что погибель грядёт скоро Кожану, лишь дождаться осталось Ерема из Земель далёких, неведомых.

Шли так годы чередою длинною. Купцы урские уж в ирийской земле торговать стали. Да опосля тех дней на Буяне Кир, владыка новый, захворал сильно. Да не выходил на свет божий, да всё на печи лежал — хворь одолела его.

Лира же, супруга, всеми делами на острове заправляла. И дочь её получила надел во землях тех среди лесов дремучих. И воцарился мир на Мирград-Земле.

Терем Леля был заново выложен, и все, кто желал, приходили к нему на поклон — и стар, и млад, и добры молодцы, и красны девицы.

И вот прознал о нём Кир и велел привезти его в палаты царские. Да послал два отряда стражников и воеводу с ними.

Воевода был здоровый детина. Решил он силой старого волхва взять.

Зашёл во палаты золочёные и диву даётся — всё красно да ладно в тереме том. И богатством и убранством превосходит он сами палаты княжеские.

Заиграла зависть у воеводы — решил один из самоцветов он отковырнуть. А был то изумрудный камень, что играл лучами ярила заходящего.

Потянулся было в карман за лезвием острым, да никак не может нащупать. Выхватил он плеть огненную у одного из стражников, да она сквозь пальцы, будто песок, ушла — все только диву даются.

Стал было пальцами тот камушек подковыривать, а тут вышел на встречу им хозяин, сам Лель, и посмотрел без злобы и ненависти на воинов его окружающих — знал он зачем пожаловали, да хотел поиграть с ними.

И вопрошал воеводу, мол, что люди добрые в его хоромах делают, али захворал кто, али какая помощь нужна?

Раскрыл рот от удивления детина и слов вымолвить не может.

Один из стражников поклонился старцу и просил его учтиво во хоромы князя Кира пожаловать.

Улыбнулся Лель и прошептал что-то себе под нос. Тотчас развернулась стража, и оба отряда, во главе с воеводой, отправились восвояси. Сам же обернулся соколом и в окошко выпорхнул.

Тем часом, во Землях иных пребывал Ерем во птице железной с двумя товарищами асами. Был то путь нелёгкий.

Добрались они до границы Предела Великого. От сих пор Ерем должен был один идти.

Натянул он *одежи железные*^[79] да присел на дорожку.

Не торопясь, забрался Ерем в чрево птенца малого и тотчас выпорхнул из глаза большой птицы.

Полетел птенец, закружил по-над Землюшкой малой, что была вся пеплом серым покрыта, и стерёг тот пепел Дракон Огненный. И всяк, кто угодил в его владения, оттуда уж не ворочался.

Подобрал Ерем место ладное подле скалы отвесной да направил птенца туда — спал дракон в те поры и не почуял гостей незваных.

Вышел Ерем из чрева птенца малого — держал в руке сосуд. Был на вид он из глины, да коли уронишь — не разбивался.

Откупорил крышку да зачерпнул пепла из-под камня серого, да закупорил склянку.

Осталось ему набрать крови Дракона Огненного, да было то дело непростое — ни в коем разе нельзя было губить того дракона, *имел он связь древнюю с родом сынов человеческих*^[80]. Знал о том Ерем и пошёл на хитрость — решил сделать в аккурат, как Яр велел.

Тем часом, за много вёрст во Мирград-Земле, Лель кружил серым соколом в поднебесье над островом над Буяном.

Заприметил он деревце во саду княжеском и стремглав бросился вниз, будто мышшь увидал. Тотчас ударился оземь и принял обличье человекье — волхва степенного в одёжах простых, но без посоха. Был лишь подпоясан.

Да пояс тот был не проста вещица. Коли шепнёт он ему — тот змейкой оборачивался, да такой шустрой, что ни стены, ни врата не были ей преградой. Заползёт в место, хозяином веленное, и слушает, что люди добрые толкуют. Опосля вернётся обратно и поясом обернётся, а Лель уж обо всём ведаёт.

Послал он змейку во хоромы княжеские да наказал забраться к Киру с Лирой в опочивальню. Не заставила змейка долго ждать — тотчас принялась исполнять наказ.

Лель же, спокойно и не торопясь, присел в тени подле дерева раскидистого и завёл с пташками малыми беседу, так как понимал он язык зверей и птиц.

Переведя дух, забрался Ерем на спину Дракона Огненного — в пламени пылающего жара нелегко было добраться до кровушки его.

Достал он вещицу диковинную. Начала пробуждаться тварь огненная и почувяла, что человекьим духом пахнет.

И Ерем бросил ту вещицу оземь, от пепла серую, и обернулась она войском несметным. Да были то лишь облики воинов^[81], но шумели и гремели, словно живые.

И тотчас воткнул он иглу дракону под чешую, и брызнула кровь огненная наружу струйкой тонкой. Поставил Ерем другую склянку, на вид из глины, да всё ж мягкую, и набрал по капельке доверху, да закупорил. А игла, вот диво, — исчезла, сгинула, будто и не было её.

Заревел дракон огненный не по-человечьи и не по-звериному. Стал на дыбы, ополчась супротив войска Ерема. А Ерем уж во птенце выпорхнул, да на птицу железную воротился ко своим асам-сотоварищам.

Долго чудище огненное ерепенилось, да никак невдомёк ему было, где ж войско прячется. Так и не дознался он правды да угомонился. А войско сгинуло с глаз долой, как сквозь землю провалилось.

Ерем на радостях повернул птицу восвояси на Мирград-Землю, и дорога домой вдвое короче казалась — ведь с добрым снадобьем быть победе скорой над Кожаном.

Тем часом, на Буяне-острове Лель услышал от птах малых о недуге, что сморил Кира, князя нового из земель ирийских с мечём пришедшего. Пели те птицы над окном у Кира утром ранним день за днём уж полсрока малого, да всё не вставал он с ложа своего — был хвор дюже.

Тут и змейка подоспела — скользнула вокруг пояса старца да ремнём ладным обернулась. И узнал Лель в одно мгновение, что Лира, супруга Кирова, всё больше власти жаждала, да решила сморить своего мужа верного — речами сладкими его баюкала, да зелье в еду да в питьё подсыпала, что Кожан ей дал в саду ирийском.

Тут два стражника вышли из хором княжеских — тотчас Лель исчез с глаз долой, да всё ж был он там, но ни одна живая душа не зрела и не слыхала его.

Не торопясь, по хозяйски, забрался он в княжескую опочивальню. Да прошёл сквозь стены, будто были они из песка в том месте — в аккурат рассыпались да сошлись воедино опосля того, как за ними он сокрылся.

Шагнул старец к Киру, провёл рукой над челом его грешным, и засияло оно светом здравия — всё ж Кир пребывал в глубоком сне.

Тут решил Лель отправить Лиру, супругу неверную, во края и земли чужие и далёкие. Встрепенул голову, прошептал слова да рукой взмахнул — тотчас пропала княжна с глаз долой и в тот же миг очутилась во Зем-люшке иной, во племени инородном, да ярило там светило светом тусклым и было цвета синего, и мели метели и вьюги.

Кира же решил спать оставить на время длинное, как и было с Яром уговорено.

Проведя день светлый в хорах княжеских, обернулся Лель Лирой — точь-в-точь, в аккурат, облик её принял.

Позвал к себе писаря и велел указ народу доставить — мол, здоровье князя Кира пошло на поправу, и пребывает он во сне глубоком, да будет пребывать в нём три срока малых. И наградил писаря кафтаном с Кирова плеча.

Шло так время мало-по-малу, а Лель, уж в облике Лире, велел отворить врата в казну княжескую, да раздал злата-серебра людям добрым — всем, кто нужду испытывал. А людей злых духом да придворных, что богатства имели немеряно, — призвал к себе да на путь истинный наставлял.

Яр, тем часом, попросил у Мера, друга своего закадычного, подыграть ему в игре его дерзкой, и направил его на остров Буян — там Лель уж поджидал его давно.

Под покровом ночи, схоронили они тело Кира спящее в глубоком подземелье до поры — никто об этом не ведывал. Да к назначенному сроку, по истечении времени Лелем людям указанным, обернулся Мер Киром — родственником своим опальным, и повелел празднество закатыть и яствами всех потчевать дивными во славу излечения от недуга.

Так никто и не узрел обмана, и замысел Яра удался.

В те поры Ерем уж повернулся, да на Раде-луне ожидал Яра, так как не мог кровь драконову и пепел на Мирград-Землю принести. Яр уж поспешал к нему навстречу.

За сотни сотен вёрст^[82] от тех мест, пребывал князь урский Морей в смятении. Никак ему было невдомёк, что творится во Мирград-Земле.

Вот решил он снарядить птицу огненную да сам в поход тот отправился. Всё ж шибко нужна ему была книга железная.

Кожан почуял — что-то неладное деется на Мирград-Земле. Предвидел свою погибель да в саду ирийском червём земляным обратился, и ушёл в сыру землю.

Только Яр того и ждал. Достал он семечко, с Буяна принесённое, слюной своей омочил да в сыру землю его по весне уложил. Кровь же драконову ещё на Раде-луне смешал с пеплом серым — нельзя было в чистом виде её и близко к Мирград-Земле приносить, да полил обильно то семечко с плода древнего.

Не прошло и срока малого, как пробилось деревце стройное во саду ирийском — зеленью зашелестело да цветы распустило. И аромат тех цветов был настолько дивным, что слетались к дереву птицы диковинные из далёких краёв со всей Мирград-Земли и пели многоголосьем своим песни чудесные.

Пришла пора плодам созревать. Лишь одно яблочко наливное осталось на деревце — все другие цветы пустоцветом осыпались.

Схоронил Яр то деревце от взоров людских да Ерема глядеть за ним поставил. Да велел глаз с него не спускать.

На том и порешили — ждать; коли упадёт яблочко во сыру землю — *очертить круг три раза вокруг него*^[83] да посыпать пеплом серым, что остался у Ерема, и высыпать его весь без остатка.

Тем часом Морей во птице огненной направлялся во Мирград-Землю с войском несметным. Да было то войско не из уров, а из людей, что служили им из миров тёмных.

Чуял Яр, что птица та близка, да не было ему велено губить её. И созвал он людей добрых со всей Мирград-Земли и поведал им о полчище вражеском, что надвигается.

Стали народы разные совет держать, как быть им поживать далее, как Мирград-Землю уберечь и защитить.

Знали о том и Мер с Лелем, что на Буяне семя света сеяли.

Не страшна им была погибель — могли ж жить без тела брэнного и могли любой тварью обернуться, коли нужда была. Да забота их была уберечь от напасти Мирград-Землю.

Люди же иные чувства разные пытали — кто боялся, кто смиренно ждал своей участи, кто, ополчась, считал стрелы огненные.

Лишь купцы урские, что близ земель ирийских обитали, ждали с радостью господина своего.

Подлетела птица Морей огненная уж совсем близко ко Мирград-Земле. И решил он отправить лазутчиков, чтоб разузнали — как добаться до книги железной.

Выпустила птица та из чрева диковинные вещицы^[84]. На птенцов, что были в асовских птицах железных, они вовсе не походили, но были сделаны ладно. На вид, будто колесо от телеги, да всё же поплотнее. А края, словно лезвие меча, — острые.

Выпорхнула их дюжина. Три, что покрупнее, — в Белозёрье отправились. А остальные — во земли ирийские и на остров Буян.

Внутри тех колесниц огненных сидели воины рядами стройными во кольчугах и латах диковинных, да со сбруей, доселе никем не виданной, — стрелами огненными и света тёмного огнищами в рукоятях малых^[85].

Чуял Яр их приближение и знал, что те три колесницы, что в землю арийскую направились, не смогут одолеть заслон, глазу невидимый, — так и случилось.

Направив колесницы прямёхонько на Бело-Озеро, очутились воины все за много вёрст от земель арийских посреде моря синего. И чем больше пытались проникнуть в земли запретные, тем дальше оказывались от них.

Вот послали они Морей восточку — мол, не прогневайся князь — никак Белозёрья и нет вовсе на Мирград-Земле.

Подивился Морей да велел им на Буян направляться, да привести древо, что в глубоком подземелье хранилось. Не ведал он, что его служка, сам того не зная, золой его обратил. А в подземелье, вместо деревца, пребывал Кир во сне глубоком.

Тем часом Лель с Мером на хитрость решили пойти. Не стали войной ответ держать супротив колесниц огненных, а встречали как дорогих гостей — хлебом-солью.

Было невдомёк лазутчикам урским, как может дух человеческий обернуться любой тварью земной али человечесий облик принять, какой вздумает.

Предстали Мер с Лелем перед ними во образе Кира и Лиры, да закатали пир горой во славу доблестным воинам.

Посредь пира Лель удалился во покои своя от гостей дорогих и спустился в подземелье глубокое, да обернул Кира в деревце, за которым слуги урские пожаловали. И тотчас на пир воротился с дарами из золота и серебра для воинов победителей.

Во землях ирийских встречали купцы урские собратьев своих и пир закатали. И разными яствами потчевали гостей дорогих.

Не нужны были им знания арийские — лишь жизнь во плоти, во теле брennom их тревожила. И старались они прожить её в богатстве и в убранстве, и в чревоугодии.

Морей восточку послал слугам своим и велел немедля древо из подземелья извлечь и доставить на птицу огненную, что неподалёку Мирград-Земли парила в поднебесье.

Лира с Киrom, к удивлению воинов, тут же открыли пред ними врата. И отворив семь печатей, забрались слуги урские в то подземелье да вынесли деревце. Опосля, поблагодарив хозяев за дары их щедрые, скрылись в колесницах огненных и взлетели в небо багряное — в тот час ярило на закат шло, и стояла картина хором княжеских красоты неопиcуемой.

Попрощавшись с гостями, сокрылись Лель с Мером во хоромах светлых — там уж и Яр их поджидал. Стали совет держать, как водилось меж друзьями-товарищами закадычными.

А тем часом стало Ерему во саду ирийском невмоготу — грусть тоска его окутала. И позвал он супругу свою Вселу, решил с ней вместе время коротать.

Появилась тотчас она, и стали они вместе за плодом соглядать, любуясь друг другом и наслаждаясь от каждого мгновения — всё ж был Ерем долго во краях чужих, и стосковались они друг по другу.

И стала Всела чудным голосом петь песни дивные, да так, что все звери да птицы собрались со всей округи и внимали красоте звуков.

Птица огненная Морея была убрана богато. Во крылах её жили челядь и слуги, а у самой головы располагались хоромы князя урского да двух его верных опричников. Во всей птице не было больше уров, кроме них. Стерегли они своего господина денно и ночью, да один из них всё ж, по старой памяти, имел связь прочную с Яром, и обо всём, что во чреве той птицы дееся, тотчас докладывал, как только ко сну отходил.

Получил Морей весточку от воинов, что посылал за деревцем — были они уж близёхонько.

Дерево то можно было лишь во Мирград-Земле взрастить, да *могло оно погубить не одну душу — находилось корнями на разломе сил светлых и тёмных*^[86]. Только вот оказия — дерево подменили, и Кир был заточён во образе оногo. Чтобы пробудить узника, должен был кто-нибудь сорвать яблочко с дерева, — только и всего.

Но запретил Морей слугам своим из миров тёмных даже прикасаться к плоду, велел доставить немедля во хоромы своя. И поспешали они, стремясь угодить хозяину.

Тем часом, во землях ирийских Ерем и Всела любовались друг другом, да всё ж не забывая о другом яблочке, что вот-вот должно было опасть с дерева, Яром возвращённого.

Супруги хоть были уж не молоды, да выглядели, будто парень и девушка — красно и свежо. Так всяк умел, коли желание было велико, во земле арийской, *окунувшись в Бело-Озеро*^[871].

На Буяне трое решали судьбу Мирград-Земли, сами того не ведая.

Яр рассказал друзьям своим о замысле светлом — как засеять семена знаний среди народов разных и как от войны и горя уберечь. Порешили расстаться поутру и разошлись во края разные по всей Мирград-Земле, весть добрую донося до сердец всех, кто духом светел был.

Первым делом, Яр прямёхонько направился во пучину морскую к князю Непту и затеял долгий разговор с ним и с его ближайшими братьями. Знал он, предвидя беду, что одолеет напасть лютую грядущее поколение народа морского и предлагал помочь уберечься от неё.

Выслушал его Непт с вниманием великим. И решили они сокрыть города подводные народа морского. И провели нить, глазу невидимую, навколо каждого терема в пучине морской, дабы не увидел глаз посторонний и не смог вреда принести.

Мер направился во владения людей цвета кожи жёлтого — те приняли его с почестями, ако князя.

Говорил он речи светлые. И слушали, и вопрошали его волхвы и старейшины из рода того, и внимали каждому слову.

Знали всё ж отчасти, каким быть грядущему дню во землях ихних. Не желали хорониться от напасти — бой решили дать захватчикам иноземным и твёрдо на своём стояли.

Лель отправился на край моря держать беседу с народом цвета кожи красного — те принять его согласились, да не вели речей сладких и яствами не потчевали, разговоры лишь говорить желали.

Долго Лель вёл беседу ту, да так и не пришли к соглашению; и старцы седые, и парубки, и девицы красные — всем по нраву были порядки урские, и в восторг они приходили от вещей диковинных и верили сподвижникам Морья до глубины души.

Выслушал Лель их трели соловьиные да всё ж велел кликнуть его, коли нужда в том будет. Топнул ногой оземь и сгинул с глаз долой, направившись во края, где пребывали люди цветом кожи тёмным.

Возрадовались те да пир горой закатили — был всё ж в те годы нечастый гость из земель арийских. Воевать они не желали, лишь защиты просили от врага лютого.

Тут кликнул Лель Мера и согласились они помочь народу горемычному.

Вокруг лесов поднялись болота непролазные. Да по верху, по-над деревьями, коли птица парит высоко — так только лес дремучий видать на сотни вёрст.

Вот таку справили народу завесу от глаза дурного и от служителей урских, что рабами хотели обратить племя тёмное.

А тем часом поспешали слуги Мореевы в колесницах на птицу огненную с деревцем заветным.

Распахнула та свои объятия и прошли они сквозь огонь и ничуть не оплавилась. Вот уж поспешают к господину своему с драгоценным подарком.

Было то деревце словно внутри камня. Да камень был, как стекло прозрачный, и твёрд был, словно ал-маз. А коли рукоять подле него повернёшь три раза — вовсе исчезали преграды всякие к тому деревцу.

Закутав камень тот в парчу, золотом вышитую, покорно вошли слуги во хоромы княжеские — Морей восседал подле глаза птицы огненной, а видел тот глаз на сотни вёрст.

Решил Морей не торопить время да поближе, к Мирград-Земле, пробраться.

Поблагодарил воинов за услугу ему оказанную да велел наградить златом и камнями самоцветными, и отослал прочь. Да поставил двух уров соглядать за древом дивным.

В те поры уж вечерело в саду ирийском. Ерем вдруг заметил, как плод, что висел на древе, Яром возвращенном, под тяжестью своей не вынес непосильной ноши и упал, ударившись оземь, да застыл на месте.

Тотчас всё Ерем сделал, как Яром было велено, очертя три круга бережных.

Почуял Кожан аромат плода спелого и его благоухание. Пополз червём земляным отведать яблочка помимо воли своей.

Как только откусил первый раз, уж понял, что погибель ему грядёт скорая, и не смог преобразить тело своё в человечье, — решил змеем стать, тотчас им и обернулся. Да не выйти ему из трёх кругов бережных — давит его силушка рода. Так и остался подле яблочка, да и аппетит вовсе пропал.

Ерем видел то преображение да спешил отправить весточку Яру, что пребывал в царстве подводном у народа морского.

Кожан мыслил, как избежать ему злой погибели, да никак мысли не шли на ум. Всё по кругу вертелся да изворачивался, словно в огне пламени жаркого.

Тут заметил он краем глаза Вселу, что под деревом стройным спала в тени ветвей раскидистых, и решил чары на светоч её напустить.

И пригрезился ей её возлюбленным Еремом да всё твердил о яблочке аромата чудесного, чтоб отведала она его.

Вскоре пробудилась Всела да подивилась мыслям своим из дремоты до неё дошедшим. Всё же решила взглянуть на плод дивный — помнила она, что во яви Ерем строго-настрого ей приказал трогать то яблочко.

Почуял Кожан, что план его удался, да весь дух свой тёмный впустил в то яблочко.

Не спеша, шагами лёгкими, Всела подошла к трём кругам бережным.

Далече от тех мест, во птице огненной, Морей трапезничал с воинами и слугами своими с покорённых земель тёмных. Только двое уров на страже стояли — стерегли подарок драгоценный.

Один из тех уров, всё ж по старой памяти с Яром связанный, доложил всё о прибытии деревца на птицу огненную ему, сам того не ведая.

Знал уж Яр, что Кожан далече не денется и направил силу мысли своей во чрево птицы огненной. Да Ур тот полностью рассудок потерял, словно то не он был, а сам Яр стоял, — протянул руку да повернул рукоять, что преграды над деревцем держала.

Подивился друг его закадычный да стал вопрошать, что ему неймётся, — не ответил он, лишь схватил яблочко левой рукою да сорвал со древа. В тот же миг обернулось то деревце Киром.

Всё ходила вокруг да около того яблочка Всела, да не давало оно ей покоя. Мысли разные лезли в голову. Ветер трепал листву на деревце.

Всё ж взяла в руку плод да откусила кусок побольше — сладок был он.

В тот миг душа Кожана тёмная хотела в её теле прибежище найти, да не выдержала натуги, словно чаша хрустальная оземь ударившись, разлетелась на части малые, да ветром развеялась по всей Мирград-Земле. И очернив души тех, кто был духом слаб, нашла покой посреде всех людей и тварей, на Мирград-Земле обитающих.

Прознал о том Яр и почуял, что быть беде великой, коли не позволят собратья его старшие свет пролить на души все очернённые. Тут же, забыв о делах мирских, направился он во чертоги лунные и вопрошал подмоги за людей сирых.

Тем часом, во птице огненной Кир подивился чуду. Да чувствовал себя отменно, словно кто подменил тело его брненное на новое, ако одёжу. Схватил он двух уров, и те, повинувась силушке его богатырской, пали на чрево птицы огненной.

Понял Кир, что далече он от краёв родных — дивно мерцали звёзды и Землюшки большие и малые за оконцем. Распирала его во все стороны удаль молодецкая. Почуял силушку Кир великую, стал расхаживать по чреву птицы огненной, словно во палатах своих.

Шествуя по утробе птицы, прознал он, как устроены вещицы диковинные. Всяк, кто на пути его ставал — в немилость попадал.

Вот добрался до залы, где пир Морей давал, да прямёхонько к столу князя направился.

Все замерли на мгновение вдруг, и этого мгновения хватило Киру, чтобы тело своё в дух чистый обратить да направить к Морюю вовнутрь тела. Подивились все странному гостю.

Морей, хоть и на ура походил видом своим да был родом из Мирград-Земли, да дух его стал противиться гостю незваному. То с виду походило, будто перекосило князя урского.

Забился меркул его в уголки души^[88], но не давал новому хозяину овладеть до конца телом брненным. Не мог шевельнуться, лишь слова слугам молвил, чтоб сделали, как он велит, и направили птицу огненную на Буян-остров, да посреде леса дремучего её оставили.

Подивились слуги — видно князь хворый дюже, да решили следовать наказу его. И отправилась птица огненная на Мирград-Землю.

Яр в те поры во чертогах светлых пред родом своим представал да всё о том же вопрошал, чтоб пролить свет во сердца людей, Кожаном очернённые.

Долго слушали родичи бесплотные Яра. Не изменили решения своего, а ответ такой дали — коли желаешь помочь народам Мирград-Земли, то решенье само придёт на ум без знаний светлых, трепетных. Да много разных советов дали в путь-дорожку.

Яр, пройдя сквозь преграды невидимые, направился в Белозёрье к народу арийскому, чтоб поведать обо всём, что приключилось в саду ирийском: и что род волхвов светлых о том думал, и как держать ответ перед людьми с Мирград-Земли. Не коснулись всё ж осколки души Кожана ни единой твари, ни человека в Белозёрье. Всё по прежнему было ладно и светло во землях арийских.

Собрали совет большой во хоромах просторных да слушали, что каждый сказать хотел, и вместе думу думали.

Лишь Ерем с Вселой не пришли туда — было соромно им, что не уберегли дух тёмный за тремя кругами обережными. Вот и направились они далече от тех мест.

Вот прилетела птица огненная на остров Буян и была оставлена, как Киром велено, в лесу дремучем.

Кир, недолго думая, отправился во палаты княжеские искать жену свою Лиру, да Морейя с собой прихватил, а слугам велел ждать его до поры.

В палатах всё так же сияло убранством, и было чисто и ладно.

Вышел тут Кир из тела Мореева, да его будто оковами опутал — не мог тот и шелохнуться. Стал вопрошать, где его супруга верная Лира, — да тот не ведал о том.

Понял Кир, что князь урский правду говорит, но всё ж не желал отпускать его без корысти. И поставил условие и обещал жизнь спасти, коли он, Морей, оставит ему птицу огненную со

всеми слугами и челядью, и велит повелеваться хозяину новому; да всем купцам урским во землях ирийских накажет служить Киру, да растолкует о всех вещицах диковинных, что во чреве птицы огненной именуется.

Согласился Морей, ничего не поделаешь, — всё ж жизнь была дорога ему во теле брennom. Забрал он лишь двух уров, что деревце охраняли, да сел в колесницу малую огненную и направился, держа путь длинный, восвояси.

Всё ж Кир места себе не находил. Не ведал он, что Лира, супруга его, далече от тех мест, и что сморить его со света белого она решила, за что и была туда отправлена.

Отправив домой князя урского, подустал Кир да прилёг на ложе. Тут уж пташки запели за окном песни дивные. Всё привычно было ему, да задремал он.

И привиделся ему ни кто иной, как Лель, в образе старца седовласого. И поведал ему о том, что случилось с супругой его Лирой, да обо всём, что происходило время долгое на острове Буяне и на Мирград-Земле.

А тем часом, посреде моря синего, далече от тех мест, нашли себе пристанище Ерем да Всела на островке малом. Возвели хоромы, да всё ж тоска-печаль их гложет. Не с руки ворочаться во земли арийские да не с руки держать ответ пред сородичами своими — знала Всела, что в том вина её.

Яр и все жители Белозёрья не стали винить Ерема с супругой и порешили на совете великом оставить их в одиночестве до поры. Были у них поважней дела — как очистить души людей от семя Кожана тёмного, как укрепить дух без знания светлого.

Долго совещались, но никак не шло решение на ум.

За семью морями, за семью лесами, во краях далёких, посреде моря-океана был остров красоты неопикуемой — вечнозелёная листва шелестела, и в садах всюду стоял аромат от плодов дивных.

Был тот остров невелик сам по себе. Жители его уж много лет не знали горя и печали, и чем-то походили на уров — тела их были стройные и высокие, но всё ж не столь большие.

Там и нашли себе пристанище Ерем и Всела. Срубили терем ладный да в срок малый.

Ерем бывал в тех краях в дни своей молодости и, бывало, хворых людей выхаживал. Помнили его и почести воздавали. Да только не ведал он, что Морей, князь урский, — родом с того острова. Да и сам Морей об этом не знал.

Будучи ребятёнком малым, случилось ему, в непогоду великую, шторм и бурю пережить. А в те поры во землях урских было безвластие — каждый был себе хозяином, да ничто не ладилось у них. И вот, послушав волхва древнего, трое старейшин отправились во Мирград-Землю, чтобы разыскать князя нового, что лад и порядок внесёт в жизнь земель урских.

В те поры народу немного жило на Мирград-Земле, и просторы бескрайние расстилались — на много вёрст ни души.

И вот, пролетая в колеснице огненной, один из старцев приметил судёнышко утлое в бескрайней пучине моря. Тотчас они устремились вниз и увидали, что буря ночная разломилла корабль, и он медленно шёл ко дну. Лишь в люльке, из вяза выструганной, громко кричал младенец.

Забрали они младенца на колесницу огненную. Облачая его в одёжи сухие, приметили родимое пятно в форме птицы под левой лопаткой. То был знак, волхвом древним предсказанный. Так и порешили — везти нового князя восвосяи, во земли урские. И Мореом назвали, так как нашли его средь моря-океана.

Так и стал Морей князем урским. И теперь, потерпев поражение, не дознавшись где прячут книгу знаний железную, возвращался во земли свои несолоно хлебавши.

Ненавистью и злобой наполнено было сердце его, и решил он, во что б это не стало, вернуться на Мирград-Землю и достать знание народу урскому, доселе недоступные.

Эту историю поведал Ерему один житель морской. Всё ж походил он больше на зверя, чем на человека, и прятался от народа морского в глубинах подводных. Да всё ж Всела с Еремом приручили его, и служил он им службой верною.

Яр, да все жители Белозёрья, решили оставить всё как есть до поры да не нарушать жизнь мирскую, а наблюдать за течением времени на Мирград-Земле.

Кир, тем часом, всё пытался найти свою супругу Лиру, да все попытки его были тщетными, хоть и знал, что виновата она и мужа сморила почти, — всё ж тосковал он по ней, и другие девы не шли на ум и не радовали глаз.

Лель и Мер присматривать за Буяном были поставлены, да мешать и учить им было заказано.

Посоветовавшись, решили они обернуться фигурами двух воинов высотой более ста аршин, — так и сделали.

В одно прекрасное утро проснулся Кир и видит две статуи из чистого золота стоят подле причала морского. Знал он, что то предки его могучие за ним присматривают.

И встречали они своим величием всякого заезжего странника — за сотни вёрст их было видать. Коли прилетал кто на птице железной али колеснице огненной на Буян, первое, что на глаза ему попадалось — были эти две фигуры. Был в том смысл тайный, одним жителям страны арийской известный, — держали Мер с Лелем два круга обережных над островом Буяном и все, кто обитал там, были здоровы и счастливы, и зло не мыслили.

Кир же принял всех слуг урских, что были во птице огненной, к себе на службу да клятву с них взял верности. И вещицы диковинные стали мастерить на Буяне.

И отправил гонцов в земли ирийские, которые прежде создал, что князь Кир более не желает войны, — и предались купцы урские веселью безмерному.

Народы цвета кожи красного и чёрного поверили и возрадовались временам новым.

Народ же с цветом кожи жёлтым не желал ходить у Кира в опричниках да послал ему весточку, мол до поры они хотят жить в мире и нивы свои возделывать. На том и порешили.

Князь жёлтый Леко, так его в народе звали, построил палаты внутри горы великой. Были все комнаты в тех хоромах богато украшены и из цельного камня вытесаны. Но не желали люди народа жёлтого родниться и во друзья ходить с Киром и с жителями Буяна и земель ирийских, хотя были и среди оных ихние братья кровные, цвета кожи жёлтого.

Не стал Кир противиться их решению и не стал войной ополчаться.

Всё шло дивно и ладно на Мирград-Земле, да только во землях арийских, в Белозёрье, думу думали люди и знали, что сменится несколько поколений, и прорастёт семя Кожана тёмное средь людей на Мирград-Земле, и будет ветер злой рвать на части души людские, ни о чём, ни сном, ни духом не подозревающие.

Но то будет после, а пока решили они дать отдых людям с Мирград-Земли многострадальной и искали решение, подходящее для вопросов сиих каверзных.

Кир решил направиться к народу морскому, с кем водил дружбу давнюю. Но как не искал, как не бороздил по морю-океану — не смог отыскать страну ихнюю подводную, ариями упрятанную. Так и остался ни с чем.

Так начались на Мирград-Земле годы длинные, годы мирные. Все жили в счастье и радости. Печали не мыслил никто.

Прославился остров Буян, и всяк уж желал хоть одним глазком взглянуть на вещицы диковинные и красоты, что радовали глаз. И люди там жили в богатстве и убранстве — вдоволь было еды и питья. И народ новый, миров тёмных урских, исправно служил новому князю Киру.

Бывало, смастерят вещь новую и несут на поклон в палаты княжеские. Посмотрит Кир, опробует мастерство мастеров местных и велит таких сработать много сотен; да везёт к народам разным с гонцами и меняет на золото и самоцветы, али на растения диковинные. Те ж не могут не нарадоваться вещицам мастерски сработанным.

Вот, к примеру, одна из них. Походила на пса цепного, да не спит тот пёс ни днём, ни ночью — всё избу охраняет да хозяев предупреждает, коли что дурное должно случиться.

Али друга вещица. С виду блюдце, да по нему вокруг, будто яблочко катится. Помыслишь ты о ком — тотчас тебе образ передаёт, будто вот он — рядом стоит.

Мастерили те вещицы и много других слуги исправно и жили богато, в достатке. И семьями обзавелись да детей народили. Так и шло-протекало время на Буяне.

Народ же жёлтый в горах высоко уединился. И предавались люди того народа знанию и шибко старались; да над телом и душой своей работали денно и ночью. Да все вещицы с Буяна в интерес не брали, старались мудрость арийскую перенять.

А в Белозёрье народ по-прежнему жил ладно и светло. Многие уж из земель разных потеряли охоту искать дорогу знаний в страну Арию. Всё ж оставались и такие, что трепетно жаждали света, отбросив мир материальный подалее.

Яр любил обернуться странником да ходил по землям разным — всё смотрел да слушал.

Всё спокойно было время долгое. Зло змейкой серой затаилось в глубине душ людских, не желая выходить на поверхность. То были времена светлые.

На Раде-луне всё пребывало в спокойствии. Всё ж жили там отлично от Мирград-Земли и порядки чем-то походили на Белозёрские. Горы и долины были там красоты неопишуемой. И когда рада сходилась в аккурат с Луной, многие из страны Арии *мыслями своими обращались в те места*^[89], чтобы полюбоваться красотой дивной и отблеск ярила узреть в зеркале моря тёплого.

Случалось и купцам урским залетать туда. Но не имели власти в тех краях вещицы диковинные, новыми слугами Кира сотворённые — тотчас приходили они в негодность.

Заслал Кир туда самых искусных мастеров с твореньями ихними дивными, но ничего из этого не вышло. Дивились тому умельцы да опосля и думать забыли о раде-луне.

Однажды Яр, по миру странствуя путником одиноким, забрёл в края глухие на отшибе высоко в горах, неподалёку от мест, где племя цвета кожи красного обитало, — на скалах были вытесаны руны древние, что можно было найти в книге малой железной.

Понял он тогда, что там обитает часть народа красного. Люди, что уединились да не пошли за Киром и слугами его. Жили они, как народ жёлтый, внутри горы, и были душой светлые и духом чистые — не коснулось их семя Кожана тёмное.

Тотчас предстал он пред ихним старейшиной и пригласил дюжину людей из рода ихнего во земли арийские.

С радостью приняли те приглашение и не заставили ждать себя — устремились в Белозёрье.

Тем часом Кир, отчаявшись в поисках супруги своей Лиры, одним днём закатил пир, чувствуя мастеров, слуг его верных, что казну пополняли княжескую исправно.

И были на том пиру яства заморские и пели птицы диковинные в клетках, привезённые из земель дальних, — чаровало звучание голосов ихних всякого проходившего мимо за много вёрст.

Решил Кир найти себе новую избранницу, да не было ни одной девы в его окружении, что была его сердцу мила. Вот и помыслил он отправиться в странствия, на поиски новой супруги.

И отправился Кир ни куда-нибудь, а на Раду-луну.

Встретили люди его как подобает — с почестями. Но никто даров его диковинных не принял — не нужны были им они, во всём пытались люди тамошние походить на ариев и друзей их, светлых асов.

Сел князь буянский на колесницу огненную и послал весточку всем людям с Рады-луны, что хочет устроить празднество и стол накроет, полон яств дивных.

И не скрывал он намерений своих — славилась Рада-луна девами пригожими.

В день, назначенный Киrom, собралось народу видимо-невидимо. Всяк, кто пришёл, мог откушать за одним столом с князем. Да придя, люди подивились — столы стояли пустыми и скатёрки не были растланы на них.

Успокоил людей Кир, велел двум слугам своим принести скатёрку цвета белого, ако снега на вершине горы. Бросил её на стол крайний да прошептал слова на языке никому неведомом. Тотчас полотно само разрослось, растянулось и покрыло все столы — было их великое множество.

Подивились люди. А через миг уж ломились те столы от яств и закусок, что сами собой явились — все только диву даются.

Была та скатёрка Киrom у Морея отобрана вместе с другими вещицами необычайными.

Занялся тут пир и веселье. Все кубки поднимали во славу Кира и волшебству его дивному. Сам он стал расхаживать вдоль столов, да глядеть очами — всё пытался разыскать избранницу.

На Мирград-Земле в то время оставалось всё в спокойствии непоколебимом.

Дюжина людей с гор высоких, что были из народа красного, наконец попали в Белозёрье. То была их мечта давняя. Знал о том Яр и радовался веселью в сердцах людей и тому, что совпадала его дорога с путями ихними.

Не задержался он долго с гостями, а оставил их в *светлицах*^[90] Белозёрских. И семеро волхвов возраста преклонного помогали им обрести знания, доселе для них закрытые.

Сам же Яр направился разыскивать Ерема и Вселу. Знал он, что не было их вины в содеянном. Ведал как всё произошло и хотел увидеть сына.

Далеко-далеко, за морем-океаном бескрайним, едва забрезжил рассвет на острове малом, очутился Яр в одно мгновение подле избы, в которой жили Ерем да Всела — знал уж об этом отрок Яра и был готов к беседе длинной.

Гладь морская была на редкость смирна — ни одного дуновения ветерка. Решили они вдвоём пройтись по морю, словно по суше, и встретить ярило за разговором длинным.

Не стал Яр упрекать сына своего, что не сдержал наказов и наставлений его. Решили забыть все обиды прошлые, предавшись решению дел насущных.

Так брели они, убредая всё дальше и дальше вглубь океана, навстречу яриле. Решено было ни с кем, даже полслова, не обмолвиться о той встрече.

И дал Яр Ерему урок новый. Дело то было не простое — предстояла ему дорога дальняя в чертоги князя урского Морея.

В знак того, что принял он наказ отца, Ерем нырнул в пучину вод, словно рыба, и через миг протянул Яру камень самоцветный со дна морского, что играли переливался всеми цветами радуги в свете ярила, которое поднялось уж на высоту копья.

В Белозёрье в те поры волхвы отбирали из дюжины людей племя красного троих, что могли принять знание и были готовы к тому.

Другие же должны были остаться на пять сроков малых в стране арийской и ждать, когда придёт их черёд или уйти восвояси по собственной воле.

Провёл Кир на Раде-луне уж с десятков дней, а невесту так и не нашёл. Было много девиц красных пригожих, да не лежало сердце у него ни к одной. Собрался уж было восвояси, на остров Буян днём пригожим, как вдруг заметил в стороне от большого поселения избу светлую да решил на дорожку зайти и хозяевам дары воздать перед дорогой долгой домой.

Только приблизился он к той избе, а на крыльце уже стоит дева красоты неопикуемой с тёмными, как смоль, волосами и ясными очами цвета бирюзового. Понял Кир тут, что пора сватов засылать.

Жила та красна девица одна, без родителей. Пришёлся по нраву ей князь буянский, да решила она с ним поиграть.

Долго ли, коротко ли — Ерем распрощался со Вселой да в путь дорожку собрался к князю урскому

Морею, в земли дальние, исполнять дело, Яром порученное.

Первым долгом должен был он раздобыть колесницу огненную на Буяне и потому поменял обличье своё — стал походить на купца урского. Оседлал зверя морского, собой прирученного, и направился на остров Буян.

Зверь тот быстро по морю передвигался. То унесёт всадника в пучину, то снова на поверхность вынырнет. Так плыли они три дня и три ночи. Вот уж на третью ночь вдалеке занялись огни владений буянских.

Знал Ерем, что князь Кир в отлучке и, отпустив животное во просторы морские, медленно и размеренно побрёл в сторону острова.

Во стране же Арии тем часом трое овладевали знаниями вещми, углубляясь всё дальше и дальше мыслею во миры, оку невидимые.

Первого и самого старшего из троих краснокожих звали Чар. Второго Ро. А третьего, вернее сказать третью, то была дева, — Сура.

Знал точно Яр, приводя их, что пронесут они знание, им данное, сквозь множество поколений и, в один ясный день, то знание уберечь поможет Мирград-Землю.

Вот послал Кир в избу, с виду неприметную, двух купцов с подарками дорогими — парчой, золотом и самоцветами. А дом тот потому и стоял на отшибе, что обходили люди стороной его, а хозяйку величали колдуньей.

Потеряла она родителей своих в малолетстве и с тех пор всё хозяйство сама содержала, и справлялась нужно сказать неплохо, так как отец её был волхвом светлым из земли арийской, а мать — родом из племени асов.

Сотни раз переглядев старые книги отца, сама она обучилась основам магического дела и запросто справлялась с работой, непосильной даже мужикам дюжим.

Вот уже сваты на пороге стоят. Знала она, зачем пожаловали, да любила шутки шутить.

Обернулась старцем седовласым, впустила гостей, дары приняла — те решили, что то отец её. Накрыла стол, угостила купцов урских да зелье им подсыпала в питьё.

А зелье то язык человеку развязывало. И было оно сделано на основе трав сонных, что росли в количестве огромном на Раде-луне. Всяк, кто отведаёт того зелья, будто бы в сон обращался, да не лез на лавку али на печь, а продолжал сидеть там, где застало его врасплох варево мудрёное.

Да не спал только человек. Коль спросишь его что, тайну какую али вопрос секретный — тотчас расскажет всё без утайки.

Вдоволь она покуражилась над сватами. Узнала уж всё, что они ведали. Брызнула на них водой студёной и прошептала что-то — тотчас они проснулись, да сами ничего не знали о том, что творилось за столом.

Закончили они трапезу да забыли, зачем пришли. Тут старец седовласый топнул ногой, и скамья подломилась под купцами урскими — оба свалились наземь и давай бежать, что было мочи. А она всё хохочет — любила позабавиться. А вдогонку уж кричит им: — Коли хочет Кир посвататься — пуцай сам явится!

Ерем был одет в одежды богатые и расхаживал степенно по ярмарке, размахивая тростью золотой, — выглядел как купец урский.

Торговцы лезли назойливо, предлагая вещицы диковинные да снедь разную. Да он шёл прямёхонько в артель близ палат княжеских, что колесницы огненные мастерил.

Во второй руке держал футляр из чистого золота с грамотой. Была та грамота сработана, словно от князя Кира указ — выдать подателю сей бумаги самую быструю колесницу.

Заприметил он главного среди артельщиков и к нему свой взор устремил. Протянул футляр, поблёскивающий камнями и инкрустированный знаками рун древних, означающих одно — то было послание не от кого-нибудь, а от самого князя буянского Кира.

Повертел мастеровой в руках указ княжеский да стал просить у Ерема отсрочки: мол, дескать колесницу чтоб к нему приставить, надобно подождать малёхо. Не стал Ерем противиться словам артельщика, забрал указ и молвил, что явится ровно через день, и быть ремесленникам в беде великой, коли не поспеют к сроку. Развернулся и пошёл искать

постоялый двор.

Многое поменялось за то время — на Буяне жили люди разные и на языках говорили отличных от друг друга, но всё ж торговали, и было понимание меж ними.

В другом конце ярмарки нашёл Ерем место невзрачное. Заплатил хозяину золотыми монетами да зашёл в харчевню перекусить с дороги.

Знал он, что место то кишит людьми перед законом нечистыми — воры да разбойники, да прочая *тать*^[91] любила захаживать в это место.

Вот поел он вдоволь да попил, а за соседним столом люди лихие его уже заприметили — трость золотую да одежды богатые. Заиграли алчность и злоба в них — решили сгубить «купца урского», не ведали, что то был Ерем. Да и если бы ведали, это бы их не остановило — уж больно тёмными были их души и сердца.

Меж тем, на Раде-луне Кир повстречал слуг своих, воротившихся ни с чем и бормотавших что-то себе под нос. Да решил сам навеститься к любаве в гости.

Набрал снова дорогих подарков и направился к избе, что была в стороне.

Вот шагнул на крыльцо и три раза постучал в дверь, как было принято. Ория, так деву звали, не стала в тот раз обращаться ни в кого — сама пред ним предстала.

Снова подивился он красоте неопикуемой. она ничуть не смутилась, и Кир держал себя в руках. — Что ж, проходи, добрый молодец, негоже на пороге стоять, — молвила она голосом дивным и чарующим.

Он шагнул внутрь избы и подивился тому, что изнутри палаты казались намного просторнее.

— Сказывай, с чем пожаловал? — вопрошала снова Ория князя буянского.

— Мне бы родичей твоих повидать, — ответил он без робости в голосе.

— Нет у меня родичей. Были, да все вышли, — отвечала дева.

Кир почуял лёгкую досаду в её словах. Так и стояли да смотрели друг на дружку не шелохнувшись.

Она первая оборвала молчание и предложила гостю поесть с дорожки. Тот покорно согласился и отведал простой, но безумно вкусной снеди, что она сама состряпала. Но, даже уплетая яства, не мог оторвать глаз от неё.

В те поры в Белозёрье трое избранных пребывали в ожидании. Волхвами было велено окунуться в Бело-Озеро да сидеть на берегу, греясь в лучах ярила, и ждать, когда Яр явится. Чар, Ро и Сура постигли многое, ждали лишь последнего наставления.

Артельщик был хитёр — не зря его головой над ремесленниками поставили. Заподозрил он что-то неладное да направился во дворец княжеский к придворному служке. Да наказал ему послать весточку князю Киру, да подробнее разузнать о купце, что давеча захаживал и колесницу огненную просил. Тот и исполнил всё немедля.

Князь Кир ответил тотчас и велел схватить купца, что с указом от него явился, да ждать, пока он воротится. Разгневался он дюже, что оторвали его от дел любовных, да всё ж было ему любопытно, что за самозванец пытался увести огненную колесницу прям из-под княжеских ворот.

Ерем, закончив трапезу, поднялся из-за стола и медленно направился во почивальню, что ему выделил хозяин харчевни. Зашёл да прикрыл двери за собой, но не запер. Прилёг на лавку и притворился спящим.

Средь разбойничков да людей, что дело худое замыслили, был один главный, что за всех ответ держал. Он и решил собственноручно «купца» погубить и велел дружкам своим ждать внизу в харчевне.

Подойдя к двери, понял он, что добыча будет совсем лёгкой, — та была не заперта. Зашёл он в опочивальню, вытянул из-за пояса рукоять света тёмного и направил «купцу урскому» прямёхонько меж бровей.

Глядит, а луч света тёмного изгибаться стал, словно змея, да картины разные показывать, вместо того, чтобы работу свою исполнять.

Никогда он такого доселе не видывал. Бросил рукоять в угол дальний и страх завладел им — душа ушла в пятки. Людей своих хотел позвать на помощь, а губы, словно кто-то иглой сшил — не размыкаются, и шевельнуться боязно.

Встрепенулся тут «купец» да в одно мгновение пред ним предстал. Прошептал что-то себе под нос, одежды с себя снимал и разбойничка раздел до исподней, и в его одежды облачился, а на лиходея свои напялил. опосля, топнул ногой о плиты каменные и, хоть и был неказистый с виду, одной рукой приподнял новоиспеченного купца урского и уложил на лавку, где тот и уснул глубоким сном.

Яр явился пред друзьями своими новыми. Поблагодарил их, что не отступились от знания светлого и предложил остаться в Белозёрье, коли им будет угодно. Чар и Ро с честью приняли приглашение, а Сура решила откланяться — спешила она поделиться вещами сокровенными с племенем своим. На то была её воля — незамедля отправилась она в путь.

На Раде-луне, прощаясь с её жителями, Кир устроил празднество. Был он рад тому, что избраница его, ория, любезно согласилась стать его супругой и отправиться с ним на Буян.

Велел раздать он всем, не скупясь, золото и камни самоцветные в знак доброй воли и благодарности к жителям Рады-луны, — те с радостью приняли подарки.

Принял Ерем обличье разбойника да во все одежды его был наряжен, прихватил лишь золото с собой.

Только спустился он вниз — признали в нём люди злые своего предводителя. Разделил он золото меж ними по справедливости.

Тотчас ворвались стражники из палат княжеских и прямёхонько в опочивальню, где купец отдыхал. Схватили его и давай волочить в темницу, в аккурат следуя наказу Кира.

А у купца память отшибло напрочь — не ведаёт кто он и откуда. Десятник, что при стражниках был, не стал долго разбираться да огрел самозванца его собственной тростью по загривку.

Разбойнички подивились мудрости вожака ихнего, что ту трость с собой не прихватил, а то сидеть им всем в темнице рядом с купцом урским.

Ерем же прошептал тихо своим новым товарищам, что желает он собрать всех людей верных в укромном месте, и чтоб к исходу следующего дня все туда явились — мол, проведал он от купца тайну, где прячет тот золото и камни самоцветные, от князя утаённые.

Возрадовались злодеи мысли о наживе и разослали весточки всем своим дружкам на встречу ту явиться.

Тем временем, ни о чём не подозревая, Кир возвращался с новой супругой в палаты свои светлые на остров Буян.

Ликовал народ, завидя издалека его колесницу огненную. Бросали шапки вверх и кричали приветствия на разных языках — радовались и стар, и млад.

Было всем не до купца самозваного, что в темнице томился, и Кир даже не вспомнил о нём, а все дела и заботы решил отложить до поры.

Подходили Кир с Орией друг другу, как ниточка с иголкой. То было видно даже человеку тёмному, как искрились очи любовью и как радовались они, источая то чувство вокруг себя. И всяк, кто находился вблизи их, мог нутром своим почуять — радость и благодать словно повисли в воздухе.

Велел Кир устроить пиршество, да пригласить туда всех без исключения жителей Буяна, чего ранее до сих пор никогда не делал.

Радовались за князя и Мер с Лелем, что стояли в образе витязей из золота чистого. Знали они, что Ерем задумал, да препятствия не чинили, ибо действовал он во благо всех.

Яр тем часом отправился к народам цветом кожи тёмным и продолжил свои странствия в образе старца седовласого.

Были среди них и люди совсем дикие, что богам тёмным покорялись, но не было в том ихней вины — кощеи-то посеяли семя тёмное во времена далёкие. Хоть и настали времена светлые на Мирград-Земле, да всё ж были уголки, которых свет не коснулся.

Повстречав царя чёрного Нея, стал Яр вести беседу о племенах диких и о крови людей и животных, что те зазря проливали, поганя душу свою смертоубийством.

Долго говори они, и Ней обещал вразумить племена дикие. Знал Яр, что сдержит тот своё слово и знал также, что в одной из долин на земле ихней, живут люди, что близки по духу ко знаниям света.

Решил он отыскать их немедля.

Весёлое празднество всем Буяном справляли во славу князя и новой жены его. Только этого и надо было Ерему.

Под видом главаря шайки разбойников созвал он совет и на совете том вёл речь длинную о Земле далёкой, где злата и камней самоцветных немеряно. И что под страхом смерти рассказал ему о том купец урский, а в доказательство слов своих явил он мешок, набитый до отвала золотыми украшениями, и разделил меж всеми разбойниками — опосля того те были готовы идти за Еремом хоть на край света.

Хитростью решили они завладеть семью огненными колесницами. Велел он, не жалея злата, купить одежды богатые и на себя одеть.

Всего разбойников было около двух сотен. Нарядились богато да пошли на двор княжеский, подле которого те огненные колесницы находились.

Веселье было в самом разгаре. Выпив и закусив на дорожку, заняли они места в колесницах огненных — самая большая досталась Ерему. И взял он с собой два десятка новых своих друзей.

Взметнулись колесницы в небо, жаром огня пылая. Никто и глазом моргнуть не успел, как исчезли они на небосклоне. Путь держали во земли далёкие, во чертоги урские.

Тем временем Яр забрался на гору высоко. Впереди перед ним раскинулась долина. Природа была необычайной красоты в тех местах. Цветы разной формы источали тонкий аромат, что поднимаясь по ветру, расстился на много вёрст, тревожа усталых путников и привлекая тварей.

В мгновение ока Яр очутился у водопада, где жило племя тёмное — всё ж помыслы их были светлыми.

Пройдя сквозь стену водную, предстал он пред двумя стражами, что ворота в город подземный охраняли. Мог бы и зайти без проса — но всё ж как-то не по-людски.

Окликнул одного из стражей на его родном языке и велел позвать старшего воина. Не заставив себя ждать, темнокожий витязь удалился за ворота, железом окованные, и спустя какое-то время вернулся в сопровождении воительницы и её сына — так Яр определил пришедших.

Поклонились они старцу седовласому и предложили зайти отдохнуть с дороги — принял их приглашение путник и шагнул внутрь подземелья.

Вот достигла птица огненная через время некоторое первой Землюшки, что во владения Моря входила.

Ерем с разбойничками условился выдавать себя за купцов, чтобы благополучно добраться до места назначенного — те слушались его беспрекословно.

Усадили они колесницы огненные на место для отдыха, что было положено для торговцев из мест дальних.

Вышел Ерем, развернул свой кошель и насыпал оттуда горсть монет золотых на ладонь. Протянул плату урским стражникам, что взымали пошлину с купцов приезжих — те позволили остаться и запастись провизией и питьём, ничего не заподозривши.

Не нуждался более Ерем во всех колесницах огненных. Поднялся он да созвал всех разбойничков подле себя — те собрались немедля. Велел он на той Землюшке всем оставаться окромя троих, что заприметил.

Занегодовали они, решили, что он хочет обмануть их, обвести вокруг пальца. Затребовали совет держать, чтобы избрать нового вожака.

Был тому рад Ерем, позвал к себе троих людей им избранных, обернул их вокруг своим плащом купеческим из ткани дорогой заморской, и все четверо с глаз долой сгинули.

Поняли тут разбойнички, что не видать им злата и камней самоцветных, как ушей своих, — решили поозорничать на той Землюшке, куда прибыли.

Яр тем часом ступил в город подземный. Было всюду светло, будто днём — горели лучины светом ярким.

Воительница с сыном проводила старца в большую палату каменную, где совет мудрецов собирался — было их ровно десять. Все чем-то походили на Яра, только отличались цветом кожи.

Предложили ему отдохнуть с дороги, да он всё хотел решить сперва. Знал Яр, что тысячи людей жили в том подземелье и носа наружу не казали. С огнём и мечём к ним приходили братья их чёрнокожие из племён тёмных и не давали им покоя — ни днём, ни ночью.

Пообещал старец седовласый помочь горю ихнему и заверил, что войско Нея уж в пути, чтоб поддержать светлых духом. Так же сказал Яр, что трое из десяти старцев и воительница с сыном могут отправиться с ним на Бело-озеро, и что откроет он им знания вещие.

Возрадовались вестям сим люди и улыбки проступили на озабоченных лицах. А затем, Яр, недолго думая, ударил трижды посохом о землю, и прямо ниоткуда в скале появилась дверь^[92]. Но не было в ней ни рукоятей, ни досок, не была железом подкована — лишь отверстие зазяло, и свет синий пробивался сквозь него.

Велел Яр трём старцам, деве и её сыну шагнуть внутрь того отверстия.

Подивились все вокруг, но всё ж люди исполнили им наказанное. Был Яр последним, кто прошёл в ту дверь, и тотчас она затворилась, будто её и не было вовсе.

очутились все шестеро на горе Сивахе, что была в землях белозёрских, недалече от мест людных.

Красотой и радостью наполнялись взоры людей пришедших. Яр любезно пригласил их пройти в хоромы светлые — те незамедля послушались.

Войдя внутрь избы, увидели они посреди палаты словно костёр горит, да не простой, а пламя его синевой отдаёт, и лавки вокруг того огня аккуратно расставлены — уселись все пятеро и тут знаки рун знакомые стали являться перед глазами.

Оставил Яр тогда учеников новоявленных и отправился нанести визит князю жёлтому.

Леко, князь племени жёлтого, был любезен и учтив в речах своих — Яр навестил его немедля, после того как оставил людей из племени тёмного науку постигать во землях арийских. стол богато Леко яствами разными причудливо приготовленными.

Долго вели беседы они. Сам же князь жёлтый не пожелал направиться в Белозёрье, а попросил Яра за семерых учеников, что науку постигали во храме светлом, высеченном на вершине одной из самых высоких на Мирград-Земле гор. То были люди разные — и стар, и млад, девицы и добры молодцы.

Согласился пригласить их Яр, но сказал, что возмёт ещё семерых, и сам на них укажет.

Леко заулыбался — был доволен он решением Яра. Яр спрятал свою улыбку в седую бороду.

Вот отобрал он ещё семерых, да не открыл перед ними дверь, как сделал то для людей тёмных, а велел самим добираться в земли арийские, лишь указал дорогу.

На том и порешили — семеро учеников светлых направились в Белозёрье незамедлительно. Другая же семёрка только через три дня, так как были они не готовы к путешествию далёкому.

Осталось Яру лишь откланяться перед народом жёлтым и направиться во чертоги царя Непта, что были схоронены во глубине моря-океана.

За много-много сотен вёрст оттуда уры почуяли что-то неладное и бросились унимать горстку разбойников, что бунт подняли на Землюшке ихней, которая в аккурат находилась на пути торговом.

Ерем и трое друзей тем часом пробрались в утробу одной из птиц огненных. Та была всё же невелика, но могла летать на расстояния дальние за время короткое.

Трое разбойников, что были с Еремом, напрочь забыли кто они и откуда, и он распорядился волею ихней, как своей. Были души ихние всё ж скверные, да незапятнанные смертоубийством людей чистых. Решил Ерем помочь им и взял всех троих с собой в путешествие дальнее — сам, недолго думая, уром обернулся.

Растревожили они птицу огненную, встrepенулась та, и только её и видели — направились в царство князя Морея.

На Буяне закончилось празднество. Прибежали слуги к Киру — в глаза взглянуть боятся: — Не прогневайся, княже! Люди лихие забрались ночью в колесницы огненные и всех их увезли!

Велел Кир привести к себе тотчас купца, что грамоту показывал артельщику давеча. Слуги и приволокли его, а тот сам не свой — не знает ничего, не ведаёт.

Отыскали футляр золотой, что был при нём. Достали грамоту, а в грамоте вовсе не то, что артельщик видел — грамота та вся исписана рунами урскими.

Позвали двух купцов, чтобы суть грамоты прознать, а те и излагают — мол, наказ от наместника торгового Землюшки малой: обманом и колдовством прибрать к рукам колесницы огненные с острова Буяна да доставить их по назначению.

Почуял тут Кир, что играет кто-то с ним в игру дерзкую, да всего не понял до конца. Велел собрать в дорогу воинов в количестве несметном, да сам решил отправиться да поглядеть, кто осмелился красть в его владениях.

Снарядили птицу огненную и немедля в путь отправились.

Под покровом ночи спустился Яр в пучину и водою морскою обернулся. Опосля открыл дорогу, не многим известную, и предстал перед царём морским Нептом.

Беседа ихняя недолго длилась — знал народ морской, что жители Арии всегда рады гостям.

И взял Яр с собой три сотни жителей из подводного царства, и последовали они за ним — все водой солёной обернулись в миг, а через мгновение очутились на Белом Озере.

И приставил Яр к ним друзей из ихнего племени, что жили в Белозёрье время долгое. Велел наставлять и помогать в учении светлом.

Немного погодя, закончив дела мирские, отошёл Яр, мыслью своей уединясь в палатах княжеских, во времена далёкие на Оре-Земле, пытаясь найти ответ на вопрос, что мучил его денно и ночью. Ощутил себя вновь ребятёнком малым. И кругом всё цвело — трава и цветы, да деревья склонялись, тревожа гладь журчащей неподалёку речушки.

В те самые поры текло время по другому, и ярила светили ярче и красивее, или быть может это казалось ему.

Вспомнилось, как повстречал он однажды старца седовласого, каким сейчас сам являлся. Старик странствовал и забрёл в ихнее селение. Увидев мальчишку Яра, чуть заметно блеснул своими очами и завёл с ним разговор.

Мчалась птица огненная со множеством воинов в утробе. Вот уж достигла малой Землюшки, что находилась посре́дь пути торгового.

Не успела присесть птица та, как заметил Кир колесницы огненные, что были у него украдены. разгневался тут и велел своим слугам учинить расправу над воинами урскими, что в малом числе там пребывали.

И сгубили они всех без разбора. Были среди них и раз- бойнички, что купцами обрядились.

Велел Кир стражу поставить на той Землюшке и оброк с купцов проезжих собирать, да исправно отсылать в казну княжескую.

Ерем тем часом, на птице огненной малой, уж был близёхонько у чертогов князя Морей.

Добрался, наконец, Ерем до самых палат князя Морей. Неторопливо, в облике ура, прошёл всех стражников на пути своём, так как блестела у него на одежде печать князя золочёная, которую он раздобыл внутри птицы огненной. Вошёл, не торопясь, во палаты княжеские, ако во свои собственные, да присел на лавку и через миг обернулся самим собой.

Заволновался Морей — понял, что нечисто тут дело. Хотел было служек своих верных позвать, да неумоготу ему.

Немного погодя, пожалел его Ерем и дал слово молвить — стал тот пощады просить и плакать, словно дитя малое.

Было то от того, что навеял сын Яра на князя мысли о далёком времени и о Мирград-Земле, откуда тот был родом. Познал Морей сказ свой за одно мгновение — и как племя его теперь живёт, и чем на жизнь промышляет. И ужаснулся он и тоска великая одолела его в раз.

— Полно плакать тебе, — вымолвил Ерем. — Давай судить-рядить, как дальше жить-поживать урам с ариями и с другими народами.

Есть у тебя и средь Землюшек твоих всего вдоволь. Все сыты, все живут в достатке. Позволю я тебе племя своё навестить на Мирград-Земле, и тем, кто пожелает отправиться с тобой во края дальние, во владения твои.

Арии могут в миг один завладеть всеми землями твоими, ежели пожелают. Но не хотят они властвовать над твоими слугами.

Опосля, как родных своих навестишь, дорога тебе на Мирград-Землю будет заказана. И ежели ослушаешься — быть беде.

Призадумался Морей не на шутку да решил согласие дать. Имел он и в правду всё, что пожелает во землях своих.

— Добро! — сказал Ерем и выдвинул ещё одно условие, то была задача не из простых — на Землюшке малой, близ пути торгового, пришёл с огнём и мечём Кир, князь буянский. Я сделаю так, чтобы уснул он сном длинным — морить его не велено. А ты тем временем заберёшь всех воинов его, что во птице огненной и что во Землюшке, и по праву сможешь сделать их своими слугами али казнить — на то воля твоя. И возмёшь птицу огненную себе со всеми вещицами диковинными, что принадлежат роду твоему древнему.

Обрадовался Морей такому условию — давно имел он зуб на Кира. На том и порешили, и пожали руки друг другу в знак согласия.

Старец поведал Яру о будущности, что его ждёт. И что сможет он повелевать судьбами многих людей — на что тот лишь рассмеялся. Тогда протянул ему старик камушек цвета белого на одной руке, а на другой — лежал точь-в-точь такой же, только чёрный. Были камни красивы по своему, и ребёнку хотелось забрать оба — смотрел он в глаза волхву и видел в них печаль и радость одновременно.

Пока Яр решение принимал, какой камень взять, из дома, что стоял неподалёку, выбежала его сестра и, играючи, выхватила чёрный камень со стариковой ладони и убежала куда-то, смеясь.

Взял Яр камушек белого цвета, взглянул вдогонку сестрице. Обернулся было, чтобы поблагодарить старца седовласого, а того уже и след простыл.

Достигнув согласия с Мореем, Ерем обратил всю суть свою в печать золочёную княжескую

и велел прикрепить на одежды.

Часть духа направил к трём друзьям своим новым на птицу огненную и велел им отправляться на Зем-люшку малую, откуда та птица и прилетела.

Сдержал свои слова князь урский — снарядил в поход войско в количестве огромном, чтобы порядки новые чинить во Землях своих, Киром захваченных. Дорога показалась быстрой, и печать золотом сияла, напоминая об уговоре.

Вот повстречали на пути другую птицу огненную, в которой Кир со своими витязями находился.

Киру не по силам было совладать с волею Ерема, и уснул разум его. А за место оного, предок его давний стал управлять волею. Случилось всё за одно мгновение — никто и не узрел подмены.

Велел тут Кир, до тех пор в бой рвавшимся своим воинам, сложить доспехи и оружие и колена преклонить пред своим новым хозяином. Сам уселся в колесницу огненную без слуг и челяди и отправился домой восвояси.

Никто не смел ослушаться Кира — все трепетно ждали повелений от нового владыки.

Морей велел навести порядок на малой Землюшке. Оставил всех новых слуг там и две сотни уров с ними. Сам, немедля усевшись в птенца птицы огненной, устремился на Мирград-Землю, последовав за Еремом, что в образе Кира пребывал.

Трое разбойничков, ведомые духом Ерема, были на малой Землюшке оставлены соглядатаями.

Двое слуг верных — уров, что при Морее были — прихватили с собой ларец с вещами диковинными, который по праву принадлежал князю урскому.

Мысли плыли размеренной чередой в голове у Яра. Он открыл глаза — ярило нежно ласкало ветви деревьев, что были видны из оконца.

Яр встал, распахнул его и вдохнул глоток свежего воздуха. Затем направился в глубину хором и подле светильника остановил свой взгляд на книге с причудливыми рунами.

Вот вернулся Ерем на Мирград-Землю. В палаты княжеские зашёл да выпустил дух свой из тела Кирова.

Уложил его аккуратно на ложе, а сам прямёхонько к жене Вселе направился на остров малый встречать гостей урских — князя Морей с его служками.

Уснул Кир сном глубоким, как было то в прошлый раз. Ория, супруга его новая, стала хлопотать на Буяне, и всем было по нраву её, веселья полная, улыбка и умение помогать людям добрым, и суд вершить над злодеями и разбойниками.

Ерем был в своём обличье, когда птица огненная уселась подле острова малого, и Морей вышел из неё в сопровождении слуг своих.

Собрались в тот час все жители острова и, глядя на них, Морей чуял и осознавал всем своим бытиём, что то народ его — и братья и сёстры по крови.

Желваки заиграли на его лице и слёзы радости катились вниз по щекам. Бросился он на песок морской и стал целовать его, и пребывал в смятении некоторое время. Опосля, встав вновь на ноги, хотел было сказать, да слова не шли на ум.

Тут Ерем и Всела пришли к нему на помощь, как было уговорено. Предложили они всем жителям того острова отправиться в места новые, в которых повелевал собрат ихний, чтоб жить там в достатке, счастье и радости до конца дней своих.

Большая часть народа согласилась покинуть места насиженные. Было дано им три дня, чтобы собрать скарб свой и утварь домашнюю, что хотели взять.

Другая часть малая решила остаться — то были люди старые и немощные.

Одарил тогда Морей всех оставшихся золотом, камнями и подарками дорогими и пообещал, коли надумают — завсегда будет рад им во своих владениях.

Три дня пролетели стрелою. Вереница людей восходила во чрево птицы огненной. Было угодно им начать жизнь новую.

Когда последний из людей скрылся во птице, протянул Ерем Морей короб плетённый, да велел не открывать его до тех пор, пока не вернётся тот во владения свои.

Бережно приоткрыл Яр уголок книги диковинной, придерживая за одно из трёх отверстий, что зияли во краях её треугольных. Надписи над отверстиями гласили: «*Явь*», «*Навь*» и «*Правь*»^[93].

То была одна из книг, что хранила множество секретов, и мог её прочесть лишь человек во трёх мерилах сведующий.

Левой рукой трепетно провёл Яр над кругом Нави и произнёс три ветреные руны, две руны воды и пять рун огня во весь голос.

Растворились врата во чертоги дивные пред путником. Вошёл он в залу, что была отделана плитами мраморными двух цветов — чёрного и белого.

Средь палаты, на стороне светлой, стояла пустая чаша, а на тёмной стороне той же палаты внутри чаши лежал камушек белого цвета — тот самый, что был получен Яром давным-давно.

Рад безмерно был Морей сородичам своим — выглядели они в аккурат, как он сам.

Принял он короб из рук Ерема и отправился в странствия дальние.

Всё ж было ему любопытно, что в том коробе. Хотелось хоть одним глазком взглянуть. Но как только он протягивал руку, чтобы приоткрыть его — в тот миг, будто бы слышал голос

Ерема и сию же минуту прекращал своё действие. Так было всю дорогу до самых чертогов урских.

Когда повернулся, велел издать указ; и каждой семье, что во птице огненной была, новые хоромы пожаловал и множество вещиц диковинных, злата и камней. И велел величать их предками урскими великими — в том была его правда.

Вот, закончив дела все с народом острова малого, уединился Морей в келье своей, протянул руку, чтобы короб приоткрыть и не услышал ничего — то был знак, что может он открыть крышку.

С нетерпением поднял он ее, и глазам его предстала книга железная, о которой мечтал время долгое, и подле нее грамота лежала из металла цвета синего.

То была весточка от Яра — мол, знания, что содержит книга сия, отныне и по праву принадлежат народу урскому и всем Землям ему подвластным. Не велит Яр таить знание оное от людей простых, а велит делиться и приумножать его меж всеми людьми добрыми во Землях указанных и просит переписать книгу ту множество раз, чтоб и стар, и млад имел право на знание светлое.

Призадумался тут Морей, но книгу открывать не стал. Решил оставить решение на утро, а сам направился в опочивальню и уснул крепким сном праведника.

На Мирград-Земле в те поры, на острове Буяне, Ория княжна, что за мужа Кира дела справляла, ходила в почёте и уважении средь всех людей добрых.

Кир, по решению вече белозёрского, должен был пребывать во сне глубоком три срока малых.

О том было Орие поведано — не стала противиться она решению, хоть и знала способ, как пробудить князя ото сна.

В этот раз решили собратья Кира, будто бы в забвении он оказался, когда проснется. И представили супруге его время, чтоб порядок на острове навести и на всех землях им подвластных.

Ничуть не удивилась Ория решению и приняла его с миром.

Вот и гости — Ерем с Вселой должны были в скором времени пожаловать на Буян. Велено было им жить-поживать там до поры и подмогой быть посильной княжне юной.

Взял камень белый Яр и уложил на свою ладонь — заблестели глаза его, как в те давние времена. Но знал он, что забрав камень, изменит он свое предназначение и будет вынужден покинуть мир Яви — не тревожило его это, лишь ведал он, что не время еще.

Повертев в руке предмет драгоценный, произнес он вновь три раза руну ветреную, два раза руну огня и пять раз руну света белого, заместо водной руны, и вновь очутился подле книги о трех углах.

Было заказано ему строго-настрого Родом Луны заходить в ту залу. Но заклинания, что читал он, ограждали его от посторонних взоров и переносили плоть его в любое указанное волей место в Пределе Великом.

Встал, встрепенулся, расправил широкие плечи Яр, кликнул писаря своего да велел указ начертать — совет великий созвать в Белозёрье.

Пробудился Морей поутру и велел позвать к себе мужей учёных, что были в его владениях самыми смышлёными.

Посадил он их над книгою железной, да всё как было велено — поручил наделать книг великое множество и всё без утайки в аккурат написать.

Трудились слуги его денно и ночью. И не прошло много времени, как разошлись те знания средь Земель урских. Всяк, кто желал, мог получить книгу ту.

Были такие, что не стремились к знаниям духовным и супротив Морей выступали завсегда. Один из уров был у них за главного — звали его Шен.

Затаил он злобу на князя урского, ведь когда-то дед его был князем во времена далёкие, и это означало, что гость незваный, Морей, занял его место.

Собрал он людей верных вокруг себя и стали они думать-гадать, как известить князя со свету.

На Буян, тем часом, прибыли гости дорогие — Ерем да Всела. Решили жить-поживать в тереме Леля.

Объявил Ерем по всему острову, что всяк, кто хворый али знаний светлых изыскивает, может смело в терем захаживать, и будет любой путник забредший благославлен. Всела, в свою очередь, знала секреты отваров трав разных.

С радостью Ория приняла их. Были эти люди близки ей по душе. Всякий раз, коли сомнения её мучили в решении важном, — приходила она к ним за советом. И так длилось три срока малых, пока не пришло время Киру пробуждаться от сна глубокого.

Собрались люди в Белозёрье на совет, Яром созванный. Лишь мудрецы и их ученики на том вече присутствовали.

Обратился Яр ко всем с просьбою — коли придётся ему покинуть твердь земную, надобно сыскать ему замену достойную.

То была задача не из лёгких. Призадумались старцы и взоры свои к ученикам обратили.

Чтобы найти человека, Яру подобного, придётся им искать среди всех народов во Мирград-Земле, не останавливаться лишь на арийском племени — на том Яр настаивал, и был в том смысл великий.

Начались времена тёмные во землях урских. Знал об этом Яр, и Ерем ведал, когда книгу железную Морею давал. Чуюл и Морей что-то неладное.

Шен с сотоварищами перестали почёт и уважение выражать перед князем урским. Заселили они одну из Земель, урами ранее захваченную, и объявил Шен себя князем новым истым — мол, Морей не урских кровей, и народ, что прилетел во птице огненной — не чета урам могучим.

Были такие, что охотно поверили Шену и всячески пытались унижить и оскорбить племя с острова малого, не ведая о том, что то были предки ихние.

Морей решил не выказывать агрессии и злобы, лишь наблюдал за собратями своими неразумными.

Было всё ж много уров, что к свету знания стремились — помогла в том книга железная и её точные оттиски в количестве великом, что были разосланы во все концы земель урских и земель, подвластных князю Морею.

На Буяне все готовились к пробуждению князя Кира. Прошло три срока малых и вот, в назначенный час, широко открыл он свои очи и пробудился от сна крепкого.

Да Ерем так хитро всё сотворил, что не нашлось более места для зла в сердце у Кира — помнил он лишь вещи добрые; и поступки свои, злом навеянные, больше не приходили на ум.

Сразу узнал он Орию, супругу свою новую, и был рад ей безмерно. Она тоже в нём души не чаяла. Так и зажили они счастливо, и Буян узнал нового князя Кира, что прославился своей добротой и снисходительностью даже к самым отпетым разбойникам.

На совете в Белозёрье, хоть и собрались люди мудрые, но всё не шло на лад у них — в срок малый должны были, во чтобы-то ни стало, найти князя нового. Яр на том настаивал, да не сказал всем, что было у него в мыслях нарушить клятву, Лунному Роду данную.

Пролили немало крови опричники Шена в землях урских. И не жалел брат брата — с огнём и мечём вели войну меж двух сторон.

Понял тогда Морей смысл книги железной и был то его час показать подданным своим истинное лицо.

Шли так годы длинные и раздор всё не прекращался. Были разделены земли урские на две половины. И перестали уж купцы из мест дальних захаживать в те Землюшки. Пришли в уныние все владения Морею подвластные.

Теплилась всё ж надежда в сердцах тех, кому довелось книгу железную прочесть.

На Мирград-Земле и на Раде-луне всё пребывало в спокойствии. Долго решая, кто станет вместо Яра во землях арийских на вотчину, нашли людей из мест разных — мудрецов, и кто знания светлые мог во благо людей пользоваться.

Собралось народу три сотни — все мерялись меж собой силою, знаниями светлыми и волю пытали. Были среди них и люди с земель отличных. Денно и ночью все они испытания проходили при честном народе.

Через некоторое время, выдержав все тяготы условий поставленных, осталось восемь человек.

Яр смотрел на всё со стороны и диву давался, каких людей взрастила Мирград-Земля. И гордость за проделанный труд наполняла душу его.

Посреди площади стоял помост, всё тот же, на котором бои кулачные проходили. Но в этот раз служил он службу для испытаний. Вокруг него кольцом уселись все мудрецы Белозёрские. И были там из других народов выходцы в числе малом.

Площадь кишела людьми. Тысячи глаз смотрели на восемь фигур. Каждый испытывал симпатию к кому-то из них. В этот раз соревновались в искусстве красноречия.

Сидел Ерем подле моря-океана и с грустью смотрел на плескавшиеся волны, которые разбивались о причал. Хотелось ему хоть одним глазком взглянуть на состязание, да была ему туда дорога заказана.

Почуяли грусть его печаль Лель с Мером и решили помочь. Дали ему силушку, которая помогла обернуться серым соколом. Да ежели знающий человек глянет на него, то ни за что не отгадает, что то Ерем в этом облике укрылся.

Поблагодарил он сердечно своих друзей, зажмурил глаза, взмахнул крыльями и вмиг очутился в Белозёрье, на площади подле помоста. Сел на деревце, что росло неподалёку, и зорко всматривался в лица людей, стоявших в окружении толпы.

Никто не заподозрил неладное. Только Яр, ухмыльнувшись в бороду, понял, в чем тут дело, да не стал сына выдавать.

Из восьмерых смельчаков каждый успел уж своё красноречие продемонстрировать перед людом и мудрецами.

Совещались старцы, и люди выкрикивали слова да поддерживали своих любимцев. Решено было отпустить троих и оставить пятерых — что ж, соревнование было не из легких.

Трое, что должны уйти были, приняли решение совета и удалились, ничуть не изменившись в лицах. Были они все мудры и храбры, и знали, что победит сильнейший, поэтому не оставалось места для печали о поражении в их сердцах. Как ни в чем не бывало, уселись они в первых рядах и стали наблюдать за продолжением.

Все пятеро ожидали следующего задания.

Одного из них звали Один. То был сын одного из мудрецов белозёрских. Тот мудрец намеренно не сидел со своими

собратьями, а со стороны наблюдал за сыном и всячески желал ему победы.

Другой был Релин, брат воительницы из племени чёрного, что пришел, Яром ведомый, из земель дальних.

Третьей стояла на помосте Сура. То была одна из мудрейших женщин во племени красном, что, не так давно впервые посетила земли арийские.

Четвёртым был Перун. Воспитывался он мудрецами белозёрскими и родители его были неизвестны. Нашли его совсем младенцем посреде неба бескрайнего тёмного во чреве одной из колесниц огненных. Приютили ребенка, и стал он познавать науки с усердием. Было в нём храброе сердце — немало добрых дел он сотворил и немало людей спас от гибели во времена смутные на Мирград-Земле.

Последним среди всех был Семаргл — сын воина из племени асов светлых. Ещё в детстве пожелал он изучать знания светлые и стремился к тому день за днем, пока не попал в Белозёрье.

Посоветовавшись, мудрецы объявили следующее задание для испытуемых. То была простая на первый взгляд задача. Нужно было, взявшись за руки всем пятерым, силой мысли предмет условленный явить в середину круга. Предметом была книга железная, что находилась за семью печатями в месте, никому неведомом. Усилия были для действия этого невероятные приложены.

Взявшись за руки, пятеро, с виду не делая никаких движений, всю волю свою направили на решение той задачи — через время, мудрецами данное в аккурат, появилась книга железная посреде круга.

Испытуемые вздохнули с облегчением, но лишь один из них пошатнулся и упал без сил от напряги невероятной — то был брат воительницы из племени чёрного.

Поднесли к нему чарку с живой водой и лицо окропили. Пришел он в себя да понял, что проиграл. Не огорчился ничуть, лишь улыбнулся и пожелал друзьям своим новым удачи в поединке.

Решили передых сделать небольшой и отпустили всех четверых на покой. Да ко сроку назначенному велели явиться.

Прошел день, и собрались снова люди добрые и мудрецы, да четверо вновь встали на помосте, ожидая, что им было уготовано.

Яр успел уж обмолвиться словом с сыном своим Еремом и велел ему оставаться подле площади да ждать назначенного часа — хотел он сделать его подмогой в испытании главном.

Один, Сура, Семаргл и Перун отчасти знали, что их ожидает, так как дух светлый наполнял их, и мысли могли они видеть человеческие, и будущность предсказывать.

Велели мудрецы белозёрские разделиться им на пары — Сура с Одним и Перун с Семарглом. Да задание было не из простых — нужно было преодолеть преграды мысли своего противника и заставить его повиноваться своей воле.

Соревнование началось и все четверо уселись на помост. Каждый смотрел на своего противника, и вместо того, как это нынче делают волхвы — размахивая руками, испытуемые даже не двигались с места. Всё происходило во мыслях ихних.

Один стал было одолевать Суру. Знаком победы должно было стать, ежели один из соревнующихся заставит другого встать и сойти с помоста, помимо его воли.

Приподнялась Сура и стала двигаться ко ступеням, что с помоста сводили. Да вдруг, в миг единый повернулась спиной к Одину и глаза зажмурила. Прошептала что-то — Один вострепнулся и повалился вниз, да скатился на землю. Девушка расправила волосы и, глубоко вздохнув, прилегла в стороне на краю помоста, переводя дыхание — дюже запыхалась.

Семаргл с Перуном долго пытались что-то сделать, да никак у них не выходило — слишком сильной была воля у обоих. Порешили вместе сойти вниз в знак дружбы.

Народ, что глазел на зрелище, затих в недоумении, и мудрецы лишь пожимали плечами.

Отец Одина, что наблюдал за всем со стороны, пригорюнился. Жаль ему стало сына, да виду не показал. Тот вёл себя достойно и признал победу Суры.

Решили, что Семаргл с Перуном должны пройти еще одно испытание, и Сура приставлена будет к ним, как победившая в поединке.

Думали-гадали, как да в каком свете представить новую задачу для троицы. Всё не складывалось и не шло на ум задание.

Тут Яр предложил свою, с подвохом, головоломку. Вытянул руку перед собой и тотчас сокол серый сел на неё. Велел всем троим рассказать поочередно, какая связь меж ним и птицей той. Дал сроку подумать до завтра, а птицу в клетку усадил и накрыл парчой алой, да велел всем расходиться.

В то самое время, на острове Буяне во тереме Леля, Всела уж заждалась своего супруга. Время она коротала, помогая людям добрым в излечении, кто хворый был, и наставляла девчат и парубков в ведении жизни семейной, да поучала всех, кто желал, как избавиться от невзгод и как прожить жизнь долго и счастливо.

Приходили люди, внимали речам её, и каждый находил что-то для себя.

Ория княжна и князь Кир часто заживали да любили беседы длинные вести с ней о бренности жизни мирской.

Перед тем, как прийти на площадь ко сроку назначенному, пошёл Яр на хитрость — обратился сам сизым соколом, а сына своего, Ерема, собой обернул, таким уж и предстал перед испытываемыми.

Первым получил слово Семаргл. Долго смотрел он на Ерема, в облике Яра стоявшего, да на птицу, что выпустили из клетки — та сидела смирно и смотрела в глаза, будто сказать что-то пыталась. Почуял Семаргл связь кровную птицы той и Яра да указал на неё, и предположил, что то часть сути Яра приняла сокола обличие.

Ответ был достойным, но всё ж не заметил подмены Семаргл.

Пришёл черёд Суры сказывать, что за птица сокол, и что Яр общего имеет с ней.

Присмотрелась она хорошенько да руку вытянула — сокол вспорхнул чуть было да присел у неё на рукаве. Тут и ответ сам пришёл — решила она, что сокол тот кто-то по крови близкий Яру, да сказала мол, что давно друг друга не видели родичи.

То была правда, да всё ж не заметила Сура, что местами были Яр с Еремом поменяны.

Вызвали третьего героя.

Перун ступил на помост. Взглянув на птицу, ей поклонился и поприветствовал Яра. На Ерема же, что обличие Яра принял, взглянул искоса — всё понял, да не обронил ни слова.

Ведал Яр, что Перун признал сына его, да не стал пред мудрецами и честным народом того объявлять. Обернулся вновь самим собой, а Ерема в иглу обратил да заколол её себе за рукав кафтана.

Стали тут старцы седовласые совет держать, кому становиться на вотчину. Долго судили-рядили.

Яр же пожелал слово сказать. Стал супротив троих, в глаза их взглянул, затем вытащил иглу из рукава да на одежи Перуна приколол.

Подумали все, что тот будет избранником. Начали было поздравления глаголить, да Яр прервал их.

Дал пояс свой Семарглу. Да посох деревянный, железом окованный, вручил Суре. И провозгласил всех троих ему надёжной сменой.

Было то решение необычное. И были те из мудрецов, что воспротивились, да никто не осмелился оспорить его. Люд, что глазел на всё, выкрикивал приветствия троиче.

В Белозёрье в те поры ночь длинная наступала. И занялось небо радугой от края до края, словно выражая свои хвалы новым правителям земли арийской.

Перед тем, как удалиться во хоромы свои светлые, призвал Яр Одина и завёл с ним беседу длинную. Просил быть всем троим надёжей и опорой и велел в три дня собраться, и весть разнести из уст в уста всем прочим князьям на Мир-град-Земле, да приглядывать там за порядком. И опосля поселиться в землях ирийских. Да всяк, кто придет с просьбой али с

жалобой — помогать тому по мере сил своих.

Знал Яр, что наступили времена светлые, но недолог будет их час, так как ничто не длится вечно.

Чуть погодя, когда разошлись все и огни погасли, ночь длинная прохладой своею окутала Бело-Озеро.

Попрощавшись мысленно со всем и вся, Яр направился осуществлять планы свои. Протянув руки к книге с тремя углами, он призадумался.

Князь Морей в землях далёких затеял войну длинную с Шеном, и не было видно той войне ни конца, ни края. Не жалели они ни друг друга, ни слуг своих, ни опричников. Так продолжалось время длинное.

Всё ж Яр, давным-давно семя души своей в одном из уров, наиболее к Морею близкого, оставил и смотрел за всем, и не желал дух свой отзывать во владения души своей.

Вспомнил об этом Яр, когда в очередной раз в залу зашёл. Имел он мысли светлые, а потому, не мешкая, шагнул на тёмную сторону комнаты и взял камушек цвета белого. Повертел его на ладони, прошептал себе руны огня, воды, ветра, да назад во хоромы, во землю арийскую, воротился.

Почуяли родичи его лунные, что не чисто дело, да послали к нему одного из своих воинов в обличии человечьем.

Жил тот воин когда-то на Мирград-Земле, да провинился перед Родом Лунным и теперь был у него на посылках. И коли было велено — исполнял волю ему данную. То было его наказание. Звали его Зев.

Предстал он перед Яром, держа в руках меч огненный. Предложил ему отдать камень, вернув его на место. Но Яр, не внемля его просьбе, лишь усмехнулся.

Настало время силушкой померяться с посланником Рода Лунного. Решил принять Яр вызов — кто победит, тот и будет камнем владеть, и сделает с ним, что заблагорассудится. На том и порешили.

Зажмурив глаза, оба очутились во чистом поле^[94] — травы да цветы росли вокруг.

Достал Яр из-за пояса то ли щепку, то ли деревяхи кусок сухой. Прошептал что-то, и в руках у него оказалось древко с наконечником булатным, что сиял, словно радуга во небе.

Зев немедля бросился с огненным мечём наперевес, но Яр отражал его удары древком, будто было оно не из дерева, а из железа сковано.

Бились они время долгое. Успел Зев поранить Яра, так как была в нём сила великая, и, словно молния, меч разил и жёг траву вокруг них.

Не желал Яр зла своему противнику и посему, протянув руку в сторону, схватился за рукоять копья и, очертя круг подле себя, ступил в него, поразжал ладонь и показал Зеву камень. Затем сжал, что было силы в кулак так, что вода полилась из камня, и, прочитав над кругом три руны огня, занялся весь ярким пламенем и тотчас исчез, развеяв пыль за собой на много вёрст.

В том был смысл великий — душа его, как и у Кожана, раскололась на множество частиц малых и проникла во всё и вся на Мирград-Земле.

Понял Зев, что провёл его Яр, да ничего не попишешь — не с кого спросить. Пустился в путь обратный на луну, что Луной называется — перед родом своим ответ держать.

Прошло время малое с тех пор, как рассеялась душа Яра среди людей. Никто не знал, что произошло. Лишь Ерему было ведомо, поскольку поделился с ним Яр своим планом, что решил осуществить незадолго до битвы с Зевом, на площади, когда передавал иглу Перуну.

Перун был человек одарённый и сердцем понял, что то не простая игла. После празднеств всех отправился он на гору высокую, на вершину снежную — одну из тех, что разделяла земли арийские со всей Мирград-Землёй.

Достав из одёж своих иглу, положил он бережно её на снег — тот начал таять. И увидел он, чего доселе не видывал — из-под снега проступала зелёная трава да цветы.

Подивясь тому, прошептал он слова заветные, велев, коли живая душа есть в той игле — пусть тотчас примет облик свой.

Ерем не стал играть дальше с Перуном да явился ему.

Знал правитель новый, что не велено быть сыну Яра в землях белозёрских, да всё ж решил выслушать его и не стал противиться его присутствию.

Рассказал Ерем про Яра и про то, что произошло. Перун смелости Яровой позавидовал.

Стояла ночь длинная над землёй арийской. Сидели двое на вершине горы. Разведя огонь, толковали о делах, что предстоит вершить.

Объяснил Ерем Перуну, что нынче, вместе с душой Яра, каждый живущий на Земле, будь то человек али тварь — может силой его воспользоваться. То сделано было в противовес тёмной душе Кожана, которую он, Ерем, недоглядел.

Да что было, то дело прошлое. Решили сообща творить добро и людям дорогу указывать. Да тех, что силу во зло обращают — усмирять.

Кликнул Перун Суру, Семаргла и Одина. Сошлись они все во едином решении да клятву дали у огня. Опосля, все пятеро разошлись в разные части света да искали людей, светом обременённых, дабы помочь прижившуюся душу Яра уберечь.

Ерем отправился на Буян, где всё по-прежнему было ладно, и ничто не омрачало будущности.

Один, как ему и было велено, поселился во землях ирийских. А трое — Семаргл, Сура и Перун испытывали судьбу в краях чужих, подвергая себя опасностям во благо Мирград-Земли. Но о том сказ другой.

Так шли годы длинные. Знания светлые передавались от отца к сыну. Ничто не омрачало жизнь людей на Мирград-Земле.

В один из дней народился у Одина сын.

Звали его Аркон. Во всём он на отца походил и, как подросток, пытался ему подражать в делах его.

Люди разные заживали к Одину во владения. Имел он терем наподобие того, что у Леля был когда-то на Буяне. И все — и стар, и млад — просили его помочь в делах разных.

Прослыл он человеком мудрым и рассудительным. Шли

не только на излечение к нему, но и за советом. Видел всё это сын его да на ус мотал.

Частенько заживали и правители страны арийской к Одину. И он не раз в Белозёрье наведывался.

Жили все на Мирград-Земле в те времена в покое, радости и счастье.

Меж тем были и люди, что Кожану поклонялись и считали, что был тот праведником. И число их росло помалу.

Собирались они вместе на вечера да всё хотели власти во Мирград-Земле да жестоких порядков — то семя, Кожаном брошенное, начинало давать свои плоды тёмные.

Не гнушались они и силой светлой, пытаясь использовать её во зло. Тому душа Яра противилась, *возвращая им назад их замыслы тёмные, оборачивая супротив них же*^[95]. Но могло занять это время длинное — иногда не одну жизнь человеческую.

Жили те люди днём сегодняшним и не заботились о делах будущности. Писали книги разные да пытались промеж людей смуту посеять, грозя одром смертным и выдумывая небылицы.

Первым заметил тех людей Ерем. Как-то, сидя у себя во хоромах светлых, услышал он за оконцем лай собак. Звери, что жили подле терема, завсегда с радостью встречали гостей здесь.

Трое в плащах чёрных, окутывавших тела от шей до пят, да с посохами причудливых тварей с оскалом диким, приближались к его дому.

Собаки заголосили наперебой, не приемля людей тёмных.

Всё ж вышел Ерем на крыльцо да угомонил псов. Решил узнать, что за гости такие и откуда пожаловали. Завёл с ними беседу.

Оказалось, что жили они на другом краю острова Буяна, в городе, под названием Рия. То был вначале посёлок малый из хижин рыбаков и ремесленников. Но через срок народились дети у них и у детей потомство появилось. Вот те самые люди и пришли к Ерему речь вести об учении тёмном.

Не прогнал их сын Яра, решил выслушать до конца. Не было зла в их взглядах — верили они искренне в то, что говорили, и протянули ему на прощание книгу, вырезанную из дерева. То была колдунов чёрных летопись, что учению света противились, обращая жизнь в кошмар.

Развернувшись, ушли они восвояси.

Долго Ерем просматривал ту книгу, всё ж решил совета спросить у друзей своих старших — Леля и Мера. Призвал их. На то явились они в облике одного старца да поочерёдно говорили его устами, отвечая на вопросы.

Один сидел в саду ирийском и играл со своим сыном, который рос не по дням, а по часам. Был Аркон всегда весел, и было ему тогда десять сроков малых отроду.

Точно знал он своё предназначение и во снах ему являлись образы стройные будущности. И

стояли перед глазами картины бед и беспорядков, что грядут в Мирг-рад-Земле.

Не боялся он ничего, только у отца спрашивал, как быть ему, чтоб не растерять силушку света.

Старик, что вмещал в себя души Леля и Мера, выслушал внимательно Ерема, повертел в руках своих книгу из дерева вытесанную да решил остаться в этом облике и в тереме проживать месте с Вселой и Еремом до поры.

Наступали времена лютые. И их предчувствие как бы надвисло в воздухе. Нельзя было ощутить али потрогать его, но многие люди знали наверняка, что грядут беспорядки.

Старик расположился под крышей на самом верху. Были очень дружны Мер с Лелем и могли запросто разделять одно тело, что редко случалось даже меж самыми близкими людьми.

В один из дней Один направился в стан купцов, что урам раньше служили, припасти провизии и прихватил с собой Аркона.

Добрались они в место то отдалённое средь холмов зелёных довольно быстро. Одину было не впервой в те места захаживать. То был целый град стенами высокими обнесённый. Жили там купцы да ремесленники, да люди, что землю возделывали. И растили снесь всякую во садах да огородах.

Посредь града того раскинулся кишаций людьми ярморочный стан. То был день, в который торги проходили.

Имел Один одну вещицу диковинную, что досталась ему от отца, а тому от деда. То была сума на вид размеров небольших, но вместить в себя могла немеряное количество вещей и снеди разной.

Знали торговцы Одина и с охотой пред ним выкладывали самые лучшие товары, так как всегда платил он сполна, не скупясь и не торгуясь.

Сын Аркон подле него, словно хвост приросший, ходил да внимал каждому слову, отцом сказанному.

Посредь ярмарки стоял помост деревянный — то были бои кулачные, наподобие тех, что в Белозёрье проводились. Бойцы народ потешали, да не *заздорово живёшь*^[96], а зрители золотые монеты и каменя отдавали одному старцу — тот всё записывал, и коли побеждал тот, на кого поставили, получал игрок вдвое больше.

Попросил Аркон отца поглазеть на зрелище, уж больно было ему интересно — доселе не видывал он подобных боёв. В землях Ирийских, где он проживал, не проводили подобных турниров; но всё ж Аркон хоть и был молод — изучал *удаль молодецкую*^[97] и мог сразиться на равных со зрелым воином.

Вот приостановились они у края помоста. Всё, что необходимо, уж сложили в суму. Вышли двое и принялись состязаться друг с другом.

Зрители не пытались сдерживать крики и вопли. Шум стоял неопикуемый вокруг. Один из бойцов, цвета кожи жёлтого, бился супротив чёрнокожего воина.

Глядел на всё это Аркон с неподдельным интересом и блеском в тёмно-зелёных глазах. Знал о его пристрастии Один и решил позволить ему испытать себя в качестве бойца.

Вот собрался старик, что в себя вмещал души Мера и Лела в путь-дорожку. Перенёс все вещицы диковинные, что были в доме Ерему и Лелю в дар принесены от людей, завернул их в суму да сверху прикрыл цвета черного твёрдым колпаком, да крышку плотно закрыл.

Уговорились они, что надлежит старику тому идти людей тёмных на путь истинный наставлять.

Не прошло и время долгого, как очутился Мер с Лелем на Раде-луне. Был нужен ему один из сынов, что народились у Яра друзей закадычных.

Парубка, которого они искали, звали Шиб. Не мудрено было найти его — был Шиб на вотчину народом всей Рады-луны поставлен.

Промелькнула радость во взоре его, когда узнал, кем был тот старец — предложил отдохнуть с дорожки. Да Мер с Лелем поспешали дюже — хотели сотворить для всех людей благое дело. И обратились к Шибу с такой просьбой.

Криками провозглашая победителя жёлтокожего воина, что был вхож к князю Леко в дом, толпа ждала следующего храбреца.

Переведя дух, витязь, князем Леко посланный, быстро восстановил силы и стоял уж, поджидая очередного бойца.

Тут нежданно-негаданно Аркон вышел на помост и, твёрдо встав, зорко вглядывался в карие глаза жёлтого воина.

Посчитав за оскорбление, Эдо, так звали придворного князя жёлтого, не желал принимать бой с ещё не подростком мальчиком и не хотел причинять ему боли. Но отказавшись, он тут же терпел поражение, тем более, что мальчик настойчиво требовал поединка.

Эдо был не очень высокого роста, но коренастый и широко раздавался в плечах, что было не типично для жёлтой расы. Мать его была наполовину из народа асов. Но раскосые глаза выдавали в нём родное племя.

Схватка началась после того, как зрители сделали свои ставки. Было не с руки хитрым и изворотливым купцам проигрывать, и все поставили на Эдо, зная, что глупый выскочка должен проиграть в первые минуты.

Аркон изучал искусство боя с малолетства, и не было страха в его глазах, лишь равнодушие к происходящему.

Это цепляло жёлтого воина за живое. Попытавшись нанести несколько ударов в грудь мальчика, Эдо почувствовал, что кулаки его будто проваливаются в пустоту, и сильно усталость обрушивается с каждым проделанным движением тела.

Аркон очень быстро двигался по помосту и будто не дышал вовсе.

Замелькали блики в глазах Эдо и мальчик, выйдя откуда-то у него из-за спины, двумя пальцами аккуратно надавил чуть выше ключицы, справа у основания шеи — жёлтый витязь застыл в ужасной гримасе, словно невидимая сила держала его изнутри за нервы.

Молодой боец, не торопясь, смерил взглядом Эдо и, подставив левую ногу позади его сапога, размахнулся да наотмашь ударил взрослого воина по левой щеке.

Жёлтокожему бойцу хотелось выть от боли, но едва ли он мог произнести слово. Лёжа на помосте и смотря замороженным взглядом, старший воин, один из лучших бойцов князя жёлтого Леко, был повержен едва успевшим подрасти юношей, которому было чуть больше десяти сроков малых отроду.

Это был конец схватки. Тишина вдруг окутала всю толпу. Явно расстроившись, зрители, из-за потери злата и камней, затаили дыхание.

Аркон подошёл к казначею и тот выдал ему увесистый кошель с его частью выигрыша. Один подхватил у мальчика злато и забрал часть, которую он поставил. Оставшуюся половину мешка разбросал посреди площади.

Ведомые алчностью игроки набросились на добычу.

Выслушал Шиб старика да согласился помочь делу светлому. Повелел он своим слугам принести дерево, что только на Раде-луне росло, да смастерить из него посох.

Было то деревце крепости необычайной, словно железом окованное, и имело ещё одну диковину: коли не по силам было разломить что посохом таким — прорастали ветви сквозь преграду и крушили всё на пути своём.

Люди на Раде-луне были мирные и не пытались оружие мастерить, но всё ж было дюже нужно Меру с Лелем угодить — вот Шиб и подсобил им.

Когда посох был готов, повертел его старик в руках, поблагодарил помощника своего, стукнул о землю посохом да исчез с глаз долой.

Очутился через некоторое время подле Одина с Арконом посреди ярмарки.

Придя в себя жёлтый воин Эдо кликнул своих друзей- товарищей, которых было больше двух десятков, и велел схватить мальчишку.

Один было решил вступиться, да старик остановил его — то было для Аркона испытание важное.

Вручил Лель с Мером ему посох из дерева лунного и, погладив по голове, велел защищать себя от лихих людей.

Воины все были подтянуты и гурьбой бросились на парня.

Посох пришёлся кстати. Чуть размахивая им, Аркон пробивал себе дорогу вперёд.

На Буяне в то время ничто не предвещало беду. Всела с Еремом гостили у князя Кира и наслаждались дивным пением птиц, сидя в саду.

Вдруг ворота в хоромы княжеские распахнулись с неистовой силою, и могучий ветер, обрывающий плоды с деревьев, обрушился на всю челядь княжескую и слуг.

Ерем ведал, что то проделки людей душой нечистых, что он давеча встречал подле своего дома, — не мог никак в голову взять, где они хоронятся.

То был ветер, всё разрушающий на пути своём, одним из тех людей вызванный. Имя его было Товер.

Товер был сыном простого рыбака и силой богатырскою не отличался в юности. Однажды, собирая сети, расставленные его отцом, он нашёл сосуд глиняный, весь увешанный водорослями и тиною морской.

Тепло от руки старика придало уверенности Аркону, он будто почувствовал силу того посоха деревянного. Да эго чудно было дело — дерево то не умирало, когда его из земли выкорчёвывали. Посох жил внутри своею жизнью и мог повиноваться лишь человеку дюжему и в науке боя умудрённому.

Два десятка воинов пытались схватить отрока, а тот, не принимая никаких усилий, проходил меж ними и, касаясь их кончиками дровца с обеих сторон, валил на землю; и те лежали в забытьи, будто зачарованные.

Надоело смотреть на это витязю Эдо. Выхватил он из-за пояса рукоять света тёмного и направил на мальчика.

Тут дрогнула рука Эдо. Старик, что вмещал в себя души Леля и Мера, смотрел на него исподлобья суровым взором. Через минуту всё было кончено — рукоять орудия смертоносного прахом пошла, в песчаную пыль обратилась, будто её и не было.

Не любил проигрывать жёлтый воин и, проиграв дважды в тот день, понял, что кто-то помогает отроку да усмирится, уйдя прочь.

Вернув в свои руки посох, старик шепнул ему что-то — лежавшие на земле бойцы ожили и лениво побрели за своим хозяином.

Один признал в старике души родственные и глубокий поклон отвесил. Мальчик повторил сие, и все трое направились к выходу с ярмарки.

Далеко от тех мест, в землях урских, уже который год шла война.

Призвал Морей к себе предсказателей из народов разных, что ему служили. Одна из предсказательниц, звали её Мизида, была родом с Мирград-Земли. Привезли её родители в младенчестве на птице огненной, и могла видеть она будущность картинами яркими и всегда предвещала события грядущие.

Другие предсказатели пытались угодить своему господину и даже если видели что неладное — на обман шли, и слова лести лились речами стройными из ихних уст.

Мизида попросила Морей уединиться с ней и, взглянув на образ его со стороны, напорочила погибель скорую и вероломное смертоубийство от людей, ему преданных.

Не поверил речам её Морей, но засеяла она семя раздора в душе его. Распустил он предсказателей по домам; сам же не мог ни спать, ни пить, ни есть — всё думал о словах, Мизидой сказанных.

На третий день велел позвать её к себе. решил подмоги у предсказательницы просить, как перехитрить судьбу лихую.

Повертел Товер в руках сосуд глиняный да откупорил крышку. Было то в лета те давние, когда Кожан жив был ещё. Предвидел он погибель свою скорую и бросил тот кувшин в море-океан, да знал, что придет день, и найдет часть души его пристанище в теле новом. Не будет по силе равна она ему, но будет неустанно развивать себя и сеять зло в душах близких людей. Так и произошло.

Ничего не почуяв, потерял интерес всякий Товер к предмету этому пустому, как казалось. Тем часом, душа темная прижилась и затаилась до поры. А после смерти Кожана Товер, сам того не подозревая, притянул большую часть души его, на много кусочков расколотую. И многие, кто жил в том посёлке, устремились к знаниям тёмным и свято верили, что делают добро.

Так, преобразившись и развившись мал-помалу, Товер стал послушником Кожана, не подозревая об этом. И люди близкие ему, родня и дети ремесленников да рыбаков, слепо следовали за ним.

Получив также силу души Яра чуть позже, стал он творить дела лихие — то в соседнем посёлке порчу найдет на сады, то волны поднимет до неба да жильё людей затопит.

Беспутно лиходействовал он, пока не явился к нему Кожан во сне да велел на Буяне палаты князя разрушить ураганом-ветром сильным. Ведомый Кожаном, Товер отправился во владения Кира.

Почуял Ерем неладное да прикрыл себя с Вселой, да Кира с супругой и нескольких слуг, что были неподалеку, щитом силы светлой. Да держал его что было сил.

Ураган с ветром шквальным разрушил всё подчистую. И на месте города, через время малое, остались одни развалины. Только две статуи из золота чистого продолжали стоять, так как были они творением Леля и Мера.

Прознали правители арийские про деяния Товера на Буяне, да он уж схоронился — не сыскать его. Стали думать-гадать, как изловить злодея.

Один с Арконом да старик, что вмещал души Леля и Мера, весточку получили дурную.

Тут старик шепнул что-то Одину. Тот, немного помедля, кивнул головой в знак согласия.

Взял тогда Мер с Лелем парнишку, подхватил его левой рукой, посох зажал в правой да в мгновение ока очутился на острове Буяне подле терема золочёного, что остался стоять нетронутым и буря обошла его стороной. Тут уж поджидали их Ерем с Киrom и с супругой.

За много вёрст от тех мест Морей прибывал в смятении — ждал помощи от Мизиды.

Та долго созерцала образ его да пришла к решению, что должен Морей, чтобы жизнь свою сохранить да дело светлое, добровольно отдать княжество своё в руки противников, прекратить войну жестокою, да уединится, развивая в себе знания светлые, и ждать времён лучших. Не поверил словам её Морей — речи, что вела она, оскорбляли его княжеское достоинство. Знал всё ж, что Мизида была очень сильна в своих предсказаниях и, ничего ей не ответив, удалился на покой поразмыслить над сказанным, да велел приходить ей поутру.

Пробыл ночь всю Морей в раздумьях. Решил поутру отправиться на Землюшку малую во птице огненной с урами ему близкими и Мизиду позвал с собой. Да последний указ велел разослать весточками по всей его огромной державе: что, мол, отрекается он от титула княжеского и предоставляет на волю случая, кому опосля княжить, да не желает вражды.

Предложил он народу с острова малого за ним следовать — многие так и поступили.

Был путь неблизок в те края, поскольку простирались владения урские *во тёмном и светлом небе*^[98] на расстояния великие. Оставил он за собой право владеть одной из Землюшек — Ида-Земля было имя её.

Прислушались люди и уры, что жили в морейских владениях, и остановили войну жестокою, да воцарился мир во краях тех.

Посредь острова Буяна, в землях никем неизведанных, посреди леса дремучего, стояла гора; да под горой в подземелье укрылся То-вер со своими опричниками. Знал, что ищут его и помышлял перебраться в земли ирийские да в рабов обратить людей, что жили там, и создать там своё княжество тёмное.

Успел обучиться Товер хитростям разным из светлых и тёмных знаний. Мог во вред земле-матушке ветром и дождём, и ураганом повелевать, и бескрайние просторы моря синего мог волновать, да не ведал многого ещё всё ж.

Старец, что вмещал Мера и Леля, собрал всех в тереме подле стола каменного.

Уселись присутствующие в ложа и стали совет держать. Были там Ерем и Кир с супругами. Сура, Перун и Семаргл сидели на другом краю стола. И в стороне, внимая всему сказанному, оперевшись на посох из дерева лунного, сидел мальчишка Аркон.

Знали Мер с Лелем, как изловить Товера, да ведали, что одолев его на поле брани, не победить силу тёмную, ибо приспешники его уж развили в себе силушку и могли хоть через время долгое, но последовать его примеру. Требовалось решить всё с хитростью и с выгодой для Мирград-Земли и людей добрых.

Правители Белозёрья, посоветовавшись, решили позвать Одина на совет — творил он добро и хоть и не был одним из них, да всё ж заслужил внимания к речам своим. Отправили Аркона, чтоб привёз своего отца.

Разослали гонцы вести славные по всему княжеству морейскому.

Шен был поставлен князем новым, и хоть было то сделано, уры и люди многие его недолюбливали — очень уж свыклись с Морья правлением и были благодарны ему за книгу железную, да то дело было прошлое.

Теперече Морей на Землюшке малой поселился да не желал власти более, а уединялся, предаваясь изучению знаний.

На Мирград-Земле Аркон отправился в путь дорожку, да не глядел он позади себя и не смотрел наперёд — посох, что мастера на Раде-луне для него сотворили, *прокладывал ему дорогу меж Явью и Навью*^[99], и в три раза короче дорога казалась. Да не было преград ни на море, ни на суше, ни в горах высоких, ни в долинах раскидистых.

Добрался парубок до земель ирийских за время малое, предстал перед отцом своим да в аккурат передал слова Мера и Леля — ухмыльнулся Один и решил последовать за сыном на остров Буян.

Хранился с времён давних у Одина плащ — вещица диковинная. Обернувшись им два раза да прошепча три слова заветных, мог любой человек тотчас очутиться в месте, в котором пожелает.

Был тот плащ соткан на Оре-Земле во времена давние народом, что отличался от рода человеческого, но по силе света не уступал ему, а где-то даже превосходил. Были люди того народа в десять раз меньше роста человеческого и прекрасно жили в ладу с природой и повелевали её стихиями. И многому арийцы научились от них.

Когда-то давно, нашли племена эти на Оре-Земле прибежище. Землюшка их малая перестала уж кормить их, и спасение они искали в Землях неизведанных.

Многие вещицы диковинные брали своё начало на Оре-Земле, сотворённые этими существами, но о том сказ другой.

Обернулись Один с Арконом плащом чудесным и, в мгновение ока, предстали перед теремом Леля. Все уж были в сборе.

В подземелье тёмном сидючи, Товер мыслил, как передать знания тёмные людям, и был его замысел подстать мыслям Кожана — стал он кощеём и уподоблялся действиями и мыслью нутру кощеёвскому.

Стояла ночь на дворе, и луна, что Луною называется, поблескивала посреди ручья.

Товер прошептал полслова да другую половину помыслил, и душа его, отделившись от тела, направилась во чертоги Рода Лунного.

Встретили Товера, не выказывая почестей, да решили выслушать, что есть на душе у него.

Кощей просил власти на Мирград-Земле и твердил, что перевесили силы света чашу, да настала пора временам тёмным вступать в силу.

Ничего не ответил Род Лунный, лишь погода немного, отправил Товера восвояси, не став вредить душе его тёмной. Знали души бесплотные, что придёт время, и станет Товер их слугой верным да будет карать людей души, в смертных грехах провинившихся. Да теперь слишком молод дух, что теплится в нём.

Вернулся Товер в тело своё брренное да всё помнил — где был и что делал. Порешил не делиться тем виденным с сотоварищами до поры.

Усевшись в ложах, все дожидались Аркона с его отцом Одином — те зашли в залу, поклонившись всем присутствующим.

Ерем, как нынешний хозяин дома, дал слово Меру с Лелем, что во плоти старца находились.

Поведал старец, как логово кощея на острове Буяне разворошить да как отстроить город за время малое.

Тут каждый из присутствующих стал вызываться на то дело, да остановил старик всех и Аркону протянул руку.

Мальчик был крепок, да всё ж молод, и Один, отец его, переживал за сына. Да посох, что был смастерён из древа лунного, предавал ему величие, светом озаряя образ Аркона. Не пришло время ещё Товега тревожить. Потребно было обучить Аркона кое-каким хитростям, и мудрец поручил это Ерему. Кир с супругой должны были заняться отстройкой града нового.

Созвал Кир купцов ирийских с уголков разных. Пришли на подмогу люди и за время малое возвели град во сто крат краше прежнего.

Старец, что вселял в себя души Леля и Мера, растаял, будто его и не было. Вернулись они на своё место стражей двух воинов подле причала морского.

Да вот такая диковина — птицы, что в количестве огромном летали вокруг, даже близко не сажались на те статуи — чуяли силу великую. Блестели те фигуры в свете ярила восходящего каждое утро и придавали силы, глядящим на них строителям нового города.

Тех, кто сгинул, придали огню, и души их поднялись в миры тонкие, чтоб опосля, дождавшись часа своего, вновь воплотиться в потомках, родившись на свет. Дело то больно хитрое, да нынче люди позабыли обо всём — предаются утехам плотским, забывая о душе своей.

Вот всё ж не прошло и срока малого, как воссиял хоромами светлыми новый град на Буяне.

Велел Кир выкрасить избы белилами да красками разными. И весело становилось на душе у путников и купцов, что заезжали туда. Была полна златом и каменьями казна княжеская — не жалел её Кир во благо всех жителей острова.

Аркон проходил обучение мастерству тайному — образ свой сокрывать. Не зря Ерем тратил времечко — уж много успел преподать своему ученику.

Легко, без труда, давались знания Аркону — мог он уж среди толпы людей принять образ любой и скрыться от глаз чужих, коли надобно.

Решили двое других парней, что проходили обучение с ним, подшутить над другом младшим, да заместо книги железной, одной из тех, что несла в себе знания тайные, подложили ему точь-в-точь, в аккурат сделанную с оттиском, подложную скрижаль.

Знал и чувствовал Аркон о проделке ихней, и было злость затаилась в душе его; но предвидел то Ерем и наставил его на путь истинный, предложив подшутить над друзьями своими старшими в ответ.

Игра та понравилась мальчишке и он, вместо ярости, хитростью справился — да набрал ужей и гадов всяких, что вреда человеку не несли, да обернул их точь-в-точь скрижалью, которую они ему вручили.

Придя в келью, где все трое отдыхали после тяжёлого дня работы и обучения, вернул им книгу, поблагодарив, — те лишь рассмеялись в ответ да ухмыльнулись злорадной улыбкой.

Пришло время на покой идти, уж ярило село за горизонт. Скрывшись за деревьями и холмами зелёными, Мизан и Тит, так звали новых товарищей Аркона, ни о чём не подозревая, открыли книгу железную — Аркон притворился, будто уснул — тотчас змеи, ужи, да прочие гады поползли из той книги, да вовсе она исчезла.

Испугались ученики старшие — стали звать на помощь, кричать.

Присел тут на лежаке Аркон да давай смеяться над ними от всей души.

Тут в дверях предстал Ерем, взмахнул рукой — гады все обернулись голубем сизым, да выпорхнула птица та в оконце. Велел всем отходить ко сну. Предстоял назавтра тяжёлый день, да посох, что для Аркона сделан был, уж заждался своего хозяина.

Пришло время наставлять Аркона, как обращаться с вещью той, а находился тот посох подле терема.

Воткнул его Ерем в землю сыру да тот корни пустил; да ветви стали расти и листья на нём — будто дерево с виду.

Прошло чуть меньше срока малого, и когда по весне цветом занялся посох — было то знаком для Аркона начинать обучение, как владеть оружием тем древним.

Правители арийские, следуя совету Мера и Леля, отправились все в Белозёрье, да Один с ними.

Порешили сделать его четвёртым правителем да разделить землю арийскую на четыре части — каждый порядок поддерживать должен в одной из них.

Одину досталась часть острова с берегами крутыми, что скособочилась после того, как Вела-луна пропала с небосклона.

Приняли люди белозёрские с пониманием то решение да восхваляли всех четверых, что на вотчину были поставлены.

Кликнул Товер двух своих опричников, что в подземелье вместе с ним хоронились. Велел раздобыть колесницу огненную да снарядить ее в путь далекий во владения урские — надобно ему было с Шеном, новым князем, потолковать; да был интерес у него одарить того знаниями тёмными, что в обилии пребывали и пополнялись с каждым днем в образе его.

Под вечер того же дня уж вернулись слуги на колеснице огненной. Всё было собрано.

Тотчас погубил он их обоих без всякого сожаления да забрался на колесницу, и отправился в путь.

Шло время мал-помалу. Аркон уж совсем близок стал с посохом своим, словно то была душа человечья.

Брал его с собой Ерем на вершины снежные и в пучину моря, в леса дремучие да в пески пустыни знойной — захаживали они во племена разные, и юноша вызывал на бой лучших бойцов и одолевал их без усилий великих.

Так крепчало тело его и дух, и всё больше роднился он с тем посохом из дерева лунного.

В одном из селений повстречали они старца с сумой плетёной — тот странствовал, как и они, и был силен в умении мыслью чужеродной овладевать.

После короткого разговора старик попытался продемонстрировать свое умение на Ереме. Хоть и был силен, да ничего из этого не вышло путного. Но старик был не робкого десятка. Захотел с Еремом сразиться в кулачном бою. Взамен тот предложил посостязаться с Арконом.

Расплылся старец в широкой улыбке да почувал, что не простой парнишка перед ним, и погода немного, дал согласие.

Вышли они во степь широку. Держал старец посох свой в руке, что вынул из сумы плетёной, и тот с удивительной быстротой вырос с человечесий рост — была то одна из вещиц диковинных, что уры привозили на Мирград-Землю.

Аркон стоял напротив, опираясь на посох из дерева лунного, с которым уж успел сродниться.

Видел многое старик да не заметил, что за посох такой. Не ведал он о секрете его.

Посчитав, что нашёл достойного противника для своего ученика, Ерем в один миг вдруг исчез с глаз долой, да сам видел всё, сокрывшись от взоров состязающихся бойцов.

Аркон не был сорвиголова и ждал, когда старец начнёт разить его.

Взмахнув несколько раз посохом из сумы, седовласый воин резко попытался нанести колющий удар в грудь мальчишке. Было то сделано с такой быстротой, что самый острый глаз не смог бы уследить за тем движением.

Тут вот что стряслось — посох Аркона, словно верёвка, обвился вокруг вещицы диковинной старика да принял форму прежнюю опосля, вобрав в себя весь без остатка посох старца.

раскрыл старик рот от удивления. Стал было кулаками размахивать — был ловок, что и говорить.

Да и мальчик был умудрен опытом поединков частых. Отложил он посох в сторону, и стали они драться голыми руками и ногами.

Почувал старец, что Аркон его одолевает, да подумал, что дело в вещице — в посохе волшебном. Попытался под-

нять его с сырой землицы, да тот словно в землю врос — не оторвать.

Тут понял старый витязь, что оружие дивное признает только хозяина своего. Поклон отвесил перед юнцом, да попросил свою вещицу диковинную вернуть, и признал победу Аркона.

Полетел Товер на колеснице огненной прямёхонько к новому князю урскому Шену и прибыл гостем незваным — были у него дела важные, и не хотел он их откладывать на потом.

Шен вначале подивился смелости простого, как ему показалось, человека с Мирград-Земли, да скоро понял в чём тут дело — предложил Товер уру власть безраздельную над всей Мирград-Землёй, знал он, как сокрушить Белозёрье, да не имел войско числом великого, как уры.

Шен решил поразмыслить над сказанным, да сам направился к одному из жрецов, что будущность предсказывали, да попросил совета, оставив гостя во палатах княжеских, чувствуя

того, ако царя.

Жрец склонился над блюдцем, наподобие того, с яблочком посередке, что мастерили на Мирград-Земле купцы урские — да была та вещь, что всяку мысль могла развить да обратить в образы стройные. Жреца звали Тир. Он был высок ростом, как все уры, и приходился Шену дальним родичем по линии его матери.

Были всё ж его предсказания зачастую неточны, и Ми-зида, что служила Морею, превосходила его во многом.

Да блюдечко делало своё дело, усиливая мысль, смотря на любое живое существо, во всех бескрайних просторах неба тёмного.

Взглянул вначале Тир на гостя незваного да подивился силе его души и темноте её — не видывал доселе такого он, окромя Яра, что наведывался во времена давние. Затем, не углядев ничего дурного в намерениях Товеера, дал слово за гостя.

Поклонился Аркон старику да шепнул что-то посоху дивному своему, и тот выпустил из объятий стариковскую вещицу диковинную да уж уменьшил ее до размеров малых, чтоб было удобно покласть в суму плетёную.

Старца удивила проворность юноши, да всё ж видел он перед собой молодого и неопытного парубка.

Тут явился, показав свое обличье, Ерем да обратился к старику с просьбой остановиться у него на время и показать Аркону своё искусство.

Тот с радостью согласился, попросив взамен у Ерема разрешения подучиться некоторым вещам, коих доселе не видывал.

На том и порешили все трое, да направились в селение на краю степи, где старик проживал в хижине, сложенной из белого камня.

Прошло какое-то время в землях арийских и все четверо правителей, на радость людям, правили достойно и справедливо — каждый в земле своей.

Стали звать те земли Белоречьем, поскольку на Бело- Озеро, что было в центре острова, сходились все четверо три раза за срок малый да помогали друг другу справиться, с чем не выходило в одиночку. Мир и согласие воцарились по всей Мирград-Земле.

Кир на Буяне уж город зелёными деревьями украсил. И распускались цветы во садах по несколько раз за срок малый, и плодоносили деревья обильно. Все радовались тому. И народы из земель иных прибывали торговать. Да артельщики и умельцы творили вещицы диковинные и передавали их Киру, как прежде, да меняли на золото и камни драгоценные, пополняя казну княжескую.

Так вот и поселились Ерем да Аркон у старца в доме. Летело время быстро для них, словно стрела.

Молодой ученик всё хватал на лету, даже сумел выведать у старика, как тот мыслью своею проникает в душу противника — был то особый способ, и тайное знание то не всякому давалось осуществить. Но Аркон всё ж порадовал Ерема и своего нового наставника успехом великим.

Посох, что держал юноша при себе, совсем уж сроднился с его душой и мог подсказывать ему о беде грядущей, али отыскивать предметы утерянные. Да делал это, словно то была не вещица из дерева, а зверюшка какая. Мог и деревом раскидистым обернуться да укрыть в ветвях своих хозяина.

Чем больше знаний постигал Аркон, тем посох становился покладистой и находчивей.

Вот пришло время прощаться со стариком — прошел уж срок малый, как встретили его. Отправились Ерем с Ар- коном на другую часть света — во горы крутые да ущелья непролазные, где обитали люди с цветом кожи красным.

Помнили оба, что Сура была родом из тех мест. Последовав когда-то за Яром, достигла она высот знаний светлых; да всё не забывала про свой народ, навещаясь и помогая в быту да в защите от напастей разных и невзгод. Вот и сейчас сидела она возле ручья горного да поджидала Ар- кона с Еремом.

Товер остался у князя Шена да сдружился с ним. Хоть и был кровей от уров отличных, пришёлся он ур- скому правителю по нраву — мечтал тот сокрушить Белозёрье, не оставив камня на камне, да прибрать к рукам все знания древние, за множество лет накопленные.

Товер был сыном простого рыбака, и посему обучали его трое вельмож придворных, как вести себя, чтоб не посрамить окружение княжеское и самого князя.

Нравилось кощю убранство и вещицы диковинные нравились. Знал он, что не время ещё приводить замысел свой в исполнение, да и Шен знал это.

Однако углядела Мизида гостя незваного во землях урских да доложила, всё как есть, Морею.

Морей уж отошёл от дел государственных, да всё ж взволновала она его чувства. И решил тот в знак благодарности за книгу железную Ерему весточку послать с гонцом, чтоб наверняка — из уст в уста.

Повеяло прохладой со скалистых ущельев, и Сура предложила путникам подняться в один

из замков, что стоял высоко на горе у самой пропасти.

Тут понял Ерем, что пришло ему время на Буян возвращаться — почувал он, что кличет его супруга Всела и тотчас, поклонившись своему ученику и правительнице белозёрской, исчез с глаз долой.

Всбежала Сура по вымощенным горными камнями ступенькам, словно птаха вспорхнула, и вслед за ней Аркон поднялся. Взглянула на него она, и перед ней уж стоял окрепнувший воин, пусть всё ещё молодой, с едва пробившимися усами, но крепкий духом. Пригласила она его в палату, мраморными плитами выложенную, кои блестели ако зеркала посреде залы.

Восседали на ложах удобных трое. Один из них был юноша, чуть старше Аркона на вид. Второй была девица красная, облачённая в доспехи воительницы. И третьим был старик с бородой окладистой — разглядев его чуть ближе, можно было заметить две пустые глазницы.

— Что ж, — промолвила Сура. — Время тебе Аркон постигать устройство мироздания. В этой зале пробудешь ты три срока малых, да когда вернись за тобой, сможешь многое, о чём доселе небылицы слыхал. Эти трое людей будут тебе наставниками.

Промолвив это, улыбнулась белозёрская правительница и, словно растворяясь в холодном горном воздухе, сгнула за пеленой надвигающегося тумана.

Слепой старик подозвал к себе юношу да велел тому выйти из залы, да воткнуть посох в одну из скал, да так, чтоб тот корни пустил. Учение, которое будет Аркон постигать, не позволяло присутствию ни одной живой души, окромя трёх наставников да его самого.

Поспешил исполнить наказ прилежный ученик. Трое переглянулись да *обменялись безмолвным словом*^[100] друг с другом — пришёлся им Аркон по нраву.

Вот уж повернулся он в залу. Женщина-воительница направилась к нему.

Заметил сын Одина, что доспехи, что были на ней, не издавали ни единого звука, даже не скрипнули. Подивился тому да обратил свой взор прямо во очи её раскосые — была то одна из сестёр Суры.

Повернувшись во терем на пригорке, Ерем первым долгом решил повидать супругу Вселу. Завидев её, понял он, что ожидает кто-то встречи с ним подле терема со стороны двора.

Обняв супругу, поспешил он увидеть человека из мест дальних, как ему почудилось.

Старик с пустыми глазницами протянул руку Аркону и повёл за собой на вершину смотровой башни, что была по другую сторону замка.

Медленно поднимаясь по ступеням, шаг за шагом старец вспоминал дни далёкие, когда жил он в Белозёрье, звали его Арил. Был он волею судьбы изгнан из земель светлых, как-то вступившись за тёмного воина, что служил у кощеев и был пленён богатырями.

В то далёкое время всё правление было устроено по- другому в землях Арии. Яр был всё одним из верных его друзей, да и Лель с Мером. Знали и почитали силу его, да случилось всё так:

Один из витязей, что пленил чужестранца — слугу кощеева, был зол, и ярость правила его деяниями. Не заслуживал воин чёрный смерти лютой — был он кощеями в малолетстве похищен и не ведал, что творит. Да не было под силу воину простому узреть то — жаждал он расправы над пленником.

Арил окликнул витязя да велел ему оставить ту затею скверную, да не уподобляться злу. В ответ богатырь блеснул мечём, что извергал молнии.

Не ждал такой судьбы для себя Арил — глаза его вмиг ослепли. Оружие то было одно из древних и принадлежало к разряду неотвратимых. Зазевайся Арил ещё на мгновение — потерял бы он не только глаза, но и жизнь. Да всё ж преодолел боль великую — умел он лучше всех

мыслею проникать в образы всех и вся. Не желал он зла и воину, да так вышло — мысль его шальная испепелила душу богатыря изнутри, выжигая её словно костёр полыхающий. Повалился противник наземь без признаков жизни, и тело его брренное опустело вмиг.

Прознали про то мудрецы — решили не дожидаться Яра да прогнали слепца вовсе из Белозёрья.

Вернувшись домой, Яр не стал уж оспаривать ихнего решения да оставил всё как есть — знал, что друг его закадычный Арил без вины виноватый, да попросил приютить его вождей племени красного, что жили в высоких горных ущельях.

Так и стал жить там поживать слепой мудрец. И приходили к нему на поклон ученики да ученицы, друзьями ниспосланные, да вот не всякий проходил данные им испытания. Одно из тех испытаний должен был пройти Аркон.

Лестница оборвалась на самом верху, и башня смотровая открылась пред взорами восходящих. Была она построена в форме шара, да шар тот имел внутри намного больше пространства, чем снаружи — то был секрет строителей древних, *кои теперешним не чета*^[101].

Велел Арил пройти Аркону да встать посреди круга алого, что был начертан на выложенном мелкой плиткой полу.

Сбежав по лестнице, Ерем спустился в сад, который благоухал ароматами дивных плодов и цветов с обратной стороны терема. Окинув взглядом всё вокруг, заметил он посреди беседки, что была вырезана из камня тёплого, женскую фигуру. То была Мизида — добилась она разрешения от Морья направиться на Мирград-Землю да передать новость о незваном госте Ерему. Обменявшись взглядами, двое уселись на лавочке да начали беседу длинную.

Ерем предложил Мизиде отдохнуть с дороги да сам мыслям предался, как Товега одолеть. Да за советом направился к двум золотым изваяниям, что стояли подле причала.

Ведали, зачем пожаловал, други старшие — Мер да Лель, и такой предложили уклад Ерему: Должно пройти три срока малых. И как займётся зорька в первый день опосля времечка пройденного, пусть Аркон последует во чертоги урские да возьмёт с собой в провожатые, взорам людским неявленного, самого Ерема.

То был их замысел, но не время было приводить его в действие.

Поблагодарил новый хозяин терема Мера с Лелем да отправился проведать князя буянского Кира.

Был тот весел и предавался забавам молодецким. Во всю шли торги с купцами заезжими, и народ жил счастливо в те поры.

Усевшись посреде круга начертанного, Аркон последовал наказу слепого старца да взглянул прямёхонько на его чело — без усилий великих навёл Арил на него дрёму.

Тут увидел Аркон — простирались пред ним просторы бескрайние. Да не ловко как-то было, будто ребятёнок малый, первые шаги делать.

Почуял Аркон себя во дрёме, словно в Яви. Огляделся — лес дремучий стоит стеной. На краю того леса опушка, да на одном из деревьев улей пчелиный — кружится пчёл рой да собирает пыльцу с цветов дивных, коими усеяна вся опушка.

Тут одна пчела подлетела к Аркону подле правого уха да давай жужжать. Вмиг понял он, что язык её понятен и прост. Велела пчёлка в царство, что за семью лесами, за семью горами, по-над морем синим направляться.

Было не с руки как-то Аркону без посоха своего, с коим сроднился дюже, передвигаться. Ну что ж — ничего не поделать. Понял тут, что пчела та и есть старец слепой и что место, куда попал, порой бывает недоброе, да поковылял медленно сквозь чащобу напролом.

Тут окликнул его Арил да шепнул на ухо заклинание, что в действо приводило силы великие да могло обратить те силы на благо его произносящего.

Было то заклинание не из лёгких — с восьмого раза смог повторить его точь-в-точь Аркон. Действо могло преобразать слово то заговорённое только во дрёме.

Тут подле юноши очутилась плеть, вроде той, что коней стегают нынче. Хлестнул он ей оземь да расступилась чаща лесная. И побрёл Аркон уверенной походкой бывалого странника вперёд — во царство, что по-над морем синим, за семью лесами да за семью горами.

Вот воротился Ерем от Кира на колеснице огненной, распростился с женой, да с Мизидой отправились они во Землюшку, где Морей прибывал — судить-рядить, как быть далее, чтоб уберечь Мирград-Землюш-ку от беды грядущей.

Мер и Лель на время то иглой золочёной обернулись, да заткнул ту иглу Ерем за воротник своего кафтана, да отправился в края дальние, как ни в чём не бывало.

Тем часом Аркон, во дрёме пребываючи, брёл тропами лесными, проходя лес за лесом, чащобу за чащобой.

Вот посреде леса крайнего забрёл он на опушку да увидел избу, что была без окон, без дверей; а за избой протекала река огненная, да не было ни мосточка, ни брёвнышка, чтоб на тот берег перейти.

Шепнул Арил на ухо Аркону что-то, да тот плетью оземь три раза стегнул — отворилась дверца посреде избы той, да вошёл юноша в неё.

Была богата убранствами изнутри та изба. Проходя по палатам, в одной из них увидел Аркон стол длинный, ломившийся от яств, да во главе стола восседал не пойми кто — то ли человек, то ли зверь с клыками, будто у вепря. Да всё ж было что-то в обличии его человеچه. Тут заговорил он с Арконом:

— Чего тебе надобно, зачем в хоромы мои пожаловал гость незванный?

Арил тут же подле уха всё нашептывал слова, что в ответ говорить надо было.

— Иду я в град стольный, что по-над морем, за семью лесами, за семью горами. Да никак не перейти мне реку огненную. Не подсобишь ли мне, не развеешь ли мои печали, хозяин дома? — спросил Аркон.

Приздумался вепрь, повертя в руке плод душистый. Надкусил его, да повеяло таким ароматом, что у Аркона слюнки потекли.

Пчела не велела к плодам прикасаться — были они сладкими на вкус, да горечь яда хранила в себе погибель путнику уготованную.

Тот хозяин избы, что без окон, без дверей, подивился терпению Арконову, ведь никто доселе не мог устоять пред ароматом плодов дивных с его стола. Заговорил он голосом человеческим:

— Есть средство у меня помочь твоей печали, но сперва должен ты принести мне ларец хрустальный, что высоко в горах. Да охраняет его птица тоски и печали — всяк, кто позарится на сокровище, будет в пепел обращён. Велел Арил соглашаться Аркону на условие.

Дал вепрь парню три дня и три ночи да сказал ворочаться к полудню на третий день.

Вышел Аркон из избы, да дверца в тот миг закрылась за ним, будто её и не было.

Стал вопрошать он у пчелы, как быть дальше, как до гор тех добраться да ларец достать без вреда для себя.

Прошептала пчела на ухо что-то Аркону, тотчас обернулся тот серым соколом да помчался, что было мочи, ввысь.

Было то чувство необычное для юноши. Птицей вольной во бескрайнем просторе видел он леса и луга, что простирались внизу. Пролетел так ввысь много вёрст да пелену тумана завидел пред собой.

Арил, недолго думая, ветром разнёс пелену, и предстала пред очами ихними гора высоченная, что упиралась вершиной своей в небо тёмное. Указала пчела Аркону на отверстие, что зияло на стене отвесной, да оба мигом юркнули туда.

Была то пещера, что спускалась до самого подножья, да гнездо своё свила там птица печали и горести. Да ларец хрустальный хранился в аккурат под её логовом, так что взять его нельзя было, не потревожив скверное создание.

Пчела забилась в одну из щелей пещеры да тут же, ящеркой серой обернувшись, выползла да зашипела на Аркона — тот принял своё обличье вмиг. Ящерка велела за ней следовать.

Недолго длилось путешествие по тёмной пещере. Почуяла птица дух человеческий да давай озираться по сторонам — встревожилась не на шутку.

Посредь темени, присмотревшись, Аркон увидал только что вылупившихся птенцов — их было трое. Скорлупа от яиц ещё была сырая внутри, размеров та была огромных, да Аркон укрылся ею, словно одеялом. Ящерка велела измазаться слизью, что была внутри скорлупы — так тот и сделал.

Птица, ещё немного повертевшись, успокоилась и через какое-то время отправилась добывать снесь для птенцов, выпорхнув из огромного отверстия.

На дне гнезда виднелась трещина, скользнув туда, Арил прошептал заклинание да обернулся камнем железным размеров огромных так, что трещину разнесло во все стороны, да открылся проём. Недолго думая, Аркон запрыгнул туда.

Глаза уже привыкли к темноте, как вдруг, за одним из поворотов в пещере засиял светом ярким ларец хрустальный.

За плечами у Аркона оказалась сума навроде той, что Один, отец его, на ярмарки брал. Бережно поместил тот ларец юноша на самое дно да затянул потуже тесёмки. Вот и полез, что было мочи, поспешая наверх.

Вылез из трещины, и тотчас она сузилась до прежних размеров, а Арил уж ящеркой снова обернулся.

Тут вернулась птица, держа в клюве добычу — был то детёныш *единорога*^[102]. Опустив тушу в гнездо, почуяла она что-то неладное да пристально стала всматриваться вокруг.

Велел тут Арил схватить одного из птенцов да плетью передавить ему горло — вмиг Аркон исполнил всё.

Тут взмолилась птица да голосом человеческим молвила:

— Отпусти птенца моего, человек. Не принесу я тебе вреда. Даруй жизнь ему, и я дарую тебе. Слово даю — век в долгу у тебя буду, коли не станешь губить моего ребятёнка.

Аркон спрятал плеть да велел птице клювом уткнуться под крыло. Так как Арил сказывал, что на кого взглянёт та птица — вмиг прахом обратится. Так и добрался до края отверстия — а ящерка уж на краю, вдруг выросла в размерах да змеем крылатым обернулась.

Оседлал Аркон змея да вниз устремился на опушку лесную к дому вепря.

Через некоторое время добрались Ерем с Мизидой к Морею. Встретил бывший князь их как гостей дорогих. Предложил отдохнуть с дороги, да не до того было Ерему — хотел он в согласии решить с Мореем и людьми ему близкими, как изловить Товега да вернуть его на Буян на суд людской.

Разыгралась буря по-над рекой огненной, ветер дерева к земле пригнул. Вернулись Аркон с Арилом к избе, а вепрь уж их поджидает подле. Достал тут ларец хрустальный Аркон и хозяину тех мест протянул — бережно принял тот дар да тут же в избу зашёл, и не спешит выходить.

Достал тут плеть Аркон да хлестнул ей трижды оземь — отворились двери. Вошёл он в терем, а хозяин на прежнем месте сидит за столом да ларец хрустальный подле него. Напомнил тут юноша ему об обещании через реку перейти, да тот и отвечает: — Не спеши, добрый путник, — обещанное слово держу. Да вот надобно мне камень изумрудный из подземного царства добыть, что хоронится по ту сторону мира тёмного. О таком Аркон и слыхом не слыхивал, да не подал вида — решил согласиться на второе условие хозяина да вышел из избы несолоно хлебавши. Взглянул по сторонам, а змея уж нет — снова пчела над ухом жужжит.

Поведал оней свою печаль, да Арил ему в ответ: — Коли собрался ты в царство подземное,

нужно тебе одёжи справить, что холодом изнутри отдают. Царство то больно жаркое, да всяк, кто туда забредёт, может сгинуть смертью лютой, коли не будет готов к пеклу да жару.

Вот пчела прожужжала что-то, и прям на травушке подле Аркона, очутилась одёжа новая — кафтан да штаны новые; на вид, будто из грубой ткани. Велел Арил надеть их немедля — парнишка исполнил его наказ.

Как нацепил одёжу новую, холодно стало телу брэнному, словно в мороз лютой. Велела пчела хлыстнуть плетью оземь да семь слов сказать заветных в тот миг. Как проделал Аркон всё как велено — сквозь землю провалился тотчас.

Охранял тот камень дивный изумрудный в подземелье жарком дракон царства подземного, и служил он службою верною господину своему Рею — князю подземного царства. И хранил он его словно зеницу ока. Была сила великая в том камне заложена. Каждый, кто держал его в руках хоть раз, становился неуязвим для врагов — ни в Яви, ни в Нави и ни в Прави.

Жаром горючим отдавало подземелье, да лицо и руки, словно в печи пребывали — то и дело Аркон прятал кисти в карманы удобного кафтана, где, словно зимой, стоял мороз.

Тут пчела прошептала на ухо юноше, что, мол, далее самому ему придётся следовать, поскольку заказано Арилу в тех местах находиться.

В подземелье не было и луча света и посему лучину с собой принесли за пазухой. Аркон держал света луч, будто тот исходил из его ладони.

Присели на камень, пчела уж Арилом обернулась, да и стал Арил давать наставление, как уберечься от хранителя камня изумрудного и добыть тот камень, да вернуться назад к терему.

Вот в мореевой Землюшке собрались купцы урские, коим лихо жилось под гнётом князя нового, Шена. Было их три десятка да люди, что книгу железную читали да знания из неё черпали.

Все пришли к согласию, что необходимо Тове́ра с князем урским разлучить. Надобно доставить того разбой-ничка на Мирград-Землю.

Предложил Ерем действо, чтоб не причинить никому вреда. Согласились все — на том и порешили.

Был замысел прост. Купцы должны были собрать злата и каменьев самоцветных да даров разных диковинных с уголков дальних да из земель чужих, и весточку Шену послать — мол приезжает пусть князь на одну из земель ихних, да уготована ему вечеря праздная с дарами да со снедью диковинной — честь и хвала князю новому Шену.

Выслушал сын Одина старца, внимая каждому его слову. распростились они, и отправился Аркон ещё глубже в подземелье к логову дракона, что хранил камень изумрудный.

Не знал он сколько прошло времени, жар чувствовался всё сильнее и сильнее; и, наконец, луч, что нёс с собой, не понадобился более — предстал пред ним образом своим город подземный.

Жители его, на вид, были причудливые создания. Походил кто-то на зверя, кто-то на жителя морского, а кто и вовсе — на дерева али растения диковинные. Понимал Аркон каждое слово сказанное местными жителями и в ту же секунду осознавал, что слышит всех и вся.

Стен крепостных не было в том городе — были лишь прозрачные ограды, что глазом не увидеть. То и дело натыкался юноша на них.

Вот встретил одного из лесных зверьков, на вид, вроде зайца. Да тот ушами прижался к туловищу и молвит: — Знаю я твою печаль, добрый странник, помогу тебе, коль возьмёшь меня с собой на свет белый. Согласился Аркон немедля. Заяц указал ему на светлый проём в одном из образов, что на дерево походил ветвистое и древнее. Двое подошли к нему; тут заяц — прыг — и будто в воду сиганул. Аркон, недолго думая, — за ним.

Очутились они в палатах каменных, где было не так жарко. То был дворец князю тёмному Нею принадлежавший. Повсюду сияло убранство, да было всё ж не по себе как-то — каждый раз, глядя в зеркала, что висели в каждой зале, не видел сын Одина своего отражения, словно не было его вовсе.

Так, проходя залу за залой, вышли они ко двору, где толпища народа собрались. Заяц указал на плаху, где собирались казнить стройную девушку с белыми волоса-

ми — палач уж занёс свой меч над её хрупкой шейкой. Заяц потребовал спасти пленницу, сказав, что то — ни в чём неповинное дитя одного из жителей *верхнего мира*^[103], которая попала в лапы лесных тварей, заблудившись в чащобе, и что сослужит она службу своему спасителю.

Аркон знал уж как спасти пленницу — о том ему поведал слепой старец перед тем, как они распростились. Вытащил он из-за пояса плеть свою да хлестнул ей по полу залы трижды. За окном обратилась девица стрекозой. Все так и ахнули. Подлетела стрекоза к оконцу, распахнул юноша суму бездонную, да она и залетела туда, как к себе домой.

После заяц повёл Аркона в глубину дворца, где был в ступенях тёмных сокрыт вход в подземелье. Усадил зайца парень к себе на спину да плетью ударил по ступеням — разошлись они в разные стороны, да открылось отверстие, словно омут, кружа воздух вокруг. Без страха

ступил туда Аркон да очутился в месте, где было очень жарко, словно во знойной пустыне.

Дракон был размером невелик, растянувшись по земле, будто дремал. Стоял камень изумрудный в треноге из чистого золота. Три угла переливались, да огонь горел в другом конце палаты и отражался в камне.

Почуял дракон дух человеческий да встrepенулся, и готов был расправиться с гостем незванным.

Тут Аркон бросил плеть свою в дальний угол, изогнувшись, — та обернулась змеем трёхглавым. Зашипели все три головы и, ухватившись за хвост дракона, стали его терзать и рвать на части — взвыло от боли чудовище.

Тут, недолго думая, юноша, обмотав руки, засунув их поглубже в рукава, поднял камень да бережно в суму его опустил, да заяц запрыгнул туда вслед за ним.

Перекинув суму через плечо, шагнул к огню, что пылал всё ярче и ярче да прошептал слова, кои были сказаны Арилом — огонь расступился, окутав сына Одина, и тотчас тот очутился подле терема без окон, без дверей.

Получил весточку князь Шен от купцов урских и, отложив все дела-заботы да печали, в путь-дорожку собрался, гостя своего Товера оставив наслаждаться радостью пребывания во дворце.

Через время короткое прибыл он на Землюшку, где купцы ему пир уготовили — вина заморские и снедь, состряпанную лучшими кухарками. Да ту снедь заговорил Ерем на имя Шена — коли отведаст он её, впадёт в сон глубокий да будет пребывать в нём до той поры, пока хозяин заговора, он, Ерем, не передумает.

Безо всякой боязни, приняв дары, начал трапезу урский владыка. Музыканты играли весело на инструментах причудливых, коих во Мирград-Земле не встретишь, да девы в одежаниях лёгких танцевали, ублажая гостя.

Постепенно задремал князь да прям ничком угодил в одно из блюд, да засопел громко. Не смел никто тревожить его из слуг, так и отнесли в опочивальню. Умыв, уложили на ложе, да стеречь стали слуги его верные, ничего не заподозрив.

Ерем, тем часом, в обличии князя урского Шена вернулся в хоромы, где пребывал Товер. Подозвав к себе гостя, подняв ладонь да сдунув с неё порошок сонный, бережно уложил его в суму безмерную навроде той, что была у Одина. Затем, оставив всех слуг в стороне, забрался на колесницу огненную да отправился восвояси — во Мирград-Землю на остров Буян. Было всё сделано так, что комар носу не подточил бы.

Следуя замыслу сына Яра, через время определённое, чуть больше срока малого, должен был Морей стать вновь князем урским да сослать всех прибеженцев Шена на далёкую Землюшку, что на окраинах их владений находилась.

В то самое время, Аркон уж подошёл к терему без окон, без дверей, и давай стучать-колотить по стене. Не было поблизости ни души — Арила и след простыл.

Вот, немного погодя, раскрылась дверь и вышел сам хозяин дома, вебрь, изрядно удивившись, — все ж велел он камень изумрудный ему протянуть.

Без всякой мысли задней, раскрыл суму Аркон да извлёк бережно камень наружу, руки обмотав всё ж рукавами одёжи, в которой становилось непомерно холодно. Завидел он, нутром своим почуяв, что хозяин дома хочет погубить его. Так и было — вебрь выхватил громадный посох, который чем-то походил на посох Аркона, что остался на Мир-град-Земле да пустил уж корни на скалах крутых.

Всё ж оружие Вепря было не с Рады-луны. Вырастил сам то дерево из семечка хозяин терема, да служил тот посох ему, как и Аркону, его верой и правдой.

Понял тут Аркон, что не сдобровать ему, да ноги будто вросли в землю — посох уж начал делать своё тёмное дело, а вебрь протянул свои ручищи к камню. Как вдруг, из сумы выпорхнула стрекоза, да, чуть погодя, выпрыгнул заяц и, не думая себе, стали злодея бороться силами своими малыми.

Присела стрекоза на кончик посоха, и стал тот, словно каменный — тяжестью налился да упал на землю, влача за собой хозяина. Заяц велел Аркону сбросить одёжи, изнутри морозом отдававшие, да зажать, что было мочи, камень в ладонях, да о светлом помыслить.

Тут произошло что-то, что нельзя было описать. Налился вдруг силой Аркон. Погодя немного, вернул камень в суму на прежнее место, взял вебря за клыки его да прижал к землюшке так, что та расступилась, и ушёл он в неё по пояс.

Стрекоза тот час девой светловолосой обернулась — поблагодарила своего избавителя. Ну а заяц, что пребывал всё это время подле юноши, исчез, будто его и не было.

Вебрь всё пытался поднять свой посох, да руки словно приросли к нему. Боль пронзала его — неимоверных усилий стоило даже шевельнуться. Так и застыл он в кривой ухмылке.

Дверь в избу без окон, без дверей, оставалась открытой. Тут Аркон решил заглянуть туда.

Вот воротился Ерем на Мирград-Землю да прямёхонько на Буян в терем золочёный. Да не стал никому ведать, что изловил беглеца, до поры. Суму в укромном месте укрыл подле статуй золотых Леля и Мера — знали только те о его победе да улыбались, смотря с висока.

Кир уж давно град стольный отстроил да не было у него и в мыслях искать беглеца Товева. Жил он в радости, не ведая невзгод.

Не знал никто о возвращении Ерема, лишь жена его, Всела. решил сын Яра передохнуть с дороги и через некоторое время собрать правителей Белозёрских на совет малый — как жить-поживать дальше и как поступить с пленником.

Далеко от тех мест, во землях урских Морей праздновал победу. Ликовал народ, встречая бывшего правителя, что когда-то сам отрёкся от власти, ему данной. Было по душе всем его присутствие, и книга железная изменила ход его мыслей, установив порядок во всех владениях уров и в Землях, торгующих с ними.

разнеслась та весть за много вёрст и в стране Арии. Прознали про это да послали весточку Ерему, чтоб собраться всем четырём правителям — Одину, Суре, Семарглу и Перуну.

Тем временем, пребывая в дрёме, видя и чувствуя всё, словно в Яви, Аркон понял, что может через реку огненную сам перейти без труда — дева светловолосая знала все тропы тайные, да и горы, что начинались за последним из лесов, были не столь высоки.

Отдохнув немного после битвы с вепрем, собрался сын одина в дорогу дальнюю. Силушка великая наполняла его дух — та, что в камне изумрудном хранилась. Дорога казалась вдвое короче от этого.

Ступая по скалистым обрывам, Аркон не чуял усталости. День сменяла ночь, и уж сбился со счёту юноша, как долго он шёл.

Ранним утром вышли двое на скалистый утёс, и раскинулось пред ними море синее без конца и края. Пришло время прощаться со своей спутницей.

Поблагодарив её, отвесил поклон низкий Аркон да стал думать-гадать, как проплыть ему среди бушующих волн да добраться до града дивного, что был по ту сторону моря. Не было ни лодочки, ни судёнышка близ него; лишь голые камни да утёсы о которые волны разбивались вдребезги, брызгая во все стороны солёной водой, словно в Яви.

Присел тут парень на один из камней да призадумался.

Вот решил взглянуть Аркон на вещицы, так тяжело им добытые, да приоткрыл суму. Ларец хрустальный, что прихватил он в избе без окон, без дверей, — блистал, отражая свет. Да камень изумрудный, что положил он внутрь ларца, — решил ещё раз его в руках повертеть.

Не было Арила рядом, чтоб подсказать ему, как быть да как на тот берег моря бескрайнего перейти. А вот, поиграв немного с камнем, пришло решение само к юноше. Спрятал он вещи драгоценные назад в суму да за плечи её закинул.

Перед ним море вдруг взбушевалось, волны поднялись высоко, и вот одна из них захлестнула Аркона и понесла, словно конь вороной.

Понял тут парень, что во дрёме достичь можно большего, чем в Яви и, не страшась ни на секунду, оседлал волну, да, что было мочи, помчался на ту сторону — на берег, где град стоял. Было то похоже, словно с посохом своим снова свиделся. Но волна была послушнее, добрее и краше, чем его оружие из Яви.

Вот уж золочёные палаты показались на горизонте. Почудилось Аркону, будто говорит с ним море и просит покорно повелевать собой.

День стоял светлый и аккуратно ступил на берег юноша. Малые ребяташки играли неподалёку, гурьбой бегая, словно то были земли его родные.

Подался Аркон смело вперёд да завидел вдалеке большое сборище людей — те шумели да выкрикивали что-то, будто не поделили между собой чего. Присмотревшись, завидел он князя того града, что стоял на холме, возвышающемся над другими, да размахивал цветком из чистого золота, да что-то приговаривал.

Тут решил разузнать всё ж, что за диво деется в граде, что по-над морем, да вопрошать стал женщину преклонных лет. Та рассказала всё без утайки: мол, князя нового на вотчину ставить собрались люди, и старый князь должён цветок чудесный воткнуть в сыру землю на пригорке; тот распустит лепестки; да Птица Света, что живёт за долами зелёными, прилетит да вырвет его наружу и, пролетев над людьми, бросит в толпу; кто поймает тот цветок, тот и будет князем.

Заулыбался тут Аркон да решил присесть в сторонке, да поглядеть на всё глазами путника.

Вот собрались все четыре правителя белозёрских да Ерем в месте условленном. Стали думать, как Товея проучить, да какое ему наказание следует исполнить.

Перун хотел смерти ему. Сура, напротив, была за то, чтоб душу его просветлить да на истинный путь наставить. Семаргл с Одним мешкали в своём решении. Ну а Яр попросту предложил бы отпустить его на все четыре стороны — об этом знал Ерем, да не ведал, как сделать, чтоб не повторилось то, что произошло давеча на Буяне. Предложил он позвать Мера с Лелем да спросить совета у них, у друзей Яра закадычных.

Четверо правителей Арии сидели да судили-рядили, так и не пришли к решению. Ерем, призадумавшись, совета решил спросить у Рода Лунного — как быть с лиходеем. Все были согласны с его решением.

Недолго думая, собрался он, да не один всё ж отправился, а вместе с Лелем и Мером, которые и подсказали ему мысль ту.

Вот, прибыв домой в терем золочёный, забрался он в одну из палат, что подальше была от глаз людских, прилёг на ложе, и медленно лёгкое тело его отделилось от плоти бренной, а тут уж его двое друзей отца поджидали.

Вмиг они очутились, все трое, на луне, что Луной называется, да предстал им Род в тот раз в виде девы лунной — не было плоти у неё, да всё ж образ стоял перед глазами.

То была одна из людей, что жили в далёкие времена на Мирград-Земле ещё до уров, да и коии уров сотворили для подмоги в делах по хозяйству и в тяжёлом труде. Звали деву ту при жизни — Сверга.

Могла принять она и плоть человеческую, даже обернуться целым толпищем, если надобно. Частью неотъемлемой Рода Лунного оставалась всё ж, да стяжать силу его умела, подчиняя воле своей. Да дала обет не творить ни добра, ни зла на Мирград-Земле и за её пределами — то было главным условием каждой души, что пребывала в Роду Лунном.

Признала Сверга Леля с Мером да поблагодарила их, что Ерему помогли добраться до неё. Знала уж зачем пожаловали и ответ был готов заранее.

Был ей Ерем по нраву, походил чем-то на супруга её, что остался далеко во времени, и посему желала она добра ему; да не могла своим бытиём исполнить то благо, лишь подвести к истине умела ловко, да так, что весь Род Лунный не догадался бы.

Воспрошала она сына Яра время долгое да знания его проверяла. После задала ему такой наказ:

Поутру, на крыше терема золочёного, чтоб стал во весь рост и, встречая лучи ярила светлого, руки протянул да в руках чтоб держал склянку булатную. Да после, три заклинания велела запомнить да проговорить в тот час. Проделав всё, пусть склянку приоткроет да в суму бездонную опрокинет, где То- вер находился; да затем в ручей чистый суму с ним принесёт, развяжет тесьму да оставит лиходея подле воды журчащей дремать, а склянку и суму с собой заберёт.

Подивился всему сказанному Ерем, да виду не подал. Решил исполнить урок и, поклонившись, отправился во Мирград-Землю на остров Буян, в палату тёмную, где пребывало тело его бренное.

Тем часом в граде, что стоит по-над морем, народ всё громче голосил. Хотелось каждому судьбу княжескую испробовать.

Распустились лепестки на цветке золотом, что князь в землю воткнул, и аромат разнёсся за много вёрст.

Птица Света, почуяв тот запах чудный, прилетела исполнить своё предназначение. Выхватила стебель из земли да крепко в лапах зажала — кружила всё над толпой, будто высматривая нового правителя.

Вдруг, оборвав круг посредине, резко взметнулась ввысь да выпустила цветок из лап. Тот медленно, не как в Яви, стал плавно опускаться всё ближе и ближе к земле. Аркон видел всё, да на минуту будто задремал, а цветок дивный упал в аккурат подле его темечка.

Тут заголосил народ, подхватили юношу на руки и давай нести в хоромы княжеские.

Князь же, что цветок держал, посмотрел на всё с улыбкой да исчез с дуновением ветра.

Усадили Аркона на ложе княжеское во хоромах светлых — были окна большие на стенах с узорами причудливыми. Люди все радостью переполнялись и здравия желали новому правителю. Юноша едва успел прихватить свою суму.

Вот уж и стол стал ломиться от яств, источая аромат по всей зале. Собрались там люди придворные в дорогих одеждах, высказывая своё почтение молодому князю.

Повертел в руках Аркон цветок золотой, что успел лепестки закрыть в бутон, да решил отведать пицци здешней — был уж очень голоден. Только прикоснулся к блюду, как зажужжала пчела над ухом. Был то Арил, велел он не трогать еду ни в коем разе и хранить терпение своё, да ожидать главного события в граде том. Венец из дерева причудливого с шипами острыми должна была одеть на голову князю новому дева непорочная; и то — стало быть, предзнаменование начала правления нового во землях чудных.

Вот уж двое слуг привели юную красавицу с двумя косами заплетёнными, кои свисали до пят. Несла она в руках венец, готовясь водрузить его князю юному на темечко. Подошла было совсем близко к Аркону, да тут оконце малое растворилось у самого свода залы, и в хоромы влетели две птахи малые, меж собой щебеча о чём-то. Это и нарушило тишину.

Тут на мгновение понял юноша, что понимает язык птиц. Одна из них уселась ему на левое плечо, а другая, словно дразня её, кружила по палатам да звала свою спутницу лететь прочь из тех хором. Присутствующие наблюдали за происходящим, смотря то на князя, то на птиц, то на деву юную — всё будто замерло на мгновение.

Тут пчела подле правого уха шепнула парню, что пора делать выбор. Дева протянула руки с венцом, как бы приглашая Аркона подставить голову.

В Яви в то время Ерем исполнял предначертанное ему, стоя на крыше терема золочёного и собирая лучи света во склянку булатную.

Тут показалось ему, словно кто-то смотрит ему в спину. Не торопясь, присел он на самом краю крыши и молвил:

— Будь ты человек али зверь, что глазам моим сокрытый, явись тотчас немедля предо мной в образе своём истном.

Тут ветвь одного из деревьев шелохнулась и предстал пред ним Один в одежах изорванных, словно побывал в переделке. Попросил он разрешения зайти в дом да всё Ерему рассказать без утайки о том, что с ним стряслось.

За мгновение, вдруг почувал в себе Аркон силы необычайные, кои наполняли его Душу. Отвёл неторопливо руки красавицы, что готова была водрузить венец на его голову, и слова промолвил, обращаясь ко всем находящимся в зале людям:

— Прошу простить меня, но всё ж не быть мне князем вашим. Ждут меня дела важные во землях родных. Вынужден покинуть я эти хоромы светлые.

Затем взял венец, надел на голову и сказал:

— Данной мне властью нарекаю княгиней деву, что стоит предо мной, — и тотчас одел ей венец.

Все рты пораскрывали от удивления, но никто не молвил ни слова. Люди обратили свои взоры к деве длиннокосой, а Аркон тотчас сложил ладони да прошептал что-то. Пчела велела подобрать цветок золотой да уложить его в суму — так он и поступил.

Через миг юноша стоял уж на равнине — пред градом, где недавно толпища людей голосили, выбирая нового князя. Было теперь здесь пусто и безлюдно — все отправились восвояси, готовиться к празднеству.

Пчела тут обернулась Арилом. Поведал старик Аркону, что тот справился с заданием ему данным. Велел положить цветок и камень изумрудный вовнутрь ларца хрустального да закрыть покрепче; и поведал юноше слова заветные, кои повторить семь раз надобно — Аркон последовал совету старца.

Тем часом отец Аркона вёл беседу с Еремом, рассказывая ему о своём злочлнении. Дело было так:

Утром ранним собрался Один, как во времена былые, на ярмарку, чтоб провизией запастись для домочадцев и слуг. Не было нужды в том — было еды в Белозёрье вдоволь, и сады плодоносили по несколько раз за срок малый. Да всё ж близкие и слуги его привыкли к другой снеди, так как родом из земель ирийских происходили. Вот и отправился правитель острова ущербного на известную ему ярмарку. Да тут за приметил его один из служек жёлтого воина, что с Арконом состязался, да решил угодить своему хозяину.

Долго ли, коротко ли — собралось целое войско малое, супротив Одина ополчившись. Не выражали чести лица разбойников, лишь жаждали наживы. Не была слишком тяжёлой задача победить то войско для Одина, да не хотелось ему вреда и боли причинять душам заблудшим. Постепенно одолел он всех, погрузив в сон глубокий, и вот добрался до хозяина той своры.

Эдо был не похож сам на себя — в лице ни кровинушки. Исподлобья смотрели очи, наполненные мраком, словно что-то затеял он недоброе. Не стал доставать на свет вещицы диковинные — попытался Одина одолеть силами тёмными.

Отец Аркона, не спеша, смерил взглядом противника. На вид и не определишь, что изменился тот душой, да всё ж мудрость правителя белозёрского спасла его в очередной раз.

Чары, что исходили от жёлтого воина, пытались проникнуть глубоко в душу Одина — смятение, грусть и злоба одолевали его, всё ж сохранял он спокойствие. Понял, что кощеи завладели душой Эдо, решил призвать на помощь силы природы. Свистнул было, и тут слетелась стая птиц да давай клевать противника.

Через миг тот освободился от десятка тварей, а другие, уж им задурманенные и очернённые, бросились на Одина да давай рвать его одёжи.

Любопытство всё ж разбирало правителя арийского. Не хотел он губить воина, что был когда-то у Леко в подчинении и слыл одним из лучших. Желал он дознаться, кто сумел очернить душу светлую.

Отправив птиц восвояси, Один провернулся три раза на месте да в пыль дорожную обратился. Люди, что глазели на то зрелище, только диву дались.

Эдо решил было, что навёл страх на Одина и возгордился в сердце этому безмерно, как вдруг, четверо людей ему верных из войска малого встрепенулись, отряхнувшись, да схватили его так, что тот и опомниться не успел, связав по рукам и ногам. Через миг Один уж явился пред очами толпы, а воины попадали наземь и снова в сон глубокий обратились.

Стояла лавка прямо перед тем местом, где парчой торговали да платками, что девицы красные надевали, да прочими изделиями ремесленников. Достал Один тут монету да купил платок, обмотав голову пленника. Распахнул суму свою бездонную — так тот и ушёл в неё весь с головой, противник строптивый.

Не успев сказать ничего, люди завидели, как, пребывая в полном спокойствии, отец Аркона обернулся плащом дорожным, птицами изорванным, да исчез — только его и видели.

Подивился рассказу Одина Ерем, решил совета спросить у Леля с Мером — как найти хозяина жёлтого воина, что им управлял. Кликнул он друзей Яра закадычных. Явились те вновь в образе старца, как прежде. Поглядев на суму, уж знали, о чём речь пойдёт.

Во дрёме пребываючи, Аркон стал спрашивать Арила, как быть ему и что теперь предстоит вершить. Лишь улыбнувшись, старец слепой шепнул три слова заветных. Закрыв было

юноша глаза на миг и тут же, открыв их, увидел, что сидит посреде круга красного смотровой башни; и нету при нём ни сумы, ни ларца, ни камня изумрудного, ни цветка золотого, что с таким трудом пришлось ему добыть, да всё ж чуял их где-то близко.

Стали спускаться вниз по лестнице со стариком. Арил поведал ему, что прошло три срока малых с того времени, как пришёл сын Одина впервые в это затерянное место в горах, и что теперь готов он принять искусство сражаться от двоих спутников слепого старца, что в тот день в башне находились, и что придут они немедля.

Поведал Арил ученику своему, мол, выбор тот сделал уж; да что дева длиннокося, кою княжной поставил Аркон, теперь пред ним в долгу и, коли надобно, помочь может в минуту тяжкую — защитить али уберечь от напасти. Также старец рассказал, что все с трудом добытые вещи — и камень изумрудный, и ларец, и цветок золотой остаются всегда с Арконом. Теперь не будет равных ему на Мирград-Земле и за пределами её в ратном деле, да всё ж молод он ещё, и нужна кое-какая сноровка — ведь хитростью можно любого сбить с толку. Дева-воительница да юноша, что был чуть постарше Аркона, сумеют преподать сыну Одина то недостающее, но а затем лежит ему путь обратно восояси, в земли новые, в коих отец его, Один, правителем нынче пребывает острова ущербного, земель белозёрских.

Радость и грусть одновременно переполняли душу отрока. Ждал он завершения своего обучения и вот, в назначенный срок, завидел Аркон две фигуры, медленно взбирающиеся по склону и направляющиеся в сторону замка, затерянного в горах. Был рад тому юноша и не скрывал радости своей, присел в углу залы тихонько в ожидании.

Старец, что вмещал души Леля и Мера, взглядом окинул связанное по рукам и ногам тело Эдо и, не прекращая беседы с Еремом и Одним, забрался глубоко в душу тёмную воина жёлтого да увидел, как всё происходило на самом деле.

В землях ирийских протекала река полноводная да вдоль её, по обоим берегам, были селения ремесленников да людей умелых, что прежде урам служили.

В тот час, когда погиб Кожан, множество людей в одной из деревень, как и на Буяне, приняли в себя *свет тёмный*^[104], да ничто не предвещало беды. Всё ж, через некоторое время, народились дети у них и имели они сходство с родом своим, да души их, в коих вживился дух Кожана, создавали ссоры и злобу таили. Так, постепенно, один из них, как и Товер, превзошёл остальных в искусствах разных. Был умён и хитёр, и власти жаждал, и люди шли за ним, словно за героем. Так поработил он окрестные посёлки. Да их обитатели, что там жили, дань ему платили, ако князю.

Вот одним днём, тот отпрыск Кожана случайный, звали его Реведо, повстречался с Эдо и подчинил волю его своей воле.

Было не так тяжко очистить душу жёлтого воина, да решили Мер с Лелем этого не делать, а имели замысел другой на уме.

Так остался Аркон в замке горном затерянном ещё на срок малый, а дева-воительница и отрок, что был при ней, обучали его хитрости. Отрока звали Миран. Пожелал он опосля, как закончит Аркон науку, присоединиться к нему и отправиться в Белозёрье на остров ущербный, где ждала юношу одна из добрых друзей его отца Одина, Армея. Была она одной из сильнейших и знающих в возвращении Памяти Рода своего. И коли кто желал поболее узнать о себе и о прошлых своих перерождениях — подсказывала она путь верный, как сделать то без боли и тягости.

Пролетел срок малый незаметно. Аркон, распрощавшись с девой-воительницей и Арилом, заручившись ихней поддержкой, в сопровождении своего нового друга отправился в Белозёрье, прихватив с собой посох из дерева лунного, что был рад, ако зверушка, видеть хозяина своего возмужавшего и в добром здравии.

Ерем с Одином да Лель с Мером за время то уж сыскали более двух десятков людей, подобных Товеру, в краях разных да в уголках дальних и в землях ближних по всей Мирград-Землюшке. Не спешили они воевать с теми душами тёмными — знали, что предстоит то Аркону. Всё ж учтиво запечатлели на скрижалях, где и какого роду племени те люди. Был в том смысл великий.

Миран с Арконом незамедля очутились во палатах светлых на острове ущербном. Ждала их Армия, не скрывая своего восторга. Было время малое им отпущено, чтоб жизни предыдущие вспомнить, но должно было всё произойти посреде Бела Озера, что находилось в центре меж четырёх земель.

Было то место заговорённое, где хоромы по-над водой висели, словно кто держал их. Нигде по всей Мирград-Земле не сыскать было места такого. Силы светлые помогали тем палатам на просторе воздушном находиться и не падать — то исходило из озера *светлое начало*^[105], что силу всех и вся питало.

Но перед тем, как попасть туда, ожидало двух друзей новоявленных последнее испытание — побороть трёх людей из народа морского, что в озере уж заждались своих противников. Было то дело нелёгкое, и каждый должен был справиться с ним сам.

Вот ясным днём, что стоял во землях арийских, подошли к берегу Белого Озера все трое — наставница Армия и двое юношей. Первым приступил к делу Миран. Скинув с себя все одежды, сиганул он в пучину вод — уж пред ним предстали трое.

Морской народ отличался особой ловкостью, когда дело касалось воды. Юноши были примерно все одного возраста с Мираном, имели хвосты, словно у рыб, да от пояса руки человечьи и голову, жабры были спрятаны в волосах.

Знал Миран особое заклинание, что в воде силу имело, и немедля обернулся рыбой хищной, да стал за своими противниками гоняться. Те и не растерялись вовсе — видели и не таких чудовищ в пучине моря. Всё ж рыба, коей юноша обернулся, была ловка и сильна и во просторе водном могла нанести урон любому врагу.

Бой продолжался время долгое. Вконец измотавшись, трое людей морских пощады попросили. Тела их были все изрублены рыбьими плавниками и острой чешуёй.

Миран пожалел их. Обернувшись человеком, три руны здоровья над ними прочитал — тотчас затянулись все порезы, словно их и не было. Вышел на берег уставший, вещи собрал да пошёл отдыхать. Справился, стало быть, с заданием.

Тут пора настала Аркону проходить испытание. Армия, видя, что трое людей из народа морского изрядно приустиали, кликнула троих дев морских. Были те ничуть не хуже своих предшественников, а кое в чём и превосходили их.

Было непривычно и как-то стыдно Аркону раздеваться перед девами. Стал он думать-гадать, как ему быть.

Поразмыслив немного о поединке грядущем, Аркон шепнул что-то посоху своему из дерева лунного да сиганул прямо в одёжах — стрелой устремился прямо ко дну озера. Глубина всё ж была там небывалая. Соприкасалась вода с недрами Земли бурлящими и клокоцущими, словно то было ярило.

Девы устремились в погоню за юношей.

Проплыв немного вглубь, сдавило вдруг грудь у сына Одина. Было то необычное чувство, но посох подсобил, обернув Аркона сетью бесцветной, коей обратился. Не видать было ту сеть ни

рыбам, ни народу морскому. Поднялся чуть вверх парубок и боль как рукой сняло.

Приближались уж морские красавицы.

За поединком тем, со стороны глядячи, наблюдал сам царь морской Непт. Был он неподалёку да видел всё происходящее.

Девы попытались хвостами хлестнуть юношу, но не тут то было — запутались все в сети незримой. Хоть и были ловки — не смогли распознать её.

Была хитра затея посоха лунного. Изнутри та сеть уберегала хозяина, а снаружи — всяк, кто посягал на его жизнь, мог нелепо увязнуть, словно в болоте.

Тут Аркон на секунду решил на поверхность выплыть. Собрался было уж, да только, приоткрыв рот, понял, что может спокойно дышать, словно на берегу, внутри той сетки. Поблагодарил он своего верного слугу да поплыл разведать, какие диковины таит в себе Белое Озеро, кое казалось бескрайним.

Одна из дев народа морского приходилась внучкой царю Непту, и тот решил помочь ей, да направил стаю рыб хищных, чтоб вызволили красавиц из той сети незримой.

Рыбы незамедля принялись исполнять наказ своего господина, да только ещё глубже все увязли в сети диковинной, которая становилась всё больше и больше в размерах, вбирая в себя всякого, кто пытался её распутать.

Так никто и не смог прикоснуться к Аркону. Проплыв немного вдоль берега, увидел юноша жилища, в коих обитали люди морские, что служили верой и правдой стране Арии.

Не похожи были те палаты, где они пребывали, на хоромы, в которых жил морской народ по всей Мирград-Земле и кои приходилось видеть Аркону ещё ребящёнком, путешествуя с отцом по подводному миру. Не отличались убранством эти обиталища да всё ж чувствовалось, что светлы и полны сил взоры людей, что смотрели на проплывающего мимо юношу и трёх дев, запутавшихся в сетке невидимой, и застрявших там рыб, которые застыли в причудливых позах.

Вот шепнул что-то посоху своему вновь Аркон. Сеть никоим образом не приносила вреда попавшим в неё, но могла сделать и это, коли надобно. Тут задремали девы морские, а Аркон поплыл, торжествуя победу к поверхности, где ожидала его Армея.

Один знал, что сын проходит последнее испытание, и не смог удержаться от того, чтобы не посмотреть на него. Но не хотелось ему мешать своему отроку, ведь давно не виделись оба, и исподволь смотрел он во хоромах своих сидючи, сквозь вещицу диковинную, что мастерили на острове Буяне, которая походила на блюдечко с яблоком, катящимся по краю.

Гордость и смех вызывала картина, которую видел Один. В тот день с ним собрались все правители белозёрские и Ерем с Вселой, которому было вновь дозволено являться в страну арийскую. Все радовались сноровке Аркона, которого ждали уж скрижали железные в количестве огромном. Были в них указаны места и имена всех, кого удалось найти и распознать среди люда простого и знатных семей; кто творил зло, подобляясь кощам, и всех, чья душа вела к краю пропасти, причиняя боль и страдания окружающим.

В те поры в княжестве урском, за много вёрст от Мирград-Земли, Морей взял к себе в супруги Мизиду. Была она ему по нраву, и он ей приглянулся сердцем. Ликовал народ, и празднества по всем Землям ихним устраивал, закатывая пир горой.

Пообъехав все владения свои обширные на птице огненной, решил князь, владыка урский, навеститься к Киру да в благодарность подарить ему одну вещицу диковинную.

Не было равных той вещице во всём тёмном небе. Смастерили её ремесленники на одной из Земель, откуда родом были самые искусные умельцы. Было то подобие птицы огненной, да вмещала она лишь одного человека; и могла та птица летать, достигая скорости невиданной, по тёмному небу и за его пределами. Стоила злата немало, да всё ж, обретя покой в царстве своём, знал Морей, что пригодится во Мирград-Земле вещица та. Сделана она была так, что не было ей сносу, пусть даже пройдут сотни сроков малых — всё одно останется та вещица в полном порядке и готова служить своему хозяину.

Мизида была рада его решению. Собрали три птицы малые огненные да в специальном месте схоронили, чтоб никто из слуг не прознал. С виду походила вещица та на птицы железные малые, навроде тех, что птенцами асы мастерили на Мирград-Земле. Но не нуждалась вещь эта, чтоб ею управлял ас. Мог быть то кто угодно — проста и легка была птица в полёте.

Отправил весточку Морей Киру и супруге его Ории, что, мол, незамедля прибудет с подарками дорогими и желает торговлю вести с Мирград-Землёй; да всячески подсоблять златом и каменьями, коли надобно, без своей выгоды, благодарствуя за книгу железную, кою постигнув, смог узреть зерно света во мраке жизни.

Ответ пришёл немедля, что будут рады дорогим гостям на Буяне и что уж готовят пир, чтоб встретить достойно соседей добрых.

За время отстройки града стольного на Буяне, да и опосля, Кир поменялся. Была то во многом заслуга супруги его новой — Ории. Дружбу водила та со Вселой и Еремом и часто захаживали друг к другу в гости, так запросто, без особых причин.

Знал Кир, что Ерем со Вселой в Белозёрье нынче и заняты делами важными, посему не стал тревожить друга своего и жену его, а все силы свои направил на встречу гостей дорогих из мест дальних, понимая, что когда-то, хоть и не помнил того, да был врагом лютым для князя Морейя. Да что было, то былём поросло. Нынче всё изменилось.

Армея встретила Аркона у края озера. Ступил тот на берег, и посох вновь принял прежнее обличье. Поглядев на него, женщина заметила, что одёжи юноши остались сухие.

Было то не просто сделать даже умелому волхву, и поняла она, что грядёт наверху, и предположила для себя, кем был Аркон прежде, да промолчала.

Сродниться так с посохом лунным было под силу лишь людям древнего рода с луны, что Луной называется. Видать душа Аркона много лет прожила уж на свете белом и по своей воле вернулась обратно на Мирград-Землю, чтобы помогать людям добрым в делах и начинаниях.

Пройдя немного вдоль берега, Армея окинула взглядом хоромы, что простирались по-над Белым Озером, и молвила слова, которые не были знакомы ни Аркону, ни Мирану. Да всё ж чуял сын Одина, что понимает всё ей сказанное.

Разошлось тут небо синее и прям перед ними ступени показались, что было воистину дивом. Ступая вверх, все трое со скоростью невиданной поднялись к воротам хором светлых, кои приоткрылись — первой зашла хозяйка, пригласив вслед за собой юношей.

На удивление просторными показались палаты. Да были то не палаты, а выглядели изнутри, словно град целый со множеством изб, мостов; и даже небольшая речушка текла и зелёная трава произрастала, тут и там покрытая цветами ухоженными, которые источали дивный аромат.

Невообразимо свободно почувствовал себя Аркон, очу- тясь внутри тех палат.

Трое направились, проходя мимо людей, что были заняты своим делом, не обращая никакого внимания на пришедших. Пройдя немного вглубь града, путники остановились подле небольшой избы причудливой формы шара. Приоткрылась дверца, и первым Армея направила внутрь Ми- рана. Тот свободно и раскованно зашёл внутрь, скрывшись за стенами, и дверь тут же затворилась.

Едва преодолевая любопытство, Аркон, еле удержался от того, чтобы подгляднуть за товарищем; но всё же решил ожидать, когда придёт его черёд, разглядывая ладные хижинки, что находились неподалёку, и веселящуюся детвору, которая возилась тут и там.

На Буяне все готовились ко встрече урского князя, что должен был прибыть с минуту на минуту. Было то увлекательное зрелище. Столы ломались от яств, и люди смотрели на друг друга, не скрывая радости. Скоморохи веселили народ, коротая время перед пиром. Кир и Ория от души смеялись, взирая на проделки талантливых шутников, которые кувыркались в воздухе, показывая необычные трюки.

Вот уж птица огненная, та самая, на которой когда-то прибыл Кир, присела на землю в специально отведённом для неё месте. Морей с Мизидой были тоже полны чувств. Привезли они всех, кто желал навестить свою землю из народа, что был с малого острова.

Только вышли из чрева птицы князь урский с супругой, как началось настоящее веселье. Засверкали тут и там вспьшки огней, приветствуя гостей. Кир пожал могучую руку своего бывшего противника и на этот раз искренне был рад этому.

Распахнулась дверца и из избы-шара вышел Миран. Взор его был непохож на прежний. Очи от напряги были красные, словно не спал он время долгое. Не молвил ни слова, а пройдя чуть немного, прилёг вдоль дороги под извилистым деревом, что произрастало из земли жёлтого цвета подле избы, где слышался шум ребетят.

Настала пора Аркону зайти и узнать, кем был он прежде. То был выбор его, мог он отказаться от затеи, да будь, что будет — решил изведать себя и шагнул вперёд.

Комната внутри была устлана чем-то мягким, словно ковёр. Почувяв это, юноша скинул с себя сапоги и босиком остался стоять.

Скамья была посреди тех палат малых и три огнища горели с трёх сторон келии. Не было даже оконца, и дверца затворилась, исчезнув посреди стенки. Огоньки мерцали цветом разным — один из них был жёлтым, другой синим и третий красным, словно огонь обыденный.

На краю скамьи стояла чаша со студёной водой. Плеснул, было, сын Одина на лицо водицы да присел, не торопясь, облокотив свой посох об угол скамьи.

Мал по малу дрёма одолевать стала Аркона, и через несколько мгновений, словно прежде в Нави, стали представать образы пред очами, да в этот раз видел всё юноша со стороны.

Кир с Орией да Морей с Мизидой сидели во главе стола, посреде празднества великого. Люди ели и пили, восхваляя обоих правителей, желая им здравия от всего сердца.

Принял дары Кир от бывшего своего противника, но ни тот, ни другой не помнили зла.

Так шло всё своим чередом. Улучив минуту, предложил Морей князю буянскому уединиться. Тот отправился, ведомый своим новым другом, в глубину палат княжеских.

Подошли оба к оконцу, расписанному цветными узорами, и поведал урский владыка, что три птенца — то вещицы диковинные да нет им равных в быстроте и прочности во всём небе тёмном.

Решил тут Кир испытать одну из вещиц. Морей лишь заулыбался да предложил испробовать вместе, на что его умельцы способны.

Порешили вдвоём отправиться на Землю, где росли плоды на древе чудесном, кое давало урожай дюжину раз за срок малый. Фрукты с древа того могли накормить своим соком и мякотью весь остров Буян, и оставались сытыми бы люди дюжину дней длинных. Землюшка та была далёка от Мирград-Земли, и коли забредали туда птицы железные али колесницы огненные с Буяна — непременно привозили те плоды.

Сказано — сделано! Раскрыли чрева птенцов малых Кир да Морей, да уселись каждый в

своего.

Вот вспорхнули уж птенцы — птахи малые. Средь пира никто и не заметил, что хозяин его и гость дорогой отлучились.

Пробежало струйкой тонкою по спине начало светлое, словно заря осветила росы, и память возвернулась к Аркону. Завидел он себя, глядячи со стороны посреде площади огромной, что кишела людьми, и знал он, что то было одно из событий, которое повернуло душу его лицом к свету.

Знал так: мол, была то Мирград-Земля во времена давние, и жили люди в счастье, не ведая невзгод; да служили народу звери диковинные, в причудливых формах выродившиеся, и всё вокруг было зелено. Травы да цветы не походили на те, что нынче произрастали, и избы были ладно сложены да по-другому. Но не было то главным. Почуял Аркон, что был в те поры женщиной и матерью, и двое сыновей его были прилежными учениками у старца седовласого, и словно часть души его была где-то не с ним. Остро почуял он это в один миг и осознал, что ровно половины не достаёт.

Завидел и вспомнил когда-то забытые времена. Да опосля, крови было пролито немало людьми пришлыми из земель иных, что за краем тёмного неба; да народ сдюжил, прогнав скверных духом.

Долго смотря в глубины души своей, не заметил юноша, как быстротечно время. Уж прошёл день, другой, а он так и глядел со стороны на всё и вся, и помнил мелочь любую; и знал, что может намного больше того, чему был обучен; и ведал, где искать вторую половину души своей.

День выдался на редкость яркий — все четыре ярила освещали Землю, где плоды чудесные произрастали. Были те места дикими — никто не проживал там из рода людского — ни уры, ни другие твари разумные. В лесах дремучих водилось зверьё, да реки с ручьями были полны рыб да прочих, неведомых глазу, причудливых обитателей подводных.

Кир да Морей расхаживали вдоль цветущего сада, за которым никто не смотрел, а деревья чудесно росли сами по себе, продолжая давать урожай за урожаем.

Набив две сумы плодами заветными, оба правителя уж были сыты, лишь пригубив немного мякоти. Кир предложил окунуться в одном из ручьёв, что протекал неподалёку, да в обратный путь опосля отправляться.

Морей кивнул ему в знак согласия, а сам отправился на просторный луг, где ароматные травы кружили голову, и решил нарвать цветов для своей супруги Мизиды — та уж почуяла, что князь урский далёко, да не подавала виду пред гостями, а лишь увлекла за собой Орию, чтобы поведать ей о пропаже Кира и Морей.

Морей с Киром наслаждались красотами неопишутыми. Вода была тепла в ручьях да в речушках, и плескались они, словно дети малые.

В один миг, вдруг невесть откуда появилось что-то, не входящее в разум человеческий, и предстало перед очами друзей. Был то Дух бесплотный — повелитель той Землюшки. Воспрошал он гостей незваных, почто они тревожат покой?

Не был похож Дух тот ни на человека, ни на зверя, ни на растение. Словно ветер, гулял меж дерев и, играючи, расплёскивал воду из ручья.

Не видели доселе такого ни правитель урский, ни князь с острова Буяна. И не молвил Дух тот слово человечесь, лишь в мыслях своих слышали, как он речь ведёт, князья.

А случилось всё давным-давно. На Землюшке той малой жил народ, что не строил хоромы да избы, а пребывал многие лета средь покоя, живя в счастье, плодясь и размножаясь на просторе вольном.

В один из дней пожелали люди пришлые забрать к себе в рабство обитателей того места,

что жили без забот на Землюшке малой, да прилетели на птицах железных, чтоб вершить дела лихие.

Полегло много из жителей местных. Другие были увезены в рабство, в Земли дальние неведомые. Но всё ж, не пожелав родиться вновь в теле брэнном, души людей тех через время долгое в образе предстали чудном, кой вопрошал нынче ответа у Кира с Мореем.

Не было злобы и нечисти от Духа того, лишь противился он всякому, кто тревожил покой рек и кто задерживался на Землюшке.

Плоды дивные были творением той сути бесплотной, и вкладывал он все силы своя в растущие в тех краях дерева, побеги и кустарники, и прочие травы.

Оба князя ведали, что не отпустит так просто Дух их, и будет нелегко избавиться от напасти. Всё ж они пребывали в спокойствии, думая как быть дальше, строя наперёд свои замыслы.

Передвигаясь медленно, будто от натуги, вышел на свет белый Аркон из избы-шара. Глаза долго не могли привыкнуть к свету, и стояли образы, возвращая память прежних жизней и их события.

Понял тогда сын Одина, что не имеет границ жизнь человечья, и что душа воплощаться может бесконечно и помнить всё и вся.

Армея предложила юноше отправиться в дом его отца на острове ущербном. Тот согласился, не выдавая видом своим никакого интереса, лишь пытаясь сложить все воспоминания в голове. Двигался несколько замедленно, словно тело было чьим-то чужим.

Выйдя из хором просторных, что висели над Белым Озером, направились двое, Армея и Аркон, в новый дом отца, что находился у самого края острова ущербного. Посох из древа лунного придавал силы, питая светом своего хозяина и как бы желая узнать о том, что у него в мыслях.

Долго ли, коротко ли — вот и отчий дом. Распрощавшись с женщиной, что подвела его к вратам, юноша ступил на порог. Будто налившись силы, в один миг, набрал в себя и осознал всё, что было прежде с душой его многострадальной. Также видел часть того, что предстояло пройти через время короткое.

Один сидел посреди залы на лавке, перебирая скрижали железные, и подле него лежало нечто, доселе Арконом неведомое. Походило оно на книгу железную да было формы неровной, да углы от древности той книги покосились, то ли от жара великого.

Юноша приблизился и обнял отца. Только теперь понял, как было тяжко в разлуке.

На Буяне-острове три дня уж минуло, а князя всё не ворочались. Жена Морея, Мизида, тревогу сердцем чуяла да прям не знала, что и делать. Ория пребывала всё ж в спокойствии — знала, что Кир должен воротиться скоро.

Тем часом правители с Духом Землюшки плодоносной вели беседу длинную. Видел тот их насквозь и знал, что зла не держат. Да всё ж было ему любопытно, что деется в Землях других, откуда прибыли путники.

Уговорились правители из мест дальних с Духом Землюшки Малой, что отпустит он их, не принеся вреда, да всё ж желает побывать в тех местах, откуда они родом. Посему обернётся двумя разными вещицами, и Кир, и Морей, непременно должны взять их с собой.

Сказано — сделано. Морею, князю урскому, достался Камень Самоцветный, а Киру — Жар-Птица, что огнём сияла и глаз радовала пуще всякого света яркого. Схоронил он эту птицу диковинную под рубахой.

Вот и решили в путь домой собираться. Забрались в птенцов малых да взлетели в небо тёмное.

Тут словно радость на сердце у Мизиды почуялась. Знала, что супруг её вот-вот воротиться должён да поведала о том Орие. Да стали уж обе дожидаться князей без волнения и тревоги.

Тем часом, расхаживал Аркон по хоромам своего отца светлым да скрижали разглядывал, что начертали Ерем да правители белозёрские. Вершить дела важные предстояло юноше. Знал о том Один и был терпелив, объясняя всё сыну.

Ерем уж давно отпустил лиходея Товеера, как и было Родом Лунным сказано. И тот, вернувшись в селение своё, рука об руку с новым сотоварищем Эдо не тратил время даром.

Думали они вместе, как, преграды преодолев, пробраться в страну Арию да сокрушить правителей её да людей светлых. Прочие народы ждала участь в рабстве тяжком закончить жизнь свою.

Всё ж частица света окропила душу Товеера тёмную, и капля по капле, делая своё дело, светом её наполняла.

Невдомёк было хозяину об этом. Искал он пути окольные, дабы войско собрать — кривдой пытался ослепить людей. Всё ж были те, что следовали за ним, да многие противились.

Взошло семя, Кожаном засеянное, и тут и там. По всей Мирград-Земле объявлялись витязи тёмные, ну а управой на них должен был стать Аркон.

Едва забрезжил рассвет над островом Буяном и ярило осветило верхушки деревьев, два птенца малых присели на краю обрыва, по-над морем, где людей-то вовсе не было. На отшибе, за скалами, начинался лес.

Уговорились меж собой Морей с Киром никого не посвящать в их тайну. На том и порешили, пожав друг другу руки крепко. Затем уселись во чрево птенцов малых и через несколько мгновений уже очутились в хоробах княжеских, посреди двора.

Мизида вместе с супругой Кира вышли во двор встретить мужей своих. Те вели себя, как ни в чём не бывало — улыбались да шутки шутили.

Велел Кир слугам суму с плодами дивными в палаты занести.

Морей, недолго думая, решил откланяться и, распрощавшись с хозяевами гостеприимными, собрался в путь дорожку — во земли урские, в коих теперь безраздельно власть держал.

Мизида почуяла, что чего-то недоговаривает её господин, да решила на после расспросы оставить.

Взлетела птица огненная — только её и видели.

Да и Кир притомился изрядно и удалился на покой, призвав к себе Орию, супругу верную.

Когда уединились двое, достал князь из под рубахи Жар-Птицу, что сияла светом ярким и пела песни голосом дивным. Не стал в клетку её сажать, умастил в головах подле ложа своего да приоткрыл оконце — мол, коли надобно, Дух Землюшки Малой покинуть может хоромы княжеские, ежели пожелает. Супруге же не стал ведать, что то за птица и что таится под обличьем её светлым.

Хоть и стоял день яркий на острове Буяне, да всё ж уморила дорога длинная князя, и задремал он. И во дрёме узрел лик, доселе невиданный, — то был образ Духа Земли Малой, что пребывал нынче на Буяне. Начал Дух речь держать пред Киром.

На Белом Озере, на острове ущербном, сидел во хоромах отцовских Аркон да перебирал скрижали железные. Отец уж растолковал ему, что почём и где хоронятся воины тёмные, кои пред ответом предстать должны. Миран находился по праву руку от Аркона и смотрел с преданностью в глазах на своего друга.

Ведал сын Одина, что пред тем, как ополчиться на людей, смуту сеявших, надлежит ему Арила увидеть. С глазу на глаз старик должён поведать юноше заветного снадобья тайну, кое раскрывает душу человеческую, словно бутон, и воедино соединяет все причудливые формы, что таит суть людская.

Зелье то издревле люди мудрые во ступах толкли да каждому, испившему его в час отвеждённый, открывались просторы, глазу человеческому незримые. Не было то зелье дурман-травой, кою племена разные за свет чистый принимали. Было зелье легко в приготовлении, но поведать таинство его составляющих мог Аркону только сам Арил.

Предстояло вскоре в дорогу вновь собираться. Но на этот раз без провожатых.

Дух Земли Малой был дружелюбен и не пытал ненависти или вражды. Кир, во дрёме пребываючи, завёл с ним беседу длинную.

Чуял Дух тот за много вёрст, что происходит во Мир-град-Земле, и рассказал князю с острова Буяна о разных событиях, кои сокрыты были от него для его же блага.

Подивился Кир всему, что было сказано, да не стал упрекать родных своих и близких, да друзей-товарищей из земли арийской; лишь сожалел, что не довелось ему самому справиться с напастью тёмной.

Поблагодарил он Духа с Землюшки малой да спросил, как ему звать-величать его. Тот, немного погодя, Жар-Птицей кликать его велел. Да Жар-Птицу, в кою обернулся, на показ просил людям с острова Буяна выставить.

Посредь ярмарки, сказал Дух, шест огромный вбить да усадить Жар-Птицу на него. Да не тревожиться за охрану. Коли дурное что человек задумает, украсть али навредить той птице — ослепит она его враз и станет он незрячим. То будет в назидание людям лихим.

Пообещал Дух уберечь князя с его супругой от напастей и надеялся, что в один из дней сможет отдать часть себя, вложив её в душу человеческую, чтоб снова возродить былое величие. На том и закончил беседу.

Открыл очи Кир и усталость как рукой сняло. Было уж темно на дворе.

Кликнул он порученца своего Лета, да велел Жар-Птицу на шест длинный водрузить посреде ярмарочной площади, как и было Духом с Земли Малой велено.

Лет служил при дворе давно и был расторопный малый. Ходил он в любимцах у князя и княгини. Все поручения ихние выполнял немедля и был на хорошем счету у всех домочадцев и слуг, и прочей челяди во дворе княжеском.

Долго ли, коротко ли — Морей с Мизидою уж достигли во птице огненной владений урских.

Отдохнув славно, князь поговорил с Духом Земли Малой точь-в-точь о том же, о чём и Кир держал беседу. И пришли к согласию они с Духом, что Камень Самоцветный, который достался

Морею, на показ должен быть выставлен во Земле главной, во граде стольном, да чтоб каждый мог тот камень узреть.

Поразмыслив надо всем да спросив совета у Мизиды, дал согласие князь урский. И вот,

посреди площади, перед дворцом его, воздвигли колонну каменную, а на вершину её выставили тот самоцвет всем на обозрение.

В стране Арии, тем часом, уж пришёл срок Аркону отправляться в место условленное. Собрался он, недолго думая, в путь-дорожку. Не забыл взять друга своего Мирана.

Уговор был с Арилом, старцем седовласым, встретиться в месте, отдалённом от взоров людских, в краю лесов дремучих да гор крутых. То место было неподалёку от поселений, в коих народ с цветом кожи тёмным проживал.

Хоть и мог совладать с собой юноша, да всё ж волнения терзали душу в предвкушении встречи с наставником своим.

Вкопали шест длинный на ярморочной площади и Жар-Птицу водрузили на оный, как и было велено князем бу-янским.

Лет проделал всё сам. Слабая душа его не смогла противиться, когда Дух Земли Малой в неё проник.

Слез парень с шеста, а народ диву даёт, эку диковинку Кир из дальних странствий с собой привёз.

Часть Духа привезённого стала слугой Кировым и он стал его частью, только никто о том не ведал.

Бывало уснёт Лет крепким сном, а опосля, пробудившись, никак в толк не возьмёт, как оказался далеко от своей опочивальни и палат княжеских; в лесу, например, али на горе высокой. Так и жил Дух в теле Летовом, в душе его затаившись, да всё смотрел во все глаза и постигал мир новый, неизведанный для него.

Прошёл слух по Мирград-Земле, мол, птица диковинная есть на Буяне. Прознал про то и Ерем, и правители белозёрские. И давай пытаться Кира с Орией, что, мол, за Жар-Птица така, да где он её раздобыл. А те всё над ними посмеиваются да отшучиваются.

Знали лишь Мер да Лель в чём подвох. Чували они присутствие силы чужеродной, местам здешним незнакомой, да решили поведать о том сыну друга своего, Яра. Обратившись в старца, направились в терем золочёный.

В землях урских лихие люди, сподвижники былого князя, прослышали о камне самоцветном, что Морей водрузил у всех на виду. Думали они, что сила в камне том имеется, чтоб господина своего Шена пробудить, и тайком ночью направились, чтоб похитить вещь драгоценную. Было невдомёк им, что таится внутри самоцвета.

Глубокой ночью пробрались трое на лодке железной, что по небу летала, ако по морю. Решил один из них камень драгоценный забрать и протянул руку. Двое друзей сидели, ухмылявшись и дивясь тому, что князь урский не приставил охрану к сокровищу.

В один миг вспыхнуло полымя, ослепив неудачливых грабителей и лишив их дара речи, сковав по рукам и ногам. Так и остались уры сидеть в лодке подле колонны.

Обернувшись плащом, сын Одина Аркон, вместе с другом своим Мираном, вмиг очутился среди чащи леса густой, неподалёку от места, названного старцем седовласым.

Арил уж поджидал учеников своих подле ручья. День светлый освещал край опушки. Мудрец сидел на выкорчеванном и перевернутом пне, опираясь на свой посох.

Поклонившись ему, юноши слушали его рассказ.

Старец, что вбирал в себя Леля и Мера, размерено шагая, поднимался по ступеням, кои вели к терему золочёному. На крыльце хозяин с хозяйкой уж заждались гостя.

Наверху, за столом дубовым в форме круга, заседали все четверо правителя белозёрских — Перун, Сура, Семаргл и Один. Старец немедля поднялся ко всем.

Ерем вынес кувшин с душистым отваром из трав, аромат которого развеялся по всей зале. Всела разлила напиток в небольшие чарки. Часть трав была собрана на Раде-луне, а другая во Мирград-Земле, в местах чистых и светлых.

Гости говорили долго о смутах, что тут и там возникали в государствах разных, и о людях скверных, что питались от души тёмной Кожана, коя раскололась на множество частиц. Не было уж таким тяжёлым положение и могли все, находившиеся в зале, расправиться со смутьянами в два счёта, да всё ж знали, что помимо осколков души Кожана тёмной, пребывает Душа Яра светлая в каждом из людей. Ожидали возвращения Аркона и питали надежды, связанные с этим молодым парубком.

Испив немного зелья душистого, старик, что вмещал в себя души Мера и Леля, поведал всем присутствующим, что сила великая, привезённая Киром из мира иного, пребывает во Мирград-Земле на острове Буяне, и что доселе не ясны намерения силы той.

Подумав, все решили немедля кликнуть Кира да разузнать у него — что почём. И коли придётся обманом привезти его, то не будет соромно за это никому, ведь неизвестность не откроет глаза на решение вопроса.

Ерем вызвался привезти князя буянского и, недолго думая, направился во хоромы светлые княжеские, выпорхнув из оконца птахой малой.

Растворив ставни на окнах, Морей глянул в окно. Увидев лодку, что по небу летала, подле колонны и Камень Самоцветный, что на своём месте пребывал целый и невредимый. Велел слугам привести к нему воров дерзких.

Едва очутившись во хоромах князя Морья, зашевелились уры — зрение вернулось и дар речи. Взмоли- ли о пощаде. Велел князь, признав в них сторонников Шена, бросить их немедля в темницу. А после, когда снова стало тихо вокруг, и все жители города уже спали, надел он сапоги железные, что носили хозяина по небу, и направился к камню самоцветному проверить, как Дух Земли Малой живёт-поживает, и не побеспокоил ли его ночной визит гостей незваных.

Арил громким голосом рассказывал о снадобье заветном, что в любом пробуждало силы души. Но не было трудным его приготовление, чему подивились Аркон с Мираном. Открыв свою суму, зачерпнул слепой старец в ручье водицы студёной и велел развести огонь двум его ученикам — те с усердностью принялись за дело и, немного погодя, уж пылал костёр небольшого размера, но такого, чтоб хватило вскипятить воду, что в котелке.

Едва был слышен шелест прибоя за стенами хором княжеских на Буяне. Кир и его супруга Ория сидели за столом дубовым и вкушали сладость плода, привезённого с далёкой Землюшки князем. Вдруг на край стола уселась птаха малая, а через миг обратилась уж Еремом. Были оба рады гостю.

Предложив отведать плода сочного, Кир протянул ломоть мякоти, отхваченный на скорую руку.

Ведал о плодах тех Ерем. Поблагодарив хозяина, пригубил он мякоть сочную, а ещё через миг, опустил к себе в рот. Хоть и пролежал фрукт время достаточно долгое, всё ж таял внутри, словно лёд, источая дивный аромат и насыщая утробу.

Струйка сока потекла вниз по бороде Ярова сына. Тут услужливый порученец Лет протянул ему сукно, вроде рушника, что сейчас найти можно в любом жилище.

Заметил Ерем блеск света в глазах у слуги, да был тот свет знаком ему. Поблагодарил его в ответ, сдержав своё удивление, да поинтересовался, как здоровье князя и княгини.

Те рассмеялись в ответ, и Кир рассказал о приезде Морей и о его подарке — птенцах малых, что за много вёрст в мгновение ока донести хозяина своего могут.

Выказав удивление и восхищаясь подарками, Ерем предложил князю прогуляться в саду, что прилегал к хоромам.

Взывал Морей к Духу с Земли Малой, вертя в руках Камень Самоцветный. Через миг услышал словно голос внутри себя. Был то Дух и говорил он, мол, вселил он сущность свою в трёх грабителей дерзких, что упрятаны были в темницу, да велел их отпустить на все четыре стороны, уверяя, что нет в том опасности.

Морей тотчас восточку послал и стражники освободили трёх лиходеев.

Поведал Дух также, что через время малое вернутся все трое ко двору да будут служить верой и правдой новому господину Морюю.

Подивился князь урский услышанному, но — уговор есть уговор. Водрузил самоцвет на прежнее место, а сам собрался на одну из Земель дальних, в которой пребывал, читая книгу железную, позвав с собой Мизиду. Пожелал отдохнуть от суеты мирской да повстречать друзей старых, что были ему опорой во времена смутные. Немедля отправился в дорогу.

Склонившись над костром, трое смотрели на бурлящую в котелке воду.

Арил вынул из сумы крапиву, горсть ягод сушёных, что нынче можжевельником кличут, да велел Аркону с сотоварищем своим нарвать свежих листьев мяты — то был рецепт зелья.

Бросив вначале ягоды, старик произнёс три слова:

«ЖИВО, ЗДРАВО, СВЕТЛО». Затем размял меж ладоней стебель крапивы с листьями колючей. Опустив его в бурлящую воду, повторил слова сызнава.

Когда подспели листья мяты, выбрав самые малые из них, скатал их меж ладоней в шар небольшой, зажав плотно, пока не полился сок. Опосля, стряхнул всё с рук, произнеся вновь слова.

Подождав немного, достал причудливый кувшин из сумы, словно из глины; да был тот весь прозрачный и коли уронишь, то не разобьёшь. Положив поверх горла кувшина небольшое ситице, вылил содержимое так, что ни один листочек, ни одна ягодка, не попала внутрь склянки. Опосля, листья и ягоды бросил в огонь, кувшин поместил в суму да велел парубкам ждаться, пока ярило взойдёт сызнава, начиная новый день.

Все трое перебрались на высокий уступ, за которым начинался обрыв.

Встретили Морей с радостью уры и люди с острова малого, что были привезены им из Мирград-Земли. Вся родня супруги его Мизиды проживала неподалёку. Вот, переждав немного, решили они посетить их скромное жилище.

Изба, в которой жили мать и отец супруги князя, не отличалась особым убранством, но комнаты были просторные. Легко дышалось, так как за окнами простиралось море бескрайнее со множеством островов.

Мизида надела лёгкие одежды, которые едва прикрывали красивое тело. Поклонившись отцу её и матери, Морей кликнул двух уров, и те стали проворно заносить в избу подарки разные — вещицы диковинные и прочий скарб, нужный в хозяйстве. Отец, человек степенный, взглянул с одобрением на урского князя и увлёк его за собой в дальние палаты избы.

Некогда блиставший красотой сад Кира всё ещё не был полностью восстановлен после урагана, который навёл Товер. Тут и там торчали сломанные деревья, но слуги исправно работали в дальнем углу, высаживая новые деревья и цветы, завезённые из разных мест.

Недолго думая, Ерем стал вопрошать князя буянского о плодах, а затем и о силе, которую мог почувствовать каждый ведающий человек на Мирград-Земле; и о мыслях на тот счёт, что не давали покоя многим жителям Белозёрья, государств, и племён разных.

Тихо улыбнувшись, Кир призадумался, да всё ж поведал немного, переведя разговор в другое русло. Дескать, мол, выторговал у купцов заезжих Жар-Птицу да и всё тут, а что силой она могучей обладает — о том он не ведаёт.

Понял тут сын Яра, что солгал ему князь, да не увидел злого умысла в речах его. Второпях распрощался, принял образ сокола быстрокрылого и вспорхнул во чисто небо, очутясь через несколько мгновений подле шеста на ярмарочной площади.

Арил и двое учеников его дождались наконец-то сумерек, ведя разговоры о том, о сём. Не заметили, как стемнело. Уступ перед пропастью порос густой травой. Там и улеглись передохнуть до рассвета.

Старый житель с острова малого чем-то походил на правителя урского, и неудивительно — ведь были они одного рода-племени. Всё ж уры превосходили их в физической силе, но душа у многих не могла преодолеть предела, установленного Родом Лунным.

Старик остановился в одной из дальних палат, поблагодарив зятя за дары им принесённые, и начал беседу, неожиданно для Мороя, о Духе, привезённом с Земли малой.

Было невдомёк князю, как прознал про то отец супруги его, ведь он даже с ней ни словом о том не обмолвился. Вся хитрость была в том, что старый тесть сильно превосходил свою дочь и всех остальных в ворожбе и искусстве предсказания и мог прочесть мысли любого живого существа ако книгу.

Встревожила отца Мизиды одна вещь, что проникал тот Дух, Мореем привезённый, во всё и вся без разбора, и не делил людей на добрых и лихих. Попросил он у князя урского быть осторожным в его решениях. Тут разговор неожиданно прервался — в палату вошла Мизида.

Жар-Птица сияла своим великолепием. Люди на торговой ярмарочной площади восхищались её величием. Сокол, покружив немного, присел на краю шеста в аккурат подле Жар-Птицы. Та, не испустив ни звука, повернула голову к нему, словно шепнув что-то, и в тот же миг две птицы взвились вверх и растаяли вдали.

Стража, что толклась на ярмарке, тут же послала весточку во дворец к Киру. Тот не был удивлён или встревожен. Знал он, что Ерем от своего не отступится — захочет дознаться всего без промедления, и велел доложить ему, коли воротится Жар-Птица на место прежнее.

Проснувшись ещё засветло, старик и двое его учеников уселись на краю обрыва. Лёгкий утренний ветерок трепал космы Арила. Неспеша достал тот склянку с зельем, откупорил крышку и, когда первый луч ярила скользнул по уступу, велел выпить половину отвара Мирану залпом, а другую половину преподнёс Аркону.

Трое уров-лиходеев, что пытались похитить Камень Самоцветный у Мороя, находились в смятении и растерянности. Когда стражники отпустили их из темницы, те отправились восвояси, но всё ж чуяли, что что-то не то делается с телами ихними и душами.

Самого проворного из них звали Агел, он был выше других ростом и намного превосходил в силе любого среднего ура. Никогда не отличавшись познаниями глубокими, он вдруг почувствовал в себе возможности ума безграничные в один миг. То был Дух Земли Малой, что завладел его сознанием и сознанием его опричников.

Агел направлялся после короткого визита назад во дворец к Морюю на поклон — просить прощения и разрешения быть при дворе и служить новому владыке истному, князю урскому всех времён и поколений. Такая мысль пришла в голову к нему и двум друзьям его горемычным, один из которых чувствовал недомогание до сих пор, но не помнил ничего с момента, когда вспыхнул свет яркий, ослепив всех троих.

Морей всё ещё находился вдалеке от столицы, и стражники у ворот, что вели в хоромы княжеские, не впустили ни Агела, ни его друзей. Но это не остановило их — все трое уселись наземь пред дворцом и молчаливо начали ждать возвращения князя урского.

Жар-Птица и сокол летели на большой высоте крылом к крылу. Как не пыталась птица диковинная уйти, Ерем настигал её, и это нравилось Духу Земли Малой. Давно не испытывал он никаких чувств — здесь смешались самые разные.

Наконец, подле сосны высокой, что росла у края леса, уселись обе птицы на ветвь широку. Мысли Ерема дошли до хозяина тела Жар-Птицы — мол, кто ты есть, поведай да покажи своё обличье, желаю я и друзья мои тебе лишь добра.

Дух не заставил себя ждать, рассказав кто он, и что обличье его может быть разным, каким тот пожелает.

Немного подивившись тому, Ерем спросил, что ищет тот во Мирград-Земле, к чему стремится да по что хоронится ото всех.

Ярило осветило три фигуры, выходя из-за гор, что виднелись вдали. Аркон залпом выпил содержимое склянки, которое успело остыть за ночь. Чувствовался яркий мятный вкус, да крапива отдавала горечью, а ягоды — сладостью. Это сочетание приятно утоляло жажду.

Тут Миран засуетился и стал вопрошать старика, что за снадобье такое, мол, не чуёт он ничего особенного в себе.

Арил ухмыльнулся в густую бороду и велел закрыть глаза обоим, наслаждаясь зарёй багряной, что вздымалась всё выше и выше на небосклоне, приятно лаская утренним ранним светом лица обоих юношей.

Почуял в себе Аркон неожиданно силу особенную, что переполняла чашу его возможностей. Услышал тихий голос старца седовласого и также, в то же самое время, слышал он переживание своего друга Мирана. Птицы щебетали, радуясь восходу, и казалось ему, что понимает он их язык. Тут осознал всем своим естеством, что слышит он мысли людей и птиц, и прочих живых тварей.

Арил сказал открыть очи, взглянув на ярило, что медленно поднималось по небосклону.

Миран дёрнулся, протирая глаза, словно ото сна, затем взглянул на Аркона и снова на старика. Казалось ему, что *видел он всю суть ихнюю до мельчайших деталей и формы тел причудливые*^[106] и всё, что внутри, словно перед собой.

Воротившись, Морей заметил перед дворцом три фигуры, сидящие на земле. Ничего не молвил, отправился взглянуть на Камень Самоцветный и с Духом совет держать — как быть и как с лиходеями поступить.

Дух уверял, что изменилась душа уров этих на корню, и что будут служить ему, их новому господину, верой и правдой все трое. Также сказал, что у всех троих раз- бойничков теперь *душа стала обладать тремя новыми отростками*^[107], и коли немного подсобить, то не будет мудрецов равных им во всех землях урских. Попросил Дух приютить оных и на службу к себе взять.

Поразмыслив над сказанным, Морей ничего не ответил. Лишь искоса взглянул на Камень Самоцветный и воротился в хоромы княжеские отдохнуть с дороги — уж вечерело сызнава. Троих же сторонников Шена велел не тревожить до утра.

Прошло времени совсем мало на Мирград-Земле. Правители белозёрские да Лель с Мером в образе старца уж заждались Ерема.

Направиться решил Семаргл к Роду Лунному воспрошать совета, как быть с силушкой неведомой. Все пришли к согласию, что так тому и быть.

Удалившись в одну из комнат, чтобы остаться в тишине и покое да мысли, что вереницей вились, успокоить, Семаргл присел в ложе и задремал.

Оставшиеся люди за столом продолжали обсуждение дел во Мирград-Земле. Один получил весточку, что Аркон с другом своим Мираном уж в пути, и быть скоро встрече. Исполнить надобно дела светлые. Удел сына его был вершить добрые деяния во Мирград-Земле.

День уж занялся над уступом крутым. Собрались в дорогу домой ученики.

Арил растолковал каждому, как совладать силой новой, что открыло зелье, и как откроет сила та вра-

та безграничного совершенства души. Помнить велел о бренности плоти человеческой и обещал научить в другой раз, как сохранять тело своё в молодости и добром здравии.

В дрёме пребываючи, заручившись силою мысли своей, оказался Семаргл на луне, что Луной называется. Предстал Род Лунный пред ним в виде змея о трёх головах.

Не были страшны лики чудовища правителю белозёрскому. Был готов он к беседе длинной.

Воспрошал всё о силе, что привёз Кир на Мирград-Землю. Да ответ услышал, что всё сбудется в свой срок и мешать преобразованиям, что судьбой уготовлены, дело непристойное.

Поведал Род Лунный Семарглу, приоткрыв завесу грядущего, что сослужит Дух Землюшки Малой хорошую службу всем и вся и убережёт людей от страданий. Велено было отпустить по доброй воле силу ту на все четыре стороны, уж исход был решён.

Поблагодарил князь арийский предков своих да удалился назад, духом светлым в тело бренное. Открыл было очи — пред ним палата терема золочёного. Тишина и спокойствие. Кругом щебечут птахи малые за оконцем, радуясь чудесным воздаяниям природы.

То, что увидел Семаргл во дрёме, не велено было говорить ни единой душе. Были там горе и страдания, сменявшиеся счастьем и радостями — вся жизнь грядущая Мирград-Земли на множество сроков малых вперёд. Всё помнил он до единой мелочи и знание то жгло его изнутри.

Ерем уж уговорился с Жар Птицею, и та с ним вместе отправилась в терем золочёный — навестить правителей белозёрских.

Там уж пребывал Аркон, сидя подле отца своего Одина, да друг его закадычный, что притомился с дороги да прилёг вздремнуть в сенях подле входа в терем.

Как прибыли к терему, Жар-Птица девицей красной обернулась с длинными рыжими волосами, что доставали до пят, но всё ж земли не касались. Вслед за ней Ерем принял своё обличие и оба зашли в дом.

Семаргл воротился ко столу круглому. Хозяюшка Всела хлопотала, подливая гостям отвары из трав дивных и ароматных. Все обратили внимание на пришедших.

Дева, усевшись за стол, просила величать её Веледа и, не скрывая сути своей, открыла всем присутствующим, что она есть такое.

Семаргл уж знал обо всём да знал судьбу Духа того с Землюшки Малой и потому лишь он не выказал удивления.

Все, переглянувшись, сошлись на том, что лучше иметь силу таку в друзьях, нежели в противниках, да согласились принять Веледу и разрешить ей присутствовать на всех собраниях.

В далёких землях урских Морей пребывал в раздумьях. Пришлось рассказать ему всё, как есть, супруге своей Мизиде. Меж тем догадывалась о многом она сама.

Перед принятием решения попросил князь урский взглянуть в его будущность да поведать, что видит она там, и какие ждут его опасности, коли возьмёт и приблизит к себе трёх уров, бывших сподвижников Шена.

Не узрела ничего дурного предсказательница и поведала мужу всё, как есть. Но всё ж предостерегла — мол, осторожность никогда не помеха в таком деле важном, как правление государством. Решили обождать малость и проверить служек новых в деле.

Кликнул Морей старшего из них к себе.

Держал Аркон все руны, что были начертаны на скрижалях, уж в памяти своей. Немного погостив в тереме золочёном, распрощался он со всеми да в путь-дорожку собрался вместе с Мираном. Дорога лежала далеко за море синее.

На краю, подале от взоров людских, собирал Товер новую армию, заручившись поддержкой Эдо, который отрёкся от жёлтого князя и даже пообещал вернуться с огнём и мечём, чтоб низвергнуть его.

Были люди из простонародья, что основали те полчища, и было их семеро да за каждым была закреплена тысяча воинов.

Не отличались бойцы особой доблестью и в ратном деле не имели опыта, но вера питала их. Алчностью были полны их души.

Посреди пустыни бескрайней находилось их логово. Товер раскинул шатёр, и множество слуг было с ним.

Люди одурманенные думали, что пред ними новый повелитель Мирград-Земли, и верили, что расправившись со всеми княжествами, придут они постепенно в земли арийские, где ждут их несметные богатства.

Были и такие, что никому не верили, лишь золото жаждали их взоры угрюмые. Были то перебежчики, что немного разбирались в ратном деле. Они и обучали новых воинов искусству боя.

Уж вечерело. Аркон с Мираном очутились неподалёку от вражеских полчищ.

Взглянув повнимательнее, узрели оба количество несметное воинов. Даже не мыслили, что будет всё так. Решили отложить действие до утра. Помнил сын Одина наставления Арила и знал, как применить силушку и кто будет на пути его.

Веледа поселилась в тереме золочёном да просила призвать к себе Лета, что служил у Кира, объявив, что то супруг её.

Было не в тягость Вселе и Ерему принять гостей, тем более, что Дух обладал обширными знаниями и помогал лечить людей, что всё приходили. Веледа справлялась с этим лучше любого лекаря. Лет же познания о силе хранил и делился ими с любым, кто пожелает.

Не уходило от внимания Духа и то, что смута зрела в краях далёких. Ведал он и однажды предложил помочь с лиходеями управиться, дабы наложить печать забвения на чело тати.

Ерем передал слова его правителям белозёрским и Лелю с Мером.

Семаргл ответил на его весточку и сказал, что нет нужды в помощи; да что настанет черёд Духа, но будет то не скоро. Да поблагодарить велел от всех жителей Мирград-Земли за готовность помочь.

Агел поднялся по мраморным ступеням и предстал перед Мореем, колено преклонив. Мизида находилась неподалёку.

Князь урский согласился принять к себе на службу воина. Да двум друзьям его велел обождать али подсобить оному в деле. Меж тем, дал ему наказ отправиться на Зем-люшку, что соседствовала с народом иных тварей, непохожих ни на уров, ни на людей; да привезти из тех мест горсть самоцветов, кои были повсюду рассыпаны на берегу острова, посреде моря бескрайнего, что кишело чудищами и прочей нечистью. Сроку дал три дня.

Рано поутру, едва забрезжил рассвет, стали по разным сторонам вокруг логова воинов Товера Миран да Аркон. Заранее уговорились, как быть.

Миран вдруг вскрикнул, да так, что вся местность пустынная содрогнулась, и эхо долго стояло в ушах у всех воинов. Товер придавался утехам в глубине своего шатра, но глас всепроникающий содрогнул и его.

Выйдя, приказа л он воинам вознести его на помост. Тут заметил он фигуру Мирана, стоящего вдальке. Не-замедля приказал сотне воинов направить стрелы огненные на юношу.

В миг единый, словно рой пчёл, струйки тонкого света направились в сторону Мирана, но, не успев проделать и половины пути, замедлили свой ход да, словно нити, скрутились в клубок. Огромный шар вскоре клокотал языками пламени да ждал приказа своего нового хозяина.

Аркон, находясь вдальке на противоположной стороне, взирал на всё с неподдельным любопытством. Знал он, что силы, что раскрыло зелье у его друга загадочного, способны на многое, да не ведал, каков предел.

Меж тем, Миран мыслью преобразил шар огненный во чудище небывалых размеров; да, со прытью и скоростью огромной, змей тот направился назад восвояси к витязям, что породили его.

Занялось полмя, приводя в смятение врага. Вернувшись, чудовище изожгло тела воинов, что пустили стрелы огненные, испепеляя всё, даже кости.

Не шелохнувшись, стоял Товер, вознесённый над толпой на помосте. Обождав немного, призвал он силы природы, да в мгновение ока ураган обрушился на друга Аркона.

Понял сын Одина, что настало время проучить тать, и взмахнул своим деревянным посохом. Тот, словно обрадовавшись, звонко заиграл, благодаря своего господина, и буря, что вот-вот была готова смести Мирана с лица земли, приостановилась на мгновение да затем обернулась вспять, ведомая посохом лунным, наводя панику в рядах Товера.

Полегло тогда количество немалое воинов, так и не успев побывать ни в одном сражении. Полчища несметные словно были прикованы к выжженной солнцем земле, и те, что выжили, сожалели о том дне, когда по воле своей примкнули к Товеру али к другим тёмным людям.

Странное чувство наполнило двух друзей. После битвы они словно налились какой-то незримой силой, тонко ощущая свою суть да суть всех павших витязей.

Эдо остался в живых, да затерявшись средь толпы, решил, во чтобы то не стало, отомстить за содеянное зачинщикам. Товер, ударившись сильно о перила помоста, находился без сознания. Оставшиеся в живых воины сложили доспехи и сбрую да, преклонив чело, просили о пощаде.

Далеко от тех мест, во землях урских Агел направился выполнять наказ Моря, оставив двоих друзей своих подле дворца.

Слыла Землюшка та недобрым местом. Самоцветы в большой цене ходили; но всяк, кто пытался забрать хоть горсть, подвергался смертельной опасности быть разорванным чудищами морскими да всякими тварями, что не имели чувства сострадания и жалости ни к чему живому, лишь видя во всём пищу. Коли не Дух, что наполнял Агела, то б ни в коем разе не осмелился тот направиться в те края.

Позабыв про страх, ур сел на колесницу огненную да направился в место назначенное князем.

Через какое-то время Агел прибыл на одну из Земель — ту, что была в отдалении и где пообещал добыть горсть камней самоцветных для князя урского.

Бывший сподвижник Шена был здоровый детина, но прежде не мог и двух слов связать, а нынче можно назвать его было мудрецом из мудрецов. В миг единый зарево осветило его, и без боли и страдания получил он светоч знаний. Колесницу огненную оставил у моря студеного.

Покрыты берега были все песком серого цвета, и хоть ярило освещало всё довольно ярко, всё ж водица в морюшке была холодна.

Не заставя себя ждать, появились вскоре две твари. Не походили они ни на животных, ни на людей. Оскал всё ж имели звериный и меж собой толковали по-своему.

Воздух был такой на Землюшке, что не продохнуть — каждый вздох обжигал изнутри. Но не заробел Агел и зашагал навстречу двум причудливым созданиям.

Меж тем, на Мирград-Земле, Веледа и Лет людей лечили вместе с Еремом и Вселой. Проходили дни за днями и весел был лик людей, покидавших терем золочёный — дышали здоровьем и свет источали их тела.

Был Дух Землюшки Малой силён и не страшны были ему хвори человечьи. Исцелял он и детей малых, и мужей доблестных, да девиц красных, да ребятишек. Было вдоволь света и силы на радость убогим.

Тем часом Аркон покидал поле брани. Те, что в живых остались, поклялись служить ему верой и правдой и принесли клятву верности, да такую, что коли нарушат — быть всему ихнему роду проклятым во веки веков.

Эдо, притворясь убиенным, прикрылся телами своих витязей и затаил злобу великую на Аркона с Мираном. Товер был пленён и надлежало доставить его на Буян, на суд людской.

Оба юноши, изрядно притомившись, решили с новым войском, которое числом чуть превышало одну тысячу витязей, направиться в земли ирийские, откуда родом был Аркон.

Не чувствуя и капли страха, ур размерянными шагами направился в сторону двух тварей. Их оскал не смущал его, были они по росту примерно с крупного человека, и передвигались, так же как люди и уры, на двух конечностях.

Понял вдруг в один миг Агел, что различает их лопотание и понимает каждое слово. Хозяева мест этих были враждебно настроены, и один из них предлагал другому убить ура да высосать из него всю кровушку.

Вот уж осталось небольшое расстояние меж ними. Тут неожиданно бывший слуга Шена открыл рот, и из него полилась речь, которую понимали эти твари. Когда Агел закончил говорить, расступились они, указывая куда-то и давая дорогу. Тропа, по которой пришли жители местные, вела вверх на гору.

Поведали они ему, что надобно забраться на вершину, а затем спуститься вниз к берегу, где россыпью лежали камни самоцветные, за коими пришёл он.

Ничему не удивившись, приняв всё за должное, Агел побрёл уверенно вверх по тропе, взбираясь всё выше и выше в гору. Ему даже показалось, что дышать стало легко.

Сказали твари также, что доселе никто из его племени не говорил с ними на их языке, да что почуяли они силу в нём, и страх овладел ими в миг единый. Засеменили оба наверх, предложив стать проводниками на время пребывания гостя на земле ихней.

Ничего не ответил ур, лишь продолжал взбираться всё выше и выше.

На Мирград-Земле всё шло своим чередом. Вот как-то во сне привиделся Семарглу дракон трёхглавый, которого встретил он на луне, что Луной называется, и просил привести к нему Веледу.

Открыв глаза, правитель белозёрский, недолго думая, направился на Буян. Знал он, что придёт пора, когда Род Лунный захочет встретиться с Духом Землюшки Малой, да не думал всё ж, что случится всё так скоро.

Товера пленённого привезли на колеснице огненной к князю буянскому. Кир не держал зла, решив выставить лиходея на суд людской. Назначил день и час, да созвал народ честной собраться на площади ярмарочной.

Поселившись в своём старом доме, Аркон возвёл хоромы для тех, кто пожелал остаться с ним, и воины почитали его, как своего господина.

Желая угодить, один из бывших слуг Товера открыл Аркону тайну, где сокровищница со золотом и камнями самоцветными спрятана.

Взяв с собой три десятка лучших воинов, Миран отправился за богатством. решили построить в земле ирийской хоромы, да согласно укладу новому, решено было витязей обучать ратному делу в тех местах.

Твари с Земли, на которой находился Агел, умели общаться меж собой мыслями, и когда он поднялся на гору, то обнаружил там небольшое поселение. Тут и там стояли, скособоченные на вид, на скорую руку собранные, хижины из сухих толстых причудливых ветвей и плоских камней. Так и жили себе там и множили своё племя местные обитатели, охотясь на чудищ, что проживали во море синем. Да всяк, кто попадал туда, уж назад не возвращался.

Меж тем высыпало тварей наружу из их хижин тьма-тьмущая. Были такие, что поменьше — дети их стало быть. Все молча глазели на проходящего мимо них ура, уступая ему дорогу. Никто не осмелился и пальцем тронуть его — Дух сильно подавлял в них агрессию, делая всех кроткими и услужливыми.

Вот осталось селение уж позади, а двое тварей всё шли за Агелом, пытаясь помочь разыскать ему то, зачем он прибыл.

Спустившись вновь с пригорка, по другую сторону, заметил бывший сподвижник Шена множество камней, коими была усыпана небольшая бухта. Смерив взглядом сокровища, что лежали пред ним, вытащил он из-за пазухи небольшую суму; да была она наподобие той, что у Одина — бездонная, да только попросторнее. Были уры мастера в вещицах диковинных.

Тут Агел скомандовал двум тварям на ихнем родном языке, и они послушно начали собирать самоцветы горстями, складывая их в суму. Так продолжалось, покуда ярило не закатилось за море.

Тут море взволновалось и, окатив волной всех троих, показало на поверхность голову гигантского чудовища. Ур не заробел, а двое тварей перестали загребать камень да упали, уткнувшись ничком вниз, повинясь року.

Семаргл показался в дверях терема золочёного. Веледа уж заждалась его. Наказала она Лету исправно нести своё дело да продолжать лечить людей, что всё приходили изо дня в день да толпились на пригорке неподалёку.

Семаргл было открыл рот, чтоб поведать в чём суть, да было уж всё известно Духу.

Откланялась девица красная перед хозяевами, поблагодарив их за гостеприимство; да, взмахнув рукой, словно испарилась, через миг очутясь на луне, что Луной называется.

Род Лунный предстал пред Веледой в трёх обличиях. Два из них были старцы седовласые, а третья — женщина с молодым лицом да с седыми косами, заплетёнными в причудливую вязь и закреплёнными на голове.

Долго общались два Начала чужеродных^[108], да всё ж сошлись на том, что есть меж ними много общего. Никто не знал, чем закончился их разговор, но после него Веледа не вернулась на Буян, да никто о ней ничего не слыхивал более. Лет имел в себе часть малую того Духа да всё ж не стремился поведать никому правду обо всём. Семаргл имел общее представление о происходящем.

Недолго пришлось ждать Аркону. Через время малое воротились Миран да слуга, что указал на сокровищницу. Было у них злата и каменье немеряно.

Пройдясь по землям с посохом лунным, выбрал сын Одина место, где надлежало быть новым хоромам. Созвал он мастеровых из всех земель ближних и дальних, и те с усердием принялись за работу.

Чудище морское показало своё туловище и вот уже из воды на берег высунуло то ли лапы, то ли щупальца.

Не было таких тварей нигде, и доселе Агел не видывал ничего подобного.

Одно из щупалец прочно ухватило помощника ура, и через мгновение он уже был проглочен ненасытной пастью, не успев даже издать и звука.

Наверху в селении зажглись огни, так как стемнело, и раздавались звуки барабанов, обтянутых кожей, и причудливая заунывная мелодия, исходящая вроде из какого-то духового инструмента. На миг морской зверь встретился глазами с уром и замахнулся было огромным щупальцем, чтобы обвить новую добычу; но тут, в один миг, Агел выпрыгнул и нанёс сильный удар кулаком твари промеж глаз в шишковатую причудливую поверхность. Кулак так и вошёл внутрь, а чудовище, словно застонав, всё обмякло, и из дыры, зияющей на её уродливом лице, хлынула немного загустевшая жижа коричневого цвета.

Один из местных жителей, тот что остался в живых, был поражён храбростью ура и помчался наверх сообщить своим сородичам о великой победе. Агел смыл с себя кровь чудовища да продолжал собирать самоцветы в суму.

Во Мирград-Земле неподалёку от сада ирийского решено было возвести новый град стольный. Мастеровые исправно работали, а воины тем временем, не тратя времени, упражнялись в искусстве боя. Аркон руководил всем.

Также и отец его, Один, прибыл на место и гордился сыном безмерно; ведь не исполнилось ему ещё и семнадцати сроков малых, как стал он героем и сумел одолеть врага и переманил людей, душами заблудших, на сторону света.

Сура, выразив своё почтение, послала юноше корзину плетёную с яствами из её родных краёв, да были то не простые плоды с деревьев, а выращенные специальным образом. Каждый, кто отведал той снеди, становился мудрее и храбрее, и хворь всякая изгонялась из тела. На вид то были плоды обычные, да знал уж тайну их Аркон и, принимая гостинец от девицы красной, отвесил поклон благодарности. Та улыбнулась в ответ и, ничего не сказав, отправилась назад в Белозёрье.

Собрались люди знающие из мест разных и каждый старался внести свою лепту в становление города.

Кир и Ория как-то вдруг скуку почуяли и, попросив Ерема присмотреть за княжеством в их отсутствие, оседлали птенцов малых, что были Мореем подарены, да направились во владения урские погостить у тамошнего князя.

Град назвали Аркона и стал сын Одина княжить там. Да, спустя долгие времена, возвращали воинов в тех местах — защитников.

Из сада ирийского множество плодов приносили люди добрые; да многие детей своих приводили на воспитание, и после учения там выбирали себе путь сами чада — могли остаться воинами, а могли вернуться к жизни ремесленной али другой, какой пожелают. Да и нынче остались великие воины, но все разбрелись кто куда по Земле-матушке. А покуда были тишина да спокойствие в Арконе.

Миран завсегда сам отбирал детишек, которых приводили родители. Видел он, словно насквозь, сущность любого человека и мог часто определить будущность и склонность к тем или иным наукам. Прежде, во времена давние, всяк мог это делать, да в те поры поубавилось прыти у люда простого. Не стремились они к высотам знаний светлых, живя в своём, замкнутом от всех, мире.

Прошло времени совсем мало, как Кир с супругой уж оставили Буян, да несли вмиг птенцы малые быстрокрылые своих хозяев во владения урские.

Вот подле хором княжеских очутились. Вышел Морей встречать дорогих гостей. Знал о том, что приедут заранее, да пир закатил, пошибче того, что Кир на Мирград- Земле имел.

Воротившись к Морею, Агел выполнил заданное ему да привёз камней самоцветных немеряно; и вдобавок уговор с жителями Земли той заключил, чтоб те исправно камни самоцветные собирали да оставляли в месте условленном, а двое друзей закадычных нового слуги княжьего были возить те сокровища поставлены.

Так стал ур знатным вельможей при дворе у Морей, и пир сиял великолепием и убранством, благодаря его стараниям.

Увидал князь буянский, как всё обернулось, да пожалел, что упустил Духа с Землюшки Малой. Да ничего тут не попишешь.

Шло время, менялось всё на Мирград-Земле, люди жили в счастье и радости, не имели забот многие.

Уж правители белозёрские, трое из них, решили, что достаточно пожилы на свете белом, да присоединиться к Роду Лунному спешили. Один, Семаргл и Перун покинули Мирград-Землю, и тела их были преданы огню.

Сура отошла от дел государственных и уединилась далеко в горах, в том самом месте, где Аркон когда-то проходил своё обучение. Арил всё ещё здравствовал; никто не знал точно, сколько летов ему было, да не всяк мог забрести туда по воле случая. Сура помогала людям хворым да и тем, что жаждали знания.

В Белозёрье так и не избрали новых правителей и решено было Мера с Лелем позвать, дабы в образе старца седовласого могли они помогать в управлении и мудрецов направлять на путь истный. Ерем и Всела заняли их место на Буяне, обратившись в две фигуры из золота — воина и воительницу.

Кир с Орией, оставив княжество и весь остров Буян Лету, перебрались жить на Раду-луну. Лет не любил роскоши и большую часть казны княжеской раздал вельможам и простому люду, за что его все почитали и превозносили. Умельцы всё также исправно делали вещицы диковинные.

Сын Морей правил в далёком княжестве урском, имя ему было Сила. Хоть и был пониже ростом самых маленьких уров, всё ж умел за себя постоять. Да трое бывших сподвижников Шена во главе с Агелом присматривали за ним и на удивление были полны сил.

Морей умер, и все дела Мизида поручила сыну.

Так шли срока малые и ничто не менялось. Аркон правил землями ирийскими, и прочие мелкие княжества возжелали стать частью его большого государства. Миран был завсегда рядом. И быстротечное время казалось застыло на месте для них. Обзавелись уж оба семьями и детей народили; и ведали только добро.

Конец первой книги...

Данная электронная версия книги распространяется бесплатно!

Если вы желаете оказать помощь в распространении печатной продукции издательства «Светлый Мир», обращайтесь по телефонам указанным внизу.

Издательство «Светлый Мир»: www.svetmi.ru

Тел.: +38-095-920-1696, +38-050-939-1089

E-mail: izdatelstvo@svetmi.ru; svetomir@slavyanin.org

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ АВТОРОВ!

Присланные рукописи не возвращаются

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

Сайт «Возрождение Славяно-Арийской Ведической Культуры»: www.slavyanin.org

Летописец Владимир Вещий Редактор Ю. И. Ли-Ер-Сян Набор текста, пояснения, рисунок карты Светомир (Д.В. Пасичник)

Твори добро — мир прекрасен!!!

[1] Подробнее об устройстве Вселенной, развитии способностей Человека и Силе Мысли можно узнать в книге Павла Светлого «Образ Родины Счастливой» и на сайте «Возрождение Славяно-Арийской Культуры» — www.slavyanin.org

[2] Издательство «Светлый Мир», 2010.

[3] www.slavyanin.org, www.slavyanin.com, www.slavyanin.net, www.slavyanin.info

notes

Ярило. Солнце.

Не молвя НИ слова, НИ полслова. Общение мыслями (телепатия).

Железная птица. Летательный аппарат. Технология народа асов. Корабли выращивались мыслью из определённого вида микроорганизмов, которые имеют двойственную природу проявления в мирах Яви и Нави. Движение в атмосфере происходило путём поглощения и выталкивания свободной энергии пространства микроорганизмами, управление которыми происходило с помощью мысли одного или нескольких пилотов в зависимости от размера корабля. При этом создавалась необходимая сила и скорость движения. Межзвёздные перелёты осуществлялись за счёт телепортации корабля пилотами в необходимую точку пространства через междумирье Яви и Нави (о мирах смотрите пояснение ниже). Эти звездолёты могли перемещаться как в Яви, так и в мирах Нави. Дальность и возможность полёта зависела от способности пилотов. По форме корабль был похож на гигантского сокола. Форма корабля могла изменяться.

Железные птицы кощеев и уров отличались формой, цветом и технологией. Корабли кощеев имели медный оттенок, некоторые были похожи на тарелку, некоторые на птицу. Управление кораблями тоже осуществлялось мыслью. Урские корабли были компьютеризированы. В основном управлялись автоматически, но также имели функцию ручного управления. Форма кораблей — круглая, тарелкообразная. Огненная птица (колесница) была окружена свечением, имела принцип устройства отличный от асовских и кощейских кораблей.

Земля. Планета. С заглавной буквы речь идёт о планете, с маленькой — о территории или почве.

Растаял. Переместился в пространстве (телепортировался).

Полынь-звезда. Оружие массового и локального поражения. Это направленный луч, который создавался мыслями живых существ. Свойства оружия зависели от силы и возможностей его творцов. С его помощью можно было пробудить звезду, создав взрыв сверхновой, нарушить процессы ядра планеты и многое другое. Кощеи воспитывали существ (людей), способных делать это.

Два ярила — зелёное и красное. Система из двух солнц с зелёным и красным спектром излучения.

Ора-Земля. Планета Ора — одна из системы планет, на которой жил народ ариев до переселения на планету Земля.

Птенцы малые. Малые летательные аппараты, которые несла в себе птица железная.

Мирград-Земля. Планета Земля.

Много вёрст. Упрощённое выражение. Во времена написания летописи не было понятий космических мер длины наподобие парсека или светового года.

Впорхнула птица железная в оконце тёмное, да вышла по другую сторону — в оконце светлое. Описание перемещения в пространстве (телепортация). Вход и выход из подпространства (междумирья).

Инград-Земля. Планета, существовавшая между Марсом и Юпитером. Сейчас на её месте находится астероидный пояс.

Живград-Земля. Планета Марс.

Племя цвета красного. Краснокожий народ — предки индейцев.

Морской народ. Русалы и Русалки. Известия об этом народе дошли до нас лишь в виде сказок и легенд. Вместо ног, морские жители имели хвосты, жабры находились на голове под волосами. Достаточно развитые люди морского народа могли принимать образ человека.

Люди С жёлтым цветом кожи. Жёлтокожий народ — предки китайцев.

Яр С народом. Белокожий народ — арии. Древнейший народ из пришедших. Часть ариев впоследствии смешалась с асами, поэтому можно говорить о том, что они являются предками русов (славян), но в меньшей степени, чем асы.

Вещее племя асов. Белокожий народ — предки русов (славян). Территория проживания этого народа до сих пор зовётся Азия — Asia-Асия.

Народ цвета кожи тёмного. Тёмнокожий народ — предки негров.

Инва-Земля. Прародина чёрнокожих.

Хоромы. Дома (жилища).

Срок малый. Год.

Страна Ария. Материк, существовавший в районе северного полюса. В центре материка находилось море, из которого выходили четыре великих реки, разделявших материк на четыре части.

Светице. Собрание людей просветлённых.

Ярило колобродило, да вокруг всё кружилось светлое. Ось

планеты в те времена не была наклонена и солнце кругом ходило над северным полюсом.

Был очень длинный день и такая же ночь.

Чудесная радуга. Северное сияние.

Нонче. Нынче (сейчас).

И тепла была речка-матушка. Море посреди страны Арии, из которого выходили реки, уходило вглубь до недр Земли, от чего нагревалось и всегда было тёплым. Поэтому и климат в тех местах был мягким.

Посадили Яра на вотчину. Избрали правителем.

Коцеи. Народ душой скверный (воплощение силы зла). Телосложение отличалось от человеческого — малый рост, серая кожа, отсутствие волос, большие чёрные глаза.

Служители кощеев. Различные народы с разных планет, порабощённые кощеями или перешедшие на их сторону. Как правило, люди с молодыми душами из слаборазвитых цивилизаций.

Огонь Духа чистого. Внутренняя сила Человека, которая увеличивается за счёт развития личности в духовном и материальном планах на протяжении всех её жизней. Чем развитее Душа Человека, тем светлее и сильнее он, и большими способностями обладает.

Луна. Единственная уцелевшая луна планеты Земля. В разные времена над Землёй было разное количество лун, но в связи с произошедшими катастрофами или войнами, другие луны были уничтожены.

Поднялося зарево. Взрывы оружия массового разрушения.

Народ совладать не мог никак со кощеевой тёмною мыслью. Не могли противостоять войску кощеев.

Пошли лютой вьюгою, привели с собой гром и молнии. Говорится о природных бедствиях, что вызывались искусственно с помощью силы мысли.

С ненастями. С использованием природных катаклизмов.

Полетел высоко он мыслею. Перемещение в пространстве в теле Души. Таким образом можно путешествовать по Вселенной и наблюдать за происходящими событиями, когда физическое тело остаётся неподвижным, как будто спит.

Чертоги. Территории, места нахождения.

За напраслину. Просто так (не за что).

Вознося богам своим почести. Говорится о служителях кощеев, которые считали Кожана и его ближнее окружение Богами.

Не сидел внутрих добрый молодец, не сидела там красна девица. Говорится о том, что выпущенный летательный аппарат был без пилота и управлялся удалённо.

Тут Инград-Земля всколыхнулася и открылось оконце тёмное, да Инград-Земля закружилася, да из глаз долой вовсе сгинула. Говорится об уничтожении планеты с помощью летательного аппарата, который проник в её недра и нарушил равновесие ядра, от чего произошёл взрыв.

Семя тёмное. Ядовитые вещества.

Глядь — а Яра уж нет с сотоварищами. Говорится о мгновенном перемещении тел в пространстве (телепортации).

Книга железная. Устройство для записи и хранения информации. Книги железные были разных форм и технологий. Некоторые из них были компьютеризированы и имели голографические изображения.

Живая и Мёртвая вода. В данном эпизоде говорится о неких жидкостях неизвестного состава, при смешивании которых происходила определённая реакция. Дерево было необычным в нашем понимании, поэтому реакция очень сильно ускоряла процессы роста и взаимодействия с землёй.

Прошептали слова заветные. Произнесли заклинания.

Буря сильная поднялась тогда. После уничтожения Велы-луны произошло изменение гравитации на Земле, что привело к образованию огромной волны. Сейчас это явление можно наблюдать в виде приливов и отливов, зависящих от положения Луны.

Короба набив пустотой великою. Технология, которая на планетарном уровне позволяла переместить целую планету без ущерба для неё (та же технология, что использовалась в суммах бездонных). Пилоты изменили пространство вокруг планеты (сжали во много раз).

Тридцать Земель. Образно — далеко.

Не успело ярило и раз обойти-обернуться навколо Мирград-Земли. Говорится, что не прошли одни сутки.

Лето. Год.

А в то время болезней не знал никто. Болезнь — следствие неверного образа жизни и мышления (в настоящей или прошлых жизнях). Целостно развитый Человек болезней не знает.

Светоч. Отражение силы и мудрости Человека, которую излучают его глаза.

Белозёрье. Ещё одно название страны Арии.

Коды. Когда.

Душа неупокоенная. Душа, не сумевшая вернуться во вселенский цикл перерождения, оставшаяся притянутой к месту смерти или определённых событий.

Книга малая. Память Рода Лунного. Род Лунный является древнейшим в нашей солнечной системе и несёт в себе великие Знания, что сохраняются Душой его. Только тот, кто мыслью способен проникнуть в неё, получает доступ к Светлым Знаниям. Сейчас каждый Человек на Земле содержит в Душе путь к этому Знанию, но только сильные и светлые Духом могут получить его.

Любава. Возлюбленная.

Картины тёмные шли на ум. Говорится о ясновидении предполагаемого будущего.

Стал мастерить врата мыслию. Речь идёт о звёздных вратах, что позволяют мгновенно переносить тело из одной точки Вселенной в другую.

Кони быстрые. Средства для передвижения в пространстве.

Вопрошать за душу чистую. Проверять видением душу Человека, перед тем как союз заключать.

Страцать. Пугать.

Глаза заблестели. Глаза — отражение Души. Любое изменение в Душе отражается во взгляде. Светлые, сильные и мудрые люди имеют пронзительный и добрый взгляд.

Пришёл он на поклон ко сородичам своим бесплотным. Род Лунный — Дух, что находится на Луне, но не в нашем мире, а в мире Прави — высшем мире нашей Вселенной. Только высокоразвитые Души могут жить в мире Прави. Эти Души объединены в Дух Рода Лунного.

На другом краю света тёмного. Имеется в виду на краю звёздного неба — Сварги (Галактики).

Заказано. Запрещено.

Попалить огнём пламени синего, что было в ихних стрелах. Оружие, стреляющее капсулами, что сжигает тело синим огнём при соприкосновении.

Не находили они места себе в теле новом. Витязи имели высокий уровень развития души, но их потомки на Земле спустились вниз по лестнице эволюции. Воины светлые могли переродиться лишь в ущерб собственному развитию, но этот вариант их не устраивал. Поэтому они ждали лучших времён, неся службу Лелю.

Укрыли в тереме золочёном. Арии умело управляли пространством и могли увеличивать внутренний объём объекта. Так было и с теремом — внутри он был значительно больших размеров, чем снаружи.

Великий Предел. Вся видимая часть нашей Вселенной.

Дракон Огненный. Первородная форма жизни, похожая на живую магму. Название «Дракон» — иносказательное.

Непт. Известный нам под именем Нептун.

Перст. Палец.

Семь печатей. Семь энергетических защитных экранов.

Одежи железные. Специальный защитный костюм от высоких температур — скафандр.

Имел он связь древнюю с родом сынов человеческих. Говорится о причинно-следственной связи эволюции Человечества, имеющего в своём Начале материал «Огненного Дракона».

Облики воинов. Голографические изображения, имитирующие воинов.

За сотни сотен вёрст. Упрощено для красивой формы изложения.

Очертить круг три раза вокруг него. Поставить энергетическую защиту.

Выпустила птица та из чрева диковинные вещицы. Урские малые летательные аппараты, по форме очень похожие на светящиеся диски (тарелки).

Света тёмного огнища в рукоятях малых. Вид оружия уров. Стреляет чёрным излучением, что разрушает любую материю.

Могло оно погубить не одну душу — находилось корнями на разломе сил светлых и тёмных. Кушая плод, Человек впитывает часть Духа деревца. Из-за того, что Дух деревца находился на границе светлых и тёмных сил, он мог изменить душу Человека в одну из сторон.

Окунувшись в Бело-Озеро. Через Белое Озеро выходил Источник Жизни, который структурировал и заряжал воду. Вода Белого Озера ускоряла раскрытие Души Человека, если его помыслы были светлыми.

Забился меркул его в уголки души. Меркул — Суть (Дух, мыслеобраз). Речь идёт о сжатию Духа, о временной утрате способности управлять самим собой. (Подробнее о Духе вы сможете прочитать в одной из следующих наших книг «Созидающие Руны Вселенной»)

Мыслями своими обращались в те места. Говорится о ясновидении, когда Человек видит мыслью на расстоянии.

Светлицы. Место для обучения Знанию светлому. Классы, школа.

Тать. Враги, разбойники, скверные люди.

В скале появилась дверца. В современном языке есть понятия телепорт, портал, межпространственные врата, что позволяют мгновенно перемещаться из одной точки пространства в другую.

Явь, Навь, Правь. Нашу Вселенную можно условно разделить на семь миров, а те в свою очередь на три мерила:

— Явь — что есть явный, плотный, физический, нижний, первый мир. Это привычный нам мир. Именно в нём живёт наше тело и к нему с рождения приковано наше сознание (часть Души).

— Навь — миры более тонких материй, следующие за физическим миром. Это миры, в которых живёт и развивается наша Душа. Многие люди попадают в миры Нави во время сна.

— Правь — высший мир, мир самых тонких материй. В этом мире находятся Души, прошедшие Вселенский уровень развития. В Прави живут только высокоразвитые Души, они обладают способностями создавать новые миры и управлять процессами Вселенной на самом тонком уровне.

Зажмурив глаза, оба очутились во чистом поле. Перенеслись в пространстве, в мире Яви.

Возвращая им назад их замыслы тёмные, оборачивая супротив них же. Определение понятия Кармы, что явилась следствием замысла Яра.

Не за здорово живёшь. Не просто так, не бесплатно.

Удаль молодецкая. Боевые искусства.

Во тёмном и светлом небе. В космосе и атмосфере.

Прокладывал ему дорогу меж Явью и Навью. Прокладывал дорогу в междумирьи, в котором пространство подчиняется другим законам и позволяет ускорить передвижение.

Обменялись безмолвным словом. Обменялись мыслями.

Кои теперешним ни чета. Говорится о мастерах, которые значительно превосходили современников в искусстве строительства.

Единорог. Носорог.

Верхний мир. Имеется в виду один из верхних миров Нави, где живут более светлые и развитые Души.

Свет тёмный. Часть тёмного духа Кожана.

Светлое Начало. Источник Жизни, первомагии, которые питают всё живое. Этот поток исходит из центра Земли через северный полюс, окутывая планету.

Видел он всю суть ихнюю до мельчайших деталей и формы тел причудливые.
Энергетические тела — тела Души.

Душа стала обладать тремя новыми отростками. Были добавлены три новых тела. Обычно Человек нарабатывает (развивает, создаёт) тела с помощью развития себя, на что может уйти не одна жизнь. Чем больше тел имеет душа, тем большими способностями обладает Человек. Человек, условно говоря, может иметь от двух до шести тел, не считая плотное (физическое).